

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 2 | № 4
Volume 2

СОЦИОЛОГИЯ
И УПРАВЛЕНИЕ

SOCIOLOGY
AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
research-result.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Том 2, №4. 2016

**СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**
Издается с 2014 г.
ISSN 2409-1634

Volume 2, № 4. 2016

**ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL**
First published online: 2014
ISSN 2409-1634

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: *Шаповалова И. С.*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: *Лебедев С. Д.*, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: *Кисиленко А. В.*, старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: *Лыщенко И. В.*, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Шмигирилова Л. Н., кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Института управления по международной деятельности Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Хашаева С. В., кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Белых Т. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благовещев М., доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (FOREL) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К. Э. Циолковского», Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинюк В. А., доктор теологии, Венского Университета, доцент, зав. кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мchedlova E. M., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мchedlova M. M., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Патрик Э. И., доктор технических наук, профессор, председатель правления международной Академии управления и технологий INTAMT, Германия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сасунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Боснии и Герцеговины.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: *Inna Shapovalova*, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: *Sergey Lebedev*, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: *Anastasey Kisilenko*, Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: *Igor V. Lyashenko*, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University.

Larissa Shmigirilova, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate professor, Deputy director of international activity, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

Svetlana Hashaeva, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate professor, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

Tatyana Belikh, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate professor, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

CONSULTING EDITORS:

Gulnara Abdraiymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Cvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevic, Doctor of Philosophy, Professor, University of Niš, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Edward Patrik, Doctor of Engineering Science, Professor, chief executive officer of International Academy of Management and Technology INTAMT, Germany.

Svetlana Ryzanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Elena Rutkewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Tashchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Гайдукова Г. Н. Процесс формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах: особенности мониторинга 3

G. N. Gaidukova The process of formation of cultural and civilization identities in border regions: features of monitoring 3

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Кислова О. Н., Кузина И. И. Академическая порядочность современных украинских студентов в контексте становления академической культуры 8

O. N. Kislova, I. I. Kuzina Academic integrity of modern ukrainian students in the context of formation of academic culture 8

Маркина И. В. Социологические исследования семьи в рамках реляционной парадигмы П. Донати 21

I. V. Markina Sociological study of the family within P. Donati's relational paradigm 21

Trifunovic V. S. Migration processes and demographic structure in the eastern borderlands of the republic of Serbia 34

V. S. Trifunovic Migration processes and demographic structure in the eastern borderlands of the republic of Serbia 34

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

TRANSDISCIPLINARY RESEARCHES IN THE SPHERE OF SOCIAL-SCIENCE THEORIES

Желнина Е. В. Россия-2050: результаты социологического исследования 41

Eug. V. Zhelnina Russia-2050: results of the sociological research 41

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

Гришаева Е. И. Роль коммуникативных практик в формировании идентичности православных верующих 47

Ek. Iv. Grishaeva Role of communication practices in the formation of identity of orthodox believers 47

Мартинovich В. А. Методологические проблемы в определении документов новых религиозных движений 52

V. Al. Martinovich Methodological problems in identifying the documents of new religious movements 52

Уфимцева Е. И. Отношение родителей к обучению детей в православной воскресной школе 63

Ek. Ig. Ufimtseva The attitude of parents towards education of children at the orthodox sunday school 63

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES**

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-4-3-7

Гайдукова Г.Н.

**ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ:
ОСОБЕННОСТИ МОНИТОРИНГА**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия.
G_Gaidukova@bsu.edu.ru

Аннотация. Процесс формирования новых культурно-цивилизационных идентичностей можно наблюдать при трансформации государств, которые происходят в современном мире. Особенно актуальны эти процессы для территорий, на которых в последние годы возникли новые государственные объединения. В рамках статьи приведены теоретические и практические изыскания в области разработки и внедрения системы мониторинга процесса формирования культурно-цивилизационных идентичностей приграничных регионов. Приведены данные социологического исследования «Специфика формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины». На основе исследования выделяются элементы системы социологического мониторинга формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах. Автор утверждает, что планирование и организация социологического мониторинга позволяют повысить результативность всей системы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах, обеспечивая четкую связь между прошлыми, настоящими и будущими программами и стратегиями, а также результатами развития.

Ключевые слова: мониторинг; идентичности; приграничные регионы; культурно-цивилизационные идентичности.

G. N. Gaidukova

**THE PROCESS OF FORMATION OF CULTURAL AND CIVILIZATION
IDENTITIES IN BORDER REGIONS: FEATURES OF MONITORING**

Belgorod State University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. *G_Gaidukova@bsu.edu.ru*

Abstract. The process of formation of new cultural and civilization identities can be observed in the process of transformation of the states which occur in the modern world. These processes are especially urgent for the territories in which there were new state associations in recent years. In the article, theoretical and practical researches in the field of development and deployment of the system of monitoring of the process of formation of cultural and civilization identities of border regions are given. The data of the social research «The specifics of formation of cultural and civilization identities in the border regions of Russia and Ukraine» are provided. On the basis of the research, the elements of the system of sociological monitoring of formation of cultural and civilization identities in border regions are determined. The author claims that the planning and organization of sociological monitoring allow to increase effectiveness of the whole system of formation of cultural and civilization identities in border regions, providing accurate communication between the past, present and future programs and strategies, and the results of development.

Keywords: monitoring; identity; border regions; cultural and civilization identity.

Введение

Культурно-цивилизационная идентичность, отражающая соотнесение личности или группы с исторически сложившейся системой ценностей,

социокодов, форм сознания и структур, стилей поведения, групповых форм культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства является важнейшим

элементом функционирования общества. Культурно-цивилизационная идентичность представляет собой одну из многообразных социальных идентичностей, обладающую собственной спецификой. Для социальной идентичности в целом характерно определение личностью или группой своей позиции с точки зрения принадлежности к той или иной общности – вплоть до полного самопричисления к ней.

Распад СССР и образование новых постсоветских государств привели к кризису традиционных идентичностей на территории современного евразийского пространства. Одним из следствий этого является утверждение специфического типа социальной аномии, выступающей в форме комплекса неопределенностей, определяющих сознание и поведение значительной части граждан и, в конечном итоге, выражающихся в неустойчивости и нелинейности социокультурного развития. Одновременно на территории постсоветского пространства идет процесс становления новых типов культурно-цивилизационных идентичностей, выступающих как сложная комбинация традиционных представлений и реалий, обусловленных глобализацией мирового развития и новыми интеграционными возможностями.

Развитие ситуации в рамках российско-украинского сотрудничества объективно вынуждает руководителей этих стран, прежде всего России, обратить внимание на решение проблемы формирования идентичности. Однако решить ее можно только при условии междисциплинарного научного анализа, опираясь на новейшие разработки в области теории социальных технологий, приграничного сотрудничества и международной интеграции.

Термин «мониторинг» утвердился в науке в XX веке для обозначения повторных целенаправленных наблюдений за одним или несколькими элементами окружающей среды в пространстве и времени. Мониторинг представляет собой сложное и неоднозначное явление, использующееся с различными целями в различных сферах научно-практической деятельности, но обладающее общими характеристиками и свойствами [3, с. 216].

Эффективное управление возможно только на основе непрерывного потока информации о состоянии объекта и тех процессах, которые обеспечивают динамическое равновесие системы или угрожают его нарушить. Поэтому мониторинг как механизм управления процессами развития включает полноценное информационное обеспечение управления,

которое позволяет осуществлять непрерывное слежение за состоянием системы [5, с. 340].

Мониторинг процесса формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах представляет собой систему сбора, обработки и интерпретации информации о диспозициях акторов культурно-цивилизационных идентичностей для оценки и прогноза состояния идентификационных представлений различных групп населения, включающие в себя комплекс установок и ориентаций, в целях развития и повышения эффективности приграничного взаимодействия [2, с. 560].

Необходимость обращения к проблеме мониторинга формирования культурно-цивилизационной идентичности в приграничных регионах объясняется рядом факторов:

- возросшим интересом к проблеме культурно-цивилизационной идентичности со стороны органов государственной власти, специалистов и граждан приграничных регионов;
- необходимостью сохранения единого социокультурного пространства соседствующих государств;

- потребностью в формировании новой гражданской идентичности граждан приграничных регионов при сохранении и развитии этнической (культурной) идентичности – нового идеологического базиса, способствующего объединению населения регионов;

- поиском идентификационных кодов в социальной действительности, основанной на этнической консолидации постсоветского общества и путей достижения локальной устойчивости в условиях глобализации в полиэтничном пространстве стран содружества.

Исследование опирается на разработку концепции цивилизационной идентичности в трудах современных исследователей. В общем виде структуру цивилизационной идентичности (применительно к любой цивилизации) можно представить следующим образом. Каждая сложившаяся цивилизация тяготеет, во-первых, к выраженным формам самосознания; во-вторых, она соотносит себя и свою специфику с окружающими ее смежными или родственными цивилизациями; наконец, в-третьих, она стремится проецировать свои достижения и проблемы на мировое сообщество в целом и всемирную культуру [9, с. 293].

Проектирование и реализация технологии социологического мониторинга формирования культурно-цивилизационных идентичностей приграничных регионов изначально связаны с решением задачи выбора адекватной

содержательной и организационной модели. При этом оба аспекта задачи создают комплекс сложностей. В содержательном отношении они связаны с многообразием концептуальных подходов, каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки. В организационном – с довольно существенными различиями в выстраивании организационных структур и моделей приграничного взаимодействия.

Предлагаемая модель основана на нескольких постулатах:

во-первых, специфика социологического мониторинга заключается в том, что если рассматривать культурно-цивилизационную идентичность приграничных регионов с позиций социокультурного подхода, можно выделить две ее основные характеристики. Внутренняя

составляющая образа соединяет представления о соседних государствах, соединяющей западные и восточные начала, большой, богатой культурным наследием и ресурсами, которыми гордятся, с представлением о пограничном достоинстве, потерях и ущербах от революций, войн, неразумных реформ. Внешняя компонента образа – нахождение на стыке западной и восточной цивилизаций [6, с. 179];

во-вторых, система показателей мониторинга включает в себя как ценностно-смысловой элемент, так и предметно-практический, что, по нашему мнению, позволяет избежать односторонности оценок;

в-третьих, при всей объективной востребованности мониторинга, на практике отношение к нему далеко не однозначно; следовательно, предлагаемая модель должна быть максимально адаптивной, допускающей ее принятие различными по своим воззрениям субъектами формирования культурно-цивилизационных идентичностей приграничных регионов [1, с. 312].

Основная часть

Под культурно-цивилизационной идентичностью мы понимаем соотнесение индивида, группы, нации с социокультурной матрицей – исторически сложившейся системой культурных образцов (социокодов, паттернов, фреймов), следствием которого является типизация социальных практик и индивидуальных жизненных траекторий.

Естественно, процесс глобализации способствует размыванию культурно-цивилизационной идентичности. С одной стороны, во всем мире осуществляется экспансия культурных образцов, истоки которых лежат в европейской и североамериканской (западно-

христианской) культурах. С другой – сами эти образцы все более утрачивают свою культурную специфику, унифицируясь под влиянием идеологии рыночной экономики и массового потребления. При этом в обществах, принадлежащих к ареалу западно-христианской культуры, происходят процессы социальной атомизации и нормативно-ценностной дифференциации. При этом они также испытывают сильнейшее миграционное давление со стороны обществ, принадлежащих к иным культурно-цивилизационным типам.

Специфика мониторинга процесса формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах определяется характером процессов, лежащих в его основе. На наш взгляд, трудности организации и проведения мониторинга процесса формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах объясняется следующими причинами:

– отсутствие четкого разделения при интерпретации понятий «контроль», «диагностика» и «мониторинг»;

– недостаточная научная разработанность программы мониторингового исследования;

– несоблюдение этапов проводимых мониторинговых исследований. Это, в свою очередь, объясняется отсутствием разработанной программы мониторингового исследования. Кроме того, пренебрежение некоторыми из этапов мониторинга, (в частности, недооценка роли анализа и прогнозирования), приводит к получению субъективных данных по результатам исследования и отсутствию дальнейшей работы с полученной информацией. В данном случае мониторинг, т.е. получение данных в ходе диагностики и оформление их в виде таблиц, схем и диаграмм становится самоцелью. Часто на этом проведение мониторинга заканчивается, в то время как необходимым считаем дальнейшую работу с полученными данными с тем, чтобы сравнить результаты в ходе корректировочного этапа с разработанными заранее критериями [7, с. 1117].

Можно выделить две составляющие системы социологического мониторинга формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах: организационную и управленческую [10, с. 74].

Организационная составляющая социологического мониторинга формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах объединяет формы и методы организации мониторинга как системы, системы управления им, структуры элементов,

реализующих функции мониторинга, процессов мониторинга.

Управленческая составляющая системы социологического мониторинга формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах включает формы и методы управления мониторингом, отдельными процессами и персоналом, а также управленческую структуру и систему прав и обязанностей должностных лиц по поводу их участия в реализации процессов мониторинга и использования его результатов [4, с. 404].

Система социологического мониторинга обеспечивает получение определенных оценок состояния и является ключевым элементом для получения объективной картины формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах [8, с. 53].

Эмпирической базой, позволяющей верифицировать теоретические положения, стали результаты социологического исследования «Специфика формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах России и Украины», проведенного в июле-сентябре 2015 года. Исследование включало массовый опрос населения (N=1000). В качестве респондентов выступили жители приграничных регионов России и Украины в возрасте от 14 до 60 лет и старше, по 500 человек с каждой стороны.

Исследование показало: в условиях проводимой властями Украины политики девальвации общего прошлого исследуемых государств, отсутствие его массового негативного восприятия украинцами само по себе является важной предпосылкой формирования общих черт в культурно-цивилизационных идентичностях населения приграничных регионов. Особую значимость это приобретает в условиях риска негативной идентификации населения приграничных регионов Украины, выявленной в ходе экспертного опроса по данной теме в 2014 году.

Оценка исторического прошлого оказалась в определенной мере связана с культурной идентификацией населения. О том, что более всего его определяли дружба и взаимопонимание, чаще всего сообщают те, кто идентифицируют себя с евразийской культурой (60,7%), в меньшей мере – со славянской (52,4%), о недоверии несколько чаще других говорят те, кто идентифицируют себя с мировой культурой (12,4%). Определяют историю взаимоотношений между Украиной и Россией как добровольное или

вынужденное сотрудничество, преимущественно люди, идентифицирующие себя с представителями русской культуры (32,2% и 25,4% соответственно).

Показателем индифферентности населения приграничных регионов России в отношении Украины служит значимая доля опрошенных россиян, затруднившаяся дать ответ на ряд вопросов, касающихся этой страны и российско-украинских отношений. Так от 19,6% до 31,6% затруднились ответить на вопросы о характере влияния Евромайдана на свое отношение к Украине, оценить происходящие в ней сейчас события. Население российского приграничья значительно чаще украинского затрудняется ответить на вопросы о роли совместного советского прошлого на современные российско-украинские отношения (28,0% россиян против 11,4% украинцев), о характерных чертах украинцев (20,6% против 11,0% соответственно) и др.

Заключение

Эффективное построение логической схемы процесса социологического мониторинга формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах предполагает:

- применение методики мониторинга и ее оценки в процессе формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах;
- определение основных факторов, определяющих успешность/неуспешность реализуемых мероприятий;
- определение таких показателей, которые могут быть достаточно точно определены и измерены через индикаторы;
- наличие потенциальных возможностей изменения применяемой методики.

Информацию, полученную в ходе социологического мониторинга, необходимо использовать для принятия решений в системе управления формированием культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах. Одновременно мониторинг является инструментом управления формированием установок и ориентаций генераторов идентичностей – социальных субъектов, генерирующих процессы идентификации.

Правильное планирование и организация социологического мониторинга позволяют повысить результативность всей системы формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах, обеспечивая четкую связь между прошлыми, настоящими и будущими программами и

стратегиями, а также результатами развития. Научно обоснованная технология организации социологического мониторинга помогает получить релевантную информацию, которая может быть использована для регулирования процессов управления и дальнейшего планирования.

В этом смысле социологический мониторинг формирования культурно-цивилизационных идентичностей в приграничных регионах должен состоять из логического сочетания технологий и механизмов позволяющих объективно оценивать процессы в приграничных регионах, а также предоставлять достоверную информацию для принятия эффективных управленческих решений.

Социологический мониторинг формирования культурно-цивилизационных идентичностей приграничных регионов должен строиться как проблемно-ориентированная аналитическая система, способствующая повышению эффективности приграничного взаимодействия на Европейском континенте. Системные и долгосрочные последствия и стратегические перспективы для межгосударственного взаимодействия стран постсоветского пространства – вот главная характеристика ожидаемых эффектов от социологического мониторинга формирования культурно-цивилизационных идентичностей приграничных регионов.

Список литературы

1. Adler A. Social Interest: A Challenge to Mankind. Faber and Faber Ltd, 2011. P. 312.
2. Brown R.W., Kottler J.A. Introduction to Therapeutic Counseling Voices from the Field. Brooks Cole, 2001. P. 560.
3. Fromm E.S. To Have or to Be? W.W. Norton & Co, 2014. P. 216.
4. Jung C.G. The Red Book. W.W. Norton & Co, 2009. P. 404.
5. Hogg M.A. From uncertainty to extremism: Social categorization and identity processes. *Current Directions in Psychological Science*, 2014. Pp. 338-342.
6. Models of the Russian-Ukrainian crossborder cooperation: the possibility of design in unstable social-political environment / V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, V.A. Sapryka, A.V. Pastyuk // *International scientific conference. The 5th International Conference on the political technological, economic and social processes*, 2015. Pp. 169-182.
7. Peculiarities of the social chronotopes of the boundary regions of Russia and Ukraine / Sapryka V.A., Babintsev V.P., Babintseva H.I., Bykhtin O.V., Pastyuk A.V. // *The Social Science*. 2015. №10. Pp. 1116-1118.

8. Бабинцев В.П., Реутов Е.В., Сапрыка В.А. Политико-культурная делимитация приграничных регионов России и Украины в оценках экспертного сообщества // *Регионоведение*. 2015. №1. С. 45-56.

9. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // *Вопросы социальной теории*. 2010. Т. IV. С. 282-304.

10. Сапрыка В.А., Быхтин О.В. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества // *Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества*. 2015. С. 71-88.

References

1. Adler A. Social Interest: A Challenge to Mankind. Faber and Faber Ltd, 2011. P. 312.
2. Brown R.W., Kottler J.A. Introduction to Therapeutic Counseling Voices from the Field. Brooks Cole, 2001. P. 560.
3. Fromm E.S. To Have or to Be? W.W. Norton & Co, 2014. P. 216.
4. Jung C.G. The Red Book. W.W. Norton & Co, 2009. P. 404.
5. Hogg M.A. From uncertainty to extremism: Social categorization and identity processes. *Current Directions in Psychological Science*, 2014. Pp. 338-342.
6. Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Sapryka V.A., Pastyuk A.V. Models of the Russian-Ukrainian crossborder cooperation: the possibility of design in unstable social-political environment. *International scientific conference. The 5th International Conference on the political technological, economic and social processes*, 2015. Pp. 169-182.
7. Sapryka V.A., Babintsev V.P., Babintseva H.I., Bykhtin O.V., Pastyuk A.V. Peculiarities of the social chronotopes of the boundary regions of Russia and Ukraine. *The Social Science*, 2015. № 10. Pp. 1116-1118.
8. Babintsev V.P., Reutov E.V., Sapryka V.A. Political and cultural delimitation of the border regions of Russia and Ukraine in the evaluations of the expert community. *Regionologiya*, 2015. № 1. Pp. 45-56.
9. Kondakov V.I. Civilizational identity of Russia: essence, structure and mechanisms, 2010. Т. IV. Pp. 282-304.
10. Sapryka V.A., Bykhtin O.V. Problems and prospects of cross border cooperation. *Integratsionnyie modeli prigranichnogo i mezhtsegiunalnogo sotrudnichestva*, 2015. Pp. 71-88.

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Galina N. Gaidukova, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Social Technologies, Belgorod State University.

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES**

УДК 316.378

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-4-8-20

Кислова О.Н.¹
Кузина И.И.²

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПОРЯДОЧНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ
УКРАИНСКИХ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

¹Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина.
olga.kyslova@karazin.ua

²Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, пл. Свободы, 4, Харьков, 61022, Украина
kuzina_irina@yahoo.com

Аннотация. Актуальность исследования академической порядочности (как и ее антипода – академической непорядочности) обусловлена сложившейся ситуацией, когда академическая культура превратилась в академическую антикультуру, что пагубно сказывается на всем украинском обществе. Академическая порядочность трактуется нами как многогранный конгломерат разнообразных академических практик, наиболее весомой частью которого являются обыденные студенческие практики, в частности, освоение лекционного материала, подготовка к семинарским и практическим занятиям. Цель статьи – анализ проявлений порядочности/непорядочности в основных учебных практиках украинских студентов. Эмпирической основой анализа служат данные массового социологического опроса студентов и преподавателей украинских вузов (массив данных составляет 1928 студентов и 374 преподавателя), а также результаты фокусированных групповых интервью со студентами вузов (8 фокус-групп в различных регионах Украины).

Основным результатом исследования является выявление зависимости между частотой проявления академической непорядочности и доминирующей мотивацией пребывания в вузе. Наиболее часто академическая непорядочность наблюдается среди студентов, которые не мотивированы на получение профессиональных знаний, а обучаются в университете по другим причинам. Как свидетельствуют результаты исследования, только 33% студентов мотивированы на получение профессиональных знаний, 41% опрошенных затруднились объяснить мотивы своего пребывания в вузе, а 26% в качестве факторов пребывания в вузе указали не относящиеся к учебной деятельности как таковой (стремление получить диплом, стипендию и др.).

Здоровая академическая культура является фактором успешного развития общества. Она находит свое выражение в писаных и неписаных нормах, которые признаются академическим сообществом, и обусловлена широким спектром явлений, которые регулируют и определяют жизнь академических учреждений на основе сформированных традиций, соглашений, обычаев.

Формирование здоровой академической культуры в соответствии с мировыми – длительный и сложный процесс. Первый шаг в этом направлении – признание существующих проблем, открытое их обсуждение, уход от практики стыдливого замалчивания неприглядных явлений.

Ключевые слова: академическая культура; академическая порядочность; академическая непорядочность; учебные практики.

O. N. Kislova¹
I. I. Kuzina²

**ACADEMIC INTEGRITY OF MODERN UKRAINIAN STUDENTS
IN THE CONTEXT OF FORMATION OF ACADEMIC CULTURE**

¹V.N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine. *olga.kyslova@karazin.ua*

²V.N. Karazin Kharkiv National University, 4 Svobody Sq., Kharkiv, 61022, Ukraine. *kuzina_irina@yahoo.com*

Abstract. The relevance of the study of academic integrity (as well as its antipode – academic dishonesty) is determined by the current situation, when the academic culture turned into an academic anti-culture, that had a negative affect on the entire Ukrainian society. We regard academic integrity as a multifaceted conglomerate of diverse academic practices, the most significant part of which are the ordinary educational practices, in particular, the learning of lecture material, preparation for seminars and workshops. The purpose of the article is to analyze the manifestations of integrity / dishonesty in basic educational practices of Ukrainian students. The empirical basis for the analysis is the data of a mass sociological survey of students and professors in Ukrainian universities (dataset of 1928 students and 374 professors), as well as the results of the focus groups with students of higher educational institutions (8 focus groups in different regions of Ukraine).

The main result of the study is discovering the correlation between the frequency of manifestation of academic dishonesty and the dominant motivation for being in high school. Academic dishonesty is more often observed among students who are not motivated to get professional knowledge, but study at the University for other reasons. As the results of the study demonstrate, only 33% of the interviewed students are motivated to obtain professional knowledge, 41% of respondents found it difficult to explain the reason why they attend University, and 26% say that they attend University because of factors that are not related to the educational activity (the desire to get a diploma, obtain scholarship, and etc.).

Healthy academic culture is a factor of the successful development of the society. It finds its expression in the written and unwritten rules, which are recognized by the academic community, and due to the wide range of phenomena that govern and determine the life of academic institutions on the basis of formed traditions, conventions and customs.

Formation of the healthy academic culture in accordance with world standards is a long and complex process. The first step in this direction is the recognition of the problems, their open discussion, discontinuing the practice of complicit silence surrounding the unpleasant phenomena.

Keywords: academic culture; academic integrity; academic dishonesty; educational practice.

Введение

Сложившаяся в настоящее время ситуация в сфере высшего образования в Украине является предметом многочисленных дискуссий и вызывает неоднозначную оценку как экспертов, так и простых граждан. При этом главный фокус внимания оказался сосредоточенным на институциональных изменениях в сфере высшей школы, а социокультурным изменениям до последнего времени уделялось недостаточно внимания, хотя многие исследователи утверждают, что эффективное реформирование высшего образования невозможно без учета социокультурных факторов и трансформации академической культуры (см. [1-3; 5; 6]).

Традиционно академическая культура трактуется как совокупность норм и ценностей, мотиваций и убеждений, определяющих образовательную и научную деятельность [5, с. 23; 13, с. 34; 24, с. 61]. Академическая культура – многогранный феномен. Важнейшей составляющей академической культуры является академическая порядочность, под которой Международный центр академической порядочности (The International Center for Academic Integrity) предлагает понимать обязательство, даже перед лицом невзгод, культивировать фундаментальные академические

ценности: честность, доверие, справедливость, уважение, ответственность [22], а также мужество [23]. Менее пафосно академическую порядочность можно определить как практику добросовестного выполнения всевозможных обязанностей, связанных с учебным процессом, основанную на принципах честности, ответственности и уважения к другим членам сообщества.

Актуальность исследования академической порядочности (как и ее антипода) обусловлена в первую очередь тем, что академическая непорядочность в украинских реалиях переросла все мыслимые границы, превратив академическую культуру в антикультуру, пагубно воздействующую на все общество в целом. Безусловно, исследования академической порядочности предполагают два аспекта – академическая порядочность студентов и академическая порядочность преподавательского состава. Каждый из этих аспектов представляет собой многогранный конгломерат разнообразных академических практик. Мы сузим фокус своего внимания и проанализируем лишь основные академические практики украинского студенчества, поскольку в одной публикации невозможно охватить все аспекты исследуемого явления.

Целью данной статьи является изучение того, как проявляется порядочность/непорядочность в основных учебных практиках украинских студентов.

Эмпирической основой нашего анализа послужили массивы данных, полученные в рамках проекта «Академическая культура украинского студенчества: основные факторы формирования и развития», реализованного с 25.12.2014 по 10.07.2015 коллективом Восточноукраинского Фонда социальных исследований совместно с сотрудниками Института социально-гуманитарных исследований Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина при поддержке Международного фонда «Возрождение». В частности, использовались результаты массового социологического опроса студентов и преподавателей вузов (массив данных составляет 1928 студентов и 374 преподавателя), данные фокусированных групповых интервью со студентами вузов (8 фокус-групп в различных регионах Украины).

Практики подачи и восприятия лекционного материала: взгляды студентов и преподавателей

Как показало исследование, невзирая на многочисленные академические дискуссии относительно необходимости внедрения в учебный процесс инновационных форм обучения, в настоящее время преобладают традиционные формы преподавания. При этом студенты и преподаватели по-разному оценивают распространенность различных форм преподавания, в частности, такого догматического способа, как преподнесение лекционного материала в виде диктовки конспекта. Так, 61% студентов, отвечая на вопрос: «Как преподаватели на Вашем факультете читают лекции для студентов?», отметили, что преподаватели диктуют конспект. Преподаватели же полагают, что преподнесение лекционного материала осуществляется преимущественно без диктовки (66%) (рис. 1).

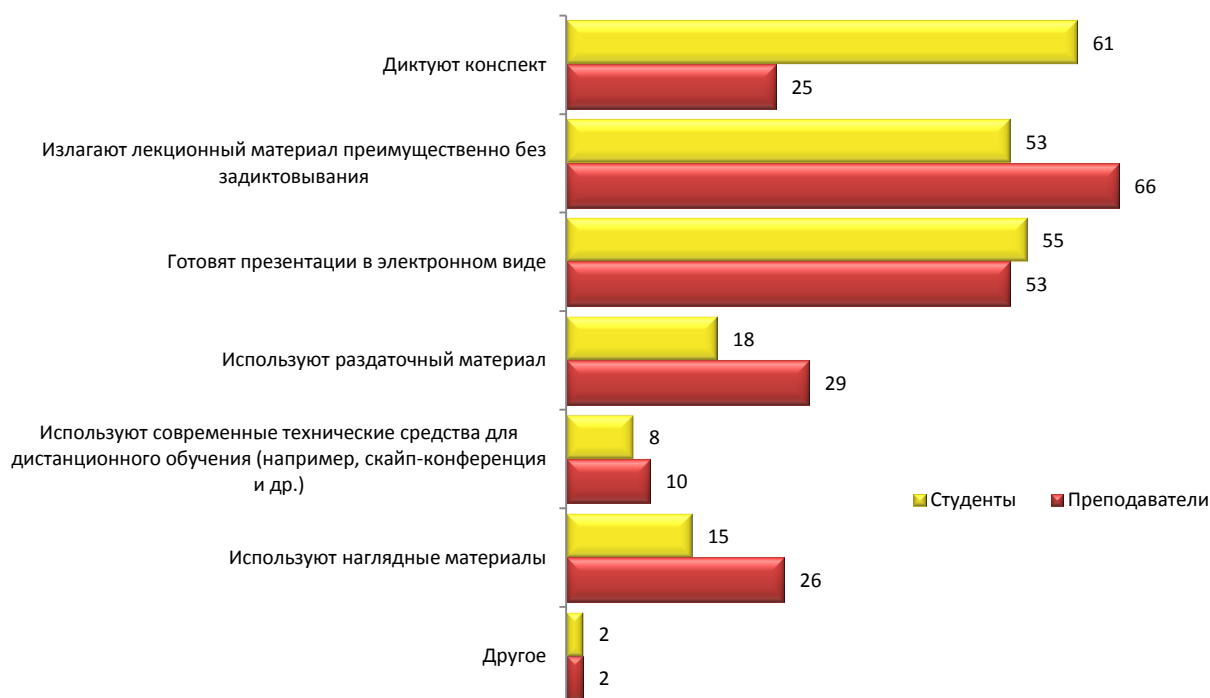

Рис. 1. Распространенность различных форм подачи лекционного материала, %
Fig. 1. Popularity of different forms of presentation of lecture material, %

Почему наблюдаются различия в оценках распространенности различных форм подачи лекционного материала среди студентов и преподавателей? Мы полагаем, что они обусловлены различиями во взглядах студентов и преподавателей на практику ведения конспекта. Преподаватели, по крайней мере, стремящиеся

быть на волне новых тенденций в образовании, часто рассматривают традиционные формы преподнесения материала как «приевшиеся» и «устаревшие». Они предпочитают использовать различные инновационные технологии, применение которых чаще всего поощряется руководством вузов.

Однако молодое поколение оценивает технологии обучения с прагматических позиций, т.е. позиций их эффективности в достижении своих целей. Степень «новизны» формы преподнесения информации преподавателем в этом контексте не является ключевым фактором оценки студентами качества обучения.

Наш собственный опыт чтения лекций позволяет утверждать, что наиболее мотивированные на получение знаний студенты предпочитают конспектировать лекции, даже при наличии их электронного варианта (в виде конспекта и/или презентации). Мы задавали своим студентам вопрос: «Зачем Вы конспектируете, если тест лекции представлен в Google Классе?». И они отвечали, что во время конспектирования лучше запоминают материал. Об этом же свидетельствуют результаты различных исследований, проведенных в последние годы с целью анализа эффективности различных «новых» учебных практик, основанных на использовании информационных технологий [14; 16; 18; 21].

Так, психологи Принстонского и Калифорнийского университетов провели исследование эффективности конспектирования лекций от руки в контексте формирования навыков понимания и запоминания преподаваемого материала. Результаты исследования продемонстрировали, что данная форма учебной работы не теряет своей актуальности в настоящее время, время засилья «продвинутых» информационных технологий [19]. Манфред Спитцер предупреждает о необходимости не упускать из внимания возможные риски, обусловленные чрезмерным увлечением «технологической новизной» и необоснованным внедрением информационных технологий даже там, где они не дают ожидаемых результатов. Он приходит к выводу, что «перо могущественнее, чем клавиатура», что конспектирование лекционного материала от руки остается наиболее эффективным способом приобретения студентом навыков осмысления получаемой информации и выделения в ней ключевых моментов [21]. Об опасностях «Google эффектов», называемых иногда «цифровой амнезией», предупреждают также авторы статьи «Влияние Google на память: когнитивные последствия наличия информации в наших руках» [25]. Таким образом, внедрение новых технологий и практик обучения имеет не только позитивные, но и негативные последствия, которые ни в коем случае нельзя игнорировать.

Действительно, широкое распространение информационных технологий значительно расширило арсенал способов преподавания и обучения. Однако многие курсы по-прежнему преподаются в формате традиционной лекции. И это нельзя расценивать в рамках дихотомии «хорошо-плохо», поскольку новые технологии не отменяют необходимости думать, запоминать, выделять главное. Использование новых технологий в образовании не должно отрицать наработок прошлого. В этом контексте показательными являются результаты исследований студенческой молодежи, демонстрирующие, что в подавляющем большинстве мотивированные на получение фундаментальных знаний студенты предпочитают использовать «бумажный» вариант академических текстов для глубокого изучения их содержания. Электронные ресурсы используются студентами в академических целях для быстрого ознакомления и поиска первоисточников, которые затем изучаются традиционным способом (см., например, [18; 14]).

Существует мнение, что молодое поколение, выросшее во время расцвета цифровых медиа, является адептом новых информационных технологий и во многом превосходит старшее поколение в стремлении повсеместно их использовать [20]. Однако исследования показывают, что не возраст, а социально-экономический статус является главным фактором, определяющим степень вовлеченности человека в «цифровую среду обитания» и внедрение интернет-практик в свою повседневную жизнь [15]. Возраст в данном контексте определяет в первую очередь характер активности и средства доступа к интернету. Так, студенческая молодежь преимущественно использует сайты социальных сетей (например, Facebook) и сайты загрузки и обработки мультимедиа (чаще всего YouTube). В качестве средств доступа к интернету используются переносные устройства, оснащенные доступом к мобильному интернету [16].

Исследования ливерпульских ученых показали, что реакция студентов на внедрение новых технологий варьируется в зависимости от пола, формы обучения (дистанционная или аудиторная), статуса студента (обучается за границей или в своей стране). В целом студенчество положительно реагирует на изменения в стратегии обучения, если они хорошо продуманы, хорошо разъяснены и должным образом внедрены в учебные

программы [16]. В то же время студенты отмечают, что новые технологии не должны быть самоцелью, что полный радикальный переход на новые технологии в процессе обучения вряд ли необходим. Они поддерживают существующие технологии и методы, и, одновременно, положительно воспринимают предоставление университетскими библиотеками интерактивных услуг (например, онлайн-электронные журналы и электронные книги) [16].

Отметим, что украинские студенты активно пользуются интернетом (100%), причем они не только ежедневно посещают виртуальное пространство Сети (95,5%), но и проводят в нем более 5 часов в день (51,6%). При этом 1,8% опрошенных подчеркивают, что они не «пользуются Интернетом», а «живут» в нем [9, с. 353]. Однако это не мешает современным студентам прагматично воспринимать новые инструменты и практики обучения. В качестве примера приведем их высказывания относительно такого нового инструмента обучения, как Google Classroom, которые нами взяты из эссе на тему «Google Classroom глазами студентов», написанные социологами-пятикурсниками, использовавшими возможности данного сервиса в процессе изучения курса «Новейшие методы сбора и анализа социологической информации» [10].

Анализируя свое отношение к Google Классу, Дмитрий Р. пишет: «Что касается лично меня, я никогда не разделял истерию по поводу каких-либо веб-проектов, и «Класс» не стал исключением. Но я не стану отрицать его полезность. Век информационных технологий был бы невообразим без определенных модификаций в системе образования. И к Google Classroom, мне кажется, относится к одной из таких удобных модификаций. ... Но, Google Classroom не способен в полной мере заменить непосредственное живое общение в аудитории» [10].

Алина Ж. высказывает такое мнение: «На мой взгляд, Google Classroom – удобная и функциональная вещь в образовании и обучении. Google Classroom позволяет дистанционно сдавать все домашние задания. Также он удобен тем, что преподаватель может выложить все лекционные материалы, что помогает тем студентам, которые по объективным причинам не могут присутствовать на паре. Также Google Classroom позволяет дистанционно общаться с одногруппниками и обмениваться мнениями и учебными материалами. Удобен Google Classroom и тем, что преподаватель выкладывает все задания и назначает сроки выполнения. Студенты, которые постоянно

работают в Google Classroom, могут видеть напоминания о сроках сдачи тех или иных заданий, что мотивирует и стимулирует к скорейшему их выполнению. Также Google Classroom способствует экономии ресурсов, в первую очередь, временных и материальных. Студентам не нужно распечатывать учебные материалы и выполненные задания, не нужно искать преподавателя, чтобы узнать задание. Все стандартизировано и унифицировано. В свою очередь, Google Classroom сам по себе не требует каких-либо специфических знаний и навыков, все довольно просто, совершенно понятно, как нажимать те или иные кнопки, как в принципе пользоваться программой. Также в Google Classroom мы можем следить за своей успеваемостью, т.е. следить за тем, сколько заданий мы выполнили и какие оценки получили. Таким образом, Google Класс является функциональной и полезной программой для студента, возможно и для преподавателя. Думаю, что Google Classroom необходимо популяризировать в академической среде» [10].

К недостаткам Google Classroom студенты относят, прежде всего, возможность потери «живого контакта» с преподавателем. Так, например, Дарья Б. отмечает: «Недостатки Google Classroom я связываю с недостатками дистанционного обучения. Иногда для освоения материала бывает недостаточно презентаций или учебников, необходимо обсудить с преподавателем сложности, возникшие при выполнении задания. Касательно нашего курса, сложности могут возникнуть с интерпретацией данных или в случае, когда хочешь отойти от шаблона, показанного в презентации (поэкспериментировать). Но, именно для этого у нас к счастью есть обычные пары!» [10].

Возвращаясь к анализу результатов массового опроса, обратим внимание, что половина респондентов-студентов (51%) обычно конспектирует материал за преподавателем, 43% иногда конспектируют, иногда нет, 6% никогда не ведут конспект.

Отметим, что многие проявления академической непорядочности тесно коррелируют с доминирующей мотивацией пребывания в вузе. Как показало исследование, только 33% студентов мотивированы на получение профессиональных знаний. 41% опрошенных затруднились объяснить мотивы своего пребывания в вузе, а 26% указали, что причиной является желание получить диплом («бумажку об образовании»), стипендию, одобрение родителей и пр.

Среди студентов, ориентированных на получение знаний, а не просто диплома об образовании, процент тех, кто обычно

конспектирует лекции несколько выше (62%) (рисунок 2).

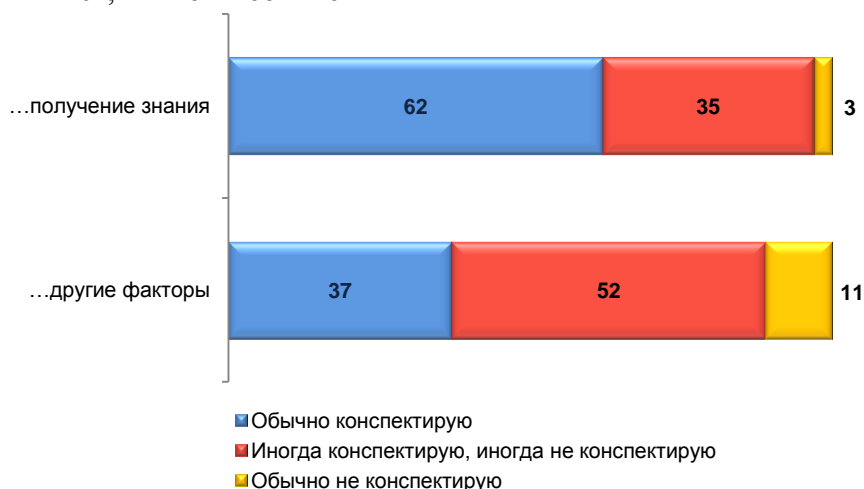

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Вы, как правило, конспектируете или не конспектируете лекции преподавателей?» в зависимости от мотивации студентов на ..., %

Fig. 2. The answers to the questions: «Do you usually write down the lecture material or not?» among students depending on their motivation ..., %

Каковы основания отказа студентов от ведения конспектов? Самой распространенной причиной отказа от конспектирования лекций является наличие материала в электронном/печатном виде (37%). Кроме того, студенты выделяют и другие причины: слишком большая скорость диктовки (33%); плохое изложение материала лектором (30%); отсутствие желания вести конспект (28%); отсутствие контроля со стороны преподавателя (преподаватель не заставляет вести конспект) (26%); запоминание материала на слух (21%); несоответствие лекций содержанию учебной дисциплины (12%); отсутствие навыков выделения главной информации (10%); запись на диктофон (2%).

Сравнение причин отказа от ведения конспектов среди студентов с различной мотивацией обучения в вузе позволяет утверждать, что мотивированные на получение знаний студенты не ведут конспект чаще всего по причине запоминания на слух. Студенты, мотивированные на другие факторы, просто не успевают конспектировать, обвиняют преподавателей в непонятности изложения материала или просто не хотят утруждать себя ведением конспекта.

Подготовка к семинарским и практическим занятиям

Рассмотрим, насколько серьезно относятся наши студенты к подготовке к семинарским и практическим занятиям, что традиционно

считается важнейшей частью обучения в вузе, является одной из основных учебных практик и демонстрирует степень академической порядочности студентов.

По данным исследования только чуть более половины студентов вузов обычно готовятся к занятиям. Так, 59% опрошенных студентов отметили, что обычно готовятся к практическим занятиям; 37% сказали, что иногда готовятся, иногда нет; 4% респондентов – вообще этого не делают.

Мнения преподавателей почти полностью совпадают с мнениями студентов: 54% опрошенных преподавателей считают, что студенты обычно готовятся к семинарским и практическим занятиям; 44% ответили, что студенты делают это иногда и 2% отметили, что студенты обычно не готовятся к занятиям.

Опрос студенчества продемонстрировал опасную тенденцию: с увеличением опыта обучения в вузе студенты все реже готовятся к практическим занятиям (71% на первом курсе и 51% на пятом курсе). О чем это свидетельствует? Учебные практики, привитые средней школой, в частности практика выполнения домашних заданий, на 3-4 году обучения в вузе уступает место превратно понимаемой «академической свободе», трактуемой студентами чаще всего не как «свобода учиться», а как «свобода не учиться». В научном дискурсе академическая свобода трактуется как «...буквально все, что

содействует эффективному обучению и научным исследованиям» [3, с. 1]. При этом свобода учения (учиться) рассматривается как один из трех главных аспектов академической свободы и интерпретируется как «...свобода выбора студентом в рамках общепринятых учебных (лекции, практические, лабораторные занятия, зачеты/экзамены) и внеучебных (всевозможные

письменные виды работ, дипломная работа/проект, практика и т.п.) занятий» [8, с. 1]. Таким образом, свобода учиться никак не предполагает отказ от обязанностей, а также ответственности за невыполнение своих обязанностей, например, за неподготовку к семинарским/практическим занятиям или непосещение лекций, семинаров (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «Готовитесь ли Вы к практическим занятиям» в зависимости от курса обучения студентов, %

Fig. 3. The answers to the questions: «Do you usually prepare for practical classes or not?» among students depending on the year of study, %

Можно отметить различия в ответах студентов с разным типом мотивации. Студенты, которые ориентированы на получение знаний, чаще других отмечают, что обычно готовятся к практическим занятиям (табл. 1). Но даже они не

всегда утруждают себя подготовкой к занятиям, что, видимо, обусловлено пагубным влиянием среды, где достаточно примеров академической непорядочности, за которую редко кого наказывают.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Готовитесь ли Вы к практическим занятиям» среди разных групп студентов, %

Table 1

The answers to the questions: «Do you usually prepare for practical classes or not?» among students of different groups, %

	Пол		Мотивация	
	Жен.	Муж.	На получение знаний	На другие факторы
Обычно готовлюсь	48	67	75	37
Иногда готовлюсь, иногда нет	47	31	23	56
Обычно не готовлюсь	5	2	2	7
Итого	100	100	100	100

Как показало исследование, при подготовке к занятиям студенты чаще всего используют интернет. Так, отвечая на вопрос: «Что Вы обычно используете при подготовке к практическим занятиям?», студенты отметили,

что они используют различную информацию из интернета (76%), собственные конспекты лекций (65%), учебные пособия, методические материалы (60%). Немного реже студенты используют рекомендованную литературу (31%)

и дополнительную литературу (19%). Мнения преподавателей о том, чем пользуются студенты

при подготовке к занятиям, аналогичны ответам студентов (рис. 4).

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Что Вы обычно используете при подготовке к практическим занятиям» студентов и преподавателей вузов, %

Fig. 4. Answers to the question: «What do you usually use when preparing for practical classes?» among students and university professors, %

В качестве других вариантов ответа студенты и преподаватели отмечали, что используются «первоисточники», «любой источник, который поможет разобраться в данной теме (вопросе)», «конспекты, оставшиеся после учебы в другом вузе».

Отметим, что полученные результаты вполне согласуются с результатами западных исследователей когнитивных процессов, инициированных развитием современных информационных технологий: «Интернет стал основной формой внешней или транзактивной памяти, где информация хранится коллективно, а не в своей голове» [25, р. 1]. Интернет, а не память, становится главным источником информации [25].

Наши студенты скорее запоминают не саму информацию, а то, как ее найти.

Согласно полученным данным, студентки чаще студентов используют для подготовки учебные пособия, методические материалы (63% студенток по сравнению с 56% среди студентов), собственные конспекты лекций (72% по сравнению с 57%), а также различную информацию из Интернета (80% по сравнению с 72%). Мужчины же чаще женщин используют материалы, подготовленные однокурсниками, друзьями (17% по сравнению с 10%), и практикуют обсуждение задач с однокурсниками, друзьями (19% по сравнению с 12%) (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Что Вы обычно используете при подготовке к практическим занятиям», среди студентов разного пола и разной мотивацией, %

Table 2

Answers to the question: «What do you usually use when preparing for practical classes?» among students of different gender and with different motivation, %

	Пол		Мотивация	
	Муж.	Жен.	На получение знаний	На др. факторы
Учебные пособия, методические материалы	56	63	72	48
Собственные конспекты лекций	57	72	70	57
Рекомендованную литературу	28	33	40	24
Дополнительную литературу	20	19	29	11
Различную информацию из Интернета	72	80	78	77
Электронные версии рефератов, курсовых, дипломов	17	17	16	20
Материалы, подготовленные однокурсниками, друзьями	17	10	10	19
Обсуждение задач с однокурсниками, друзьями	19	12	17	15
ИТОГО*	286	306	332	271

*Значение в строке «итога» превышает 100%, т.к. респонденты имели возможность выбрать неограниченное количество ответов

Студенты с мотивацией на получение знаний чаще других используют при подготовке к практическим занятиям учебные пособия, методические материалы, собственные конспекты лекций, рекомендованную литературу и дополнительную литературу, они редко пользуются электронными версиями рефератов, курсовых, дипломов и материалами, подготовленными однокурсниками, друзьями (таблица 2).

Согласно полученным данным, подавляющее большинство студентов (82%) отмечает, что они регулярно посещают занятия. Делают это иногда 14% респондентов, чаще не посещают 4% студентов вузов.

Непосещение занятий – это проблема, которую в настоящее время активно исследуют

[4; 12], и уже зафиксированы некоторые закономерности [11]. Так, степень посещаемости зависит от того, на каком курсе учится студент, она тесно коррелирует с практикой подготовки к семинарским и практическим занятиям, а также с мотивацией пребывания в вузе.

Результаты опроса продемонстрировали преобладание мотивации на получение знаний у первокурсников и неуклонное снижение данной мотивации вплоть до 3-4 курса. Эта тенденция незначительно меняет направление только на 5 курсе обучения, когда перед студентами ощутимо вырисовываются перспективы применения знаний, полученных в университете, в своей профессиональной деятельности (рис. 5).

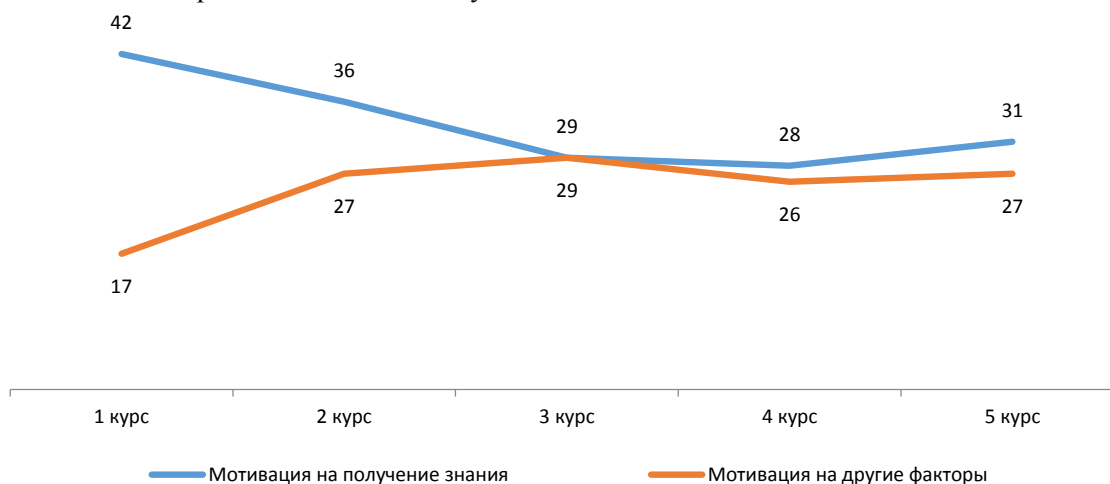

Рис. 5. Мотивация студентов на получение знаний в зависимости от курса обучения, %
Fig. 5. Students' motivation to gain knowledge depending on the course, %

На 3 курсе студенты «устают» от учебы, объясняя это большим потоком информации и, часто, разочарованием в выбранной профессии. Студенты, которые учатся на 4-5 курсе, ищут дополнительный доход, совмещают учебу и работу, фокусируя свои усилия не столько на получении знаний, сколько на решении материальных проблем. Однако эти объяснения скрывают истинную причину – осознание того, что уровень образования, обладание значительным багажом знаний не гарантирует ни возможность работать по специальности, ни высокую зарплату. В настоящее время вузы выпускают большее число специалистов, чем может принять рынок труда. Большинство выпускников вузов вынуждены работать не по специальности, т.к. вакансий, соответствующих их квалификации, просто нет. В таких условиях студенты стараются получить диплом о высшем образовании, потратив минимальные усилия на учебу.

Украинские и европейские учебные практики: сходство и различия

С целью понимания особенностей отечественной академической культуры и форм проявления в ней академической порядочности/непорядочности мы проанализировали мнения студентов, имеющих опыт обучения как в Украине, так и за рубежом, в другой академической культуре. Анализ названных феноменов основан на результатах фокусированных групповых интервью со студентами, которые учились не только в Украине, но и в европейских вузах, что позволяет им сравнить отечественные и зарубежные реалии.

Учась за границей, украинские студенты столкнулись с совершенно другими условиями и требованиями обучения. Они отмечают традиции систематичности и добросовестности выполнения домашних заданий, подготовки к семинарским занятиям, самообучения и пр. Такая ситуация

поразила наших студентов, вместе с этим, они признали ее целесообразность для подготовки к дальнейшей профессиональной деятельности.

Приведем некоторые высказывания наших респондентов, в полной мере демонстрирующие их впечатления от приобретенного опыта.

«Там студент действительно работает, он выполняет задания каждую неделю, тратя на это немало времени. И поэтому там студенты выходят из вуза более подготовленными, более квалифицированными, чем у нас. У нас проблема самообучения вообще не поднимается. Студенты не знают такого понятия как самообучение» (Иван, 3 курс).

«Там на семинарах все участвуют в разговоре, в дискуссиях. У нас же, как я заметила, часть группы вообще не готовится к семинарам. Там, все готовятся, и все работают на семинарах» (Дарья, 4 курс).

Студенты, имеющие опыт обучения в иностранных вузах, отмечают, что там списывание является неприемлемой практикой. Студенты не имеют ни возможности, ни желания списывать. Отсутствует практика коллективной подготовки шпаргалок, ибо каждое задание требует индивидуального подхода, задачи не повторяются из года в год и требуют умения применить знания к конкретным практическим ситуациям.

«Там я писала экзамены в больших аудиториях, где все садятся в шахматном порядке и достаточно далеко друг от друга. Никто друг другу не подсказывает. И просто не принято списывать» (Мария, 4 курс).

По мнению участников фокусированных групповых интервью, особенностью европейских академических традиций является четкая ориентация на формирование высококвалифицированного специалиста и получение хорошего места работы, которая прослеживается со средней школы. С этой целью, студентам предлагаются задачи, развивающие практические навыки в избранной предметной области, что формирует понимание полезности процесса обучения в вузе.

«В их университете постоянно подчеркивается, что студенты здесь только для того, чтобы стать лучшими на рынке труда, чтобы получить лучшую работу, чтобы получить высокую зарплату. И поэтому студенты знают, зачем они выполняют задания в университете. Там не только теория. Задания выполняются, потому что реально понятно, где эти знания можно будет применять» (Иван, 3 курс).

Опрошенные студенты отмечают, что возвращение домой сопровождается погружением в

доминирующую академическую культуру, возвращением к практике использования шпаргалок, плагиата и т.п. Попытки следовать европейским традициям академической порядочности утопают в привычной рутине. Студенты с опытом обучения за границей, вернувшись домой, имеют возможность оценить различия между отечественной и европейской академическими культурами. Однако противостоять негативным тенденциям они не считают возможным и выбирают путь соответствия отечественным реалиям, где широко распространена практика академического мошенничества.

В этом контексте хочется процитировать авторов книги «Академическая честность как основа устойчивого развития университета», вышедшей в 2016 году: «Академическая культура не может быть перенесена или заимствована. Как правило, она выстрадана ценою проб и ошибок, ценой постоянной коммуникации и саморефлексии университетского сообщества» [2, с. 49].

Мы полагаем, что формирование отечественной академической культуры в соответствии с мировыми стандартами вполне возможно, хотя это будет длительный и сложный процесс. Первый шаг в этом направлении – признание существующих проблем, открытое их обсуждение, уход от практики стыдливого замалчивания неприглядных явлений.

Выводы

Новые информационные технологии не очень быстро, но внедряются в учебный процесс, что приводит к постепенной трансформации учебных практик современных студентов. Ориентированные на получение знаний студенты получают возможность полноценно учиться, даже пропуская пары. При этом сами студенты не являются фанатами инноваций, но воспринимают их позитивно, если они помогают им в достижении собственных целей (будь, то получение знаний или возможность облегчить себе процесс обучения – не ходить на пары, но иметь доступ к материалам лекционного курса, знать, какие задания необходимо выполнять и др.). Таким образом, мы полагаем, что нельзя отменять прошлый опыт, новые технологии следует внедрять с учетом их позитивных и негативных сторон. Императивом технологических инноваций в образовательном процессе должно быть не стремление «применить новую технологию», а стремление улучшить качество преподавания с помощью новых технологий.

Основная причина академической непорядочности студентов обусловлена мотивацией пребывания в вузе. Именно «пребывания», поскольку лишь 33% опрошенных указали, что они нацелены на получение профессиональных знаний, т.е. хотят учиться. Относительно тех, чья мотивация обусловлена иными факторами (получить диплом – «бумажку» об образовании, «закосить» от армии, найти спутника жизни, порадовать родителей и др.), сказать, что они в вузе учатся, было бы ошибкой. Такой уровень мотивации объясняет ситуацию широкого распространения феномена непорядочности в академической культуре, поскольку для получения диплома («бумажки») не стоит напрягаться, все практики нечестного академического поведения можно оправдать формальностью требований, «плохими» преподавателями, условиями в стране, состоянием рынка труда. И если отсутствие у наших студентов академических компетенций можно поставить в вину вузам, то в несоответствии уровня образования величине будущей зарплаты, являющееся известным феноменом на постсоветском пространстве и кардинально трансформирующим мотивацию пребывания в вузе, высшая школа никак не может устранить. Таким образом, вузы могут (и должны) создавать условия, чтобы научить учиться тех студентов, которые хотят этого, мотивированы на обучение. Однако никакие усилия вузов неспособны повлиять на ту часть студентов, которая мотивирована не на получение знаний/умений, а на другие факторы (получение стипендии, диплома, одобрения родителей и др.).

Здоровая академическая культура является фактором успешного развития общества. Она находит свое выражение в писаных и неписаных нормах, которые признаются академическим сообществом, и обусловлена широким спектром явлений, которые регулируют и определяют жизнь академических учреждений на основе сформированных традиций, соглашений, обычаев. И настоящее время – время саморефлексии университетского сообщества, время поиска проблем и путей их устранения.

Список литературы

1. Академічна культура українського студентства: основні чинники формування та розвитку. *Матеріали для ознайомлення з результатами проекту №49169.* URL: <http://iro.org.ua/ua/main/research/22> (дата обращения: 08.11.2016).
2. Академічна чесність як основа сталого розвитку університету / *Міжнарод. благод. фонд «Міжнарод. фонд. дослідж. освіт. Політики»; за заг. ред. Т.В. Фінікова, А.Є. Артюхова.* Київ: Таксон, 2016. 234 с.
3. Альтба Ф.Г. Академическая свобода: реалистическая оценка // *Международное высшее образование.* URL: <http://ihe.nkaoko.kz/archive/14/292/> (дата обращения: 01.11.2016).
4. Артишевская Т.М. Методологические особенности американского стиля преподавания журналистики // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2004. №1(11). С. 22-25. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/11/2004_01/003.pdf (дата обращения: 08.11.2016).
5. Астахова В.И. Академическая культура как фундамент формирования современного специалиста // *Вчені зап. Харк. гуманіт. ун-ту «Нар. укр. акад.».* Харків, 2013. Т. 19. С. 21-39.
6. Бакіров В.С. Академічна культура українського студентства: основні чинники формування та розвитку. Результати всеукраїнського соціологічного дослідження. URL: <http://www.univer.kharkov.ua/images/redactor/news/2015-07-17/2015.pdf> (дата обращения: 03.11.2016).
7. Венгерська В. Реформа вищої освіти: держава, суспільство та університети перед новими викликами часу // *Institute for Education Development,* 2015. URL: <http://iro.org.ua/ua/main/research/5> (дата обращения: 09.11.2016).
8. Гоптарева И.Б. Академические свободы и современный университет // *Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: материалы Всерос. науч.-метод. конф. (с междунар. участием).* Оренбург, 2015. С. 1666-1672. URL: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/986/1/1666-1672.pdf> (дата обращения: 01.11.2016).
9. Кислова О.Н. Опыт преподавания с использованием возможностей Google Класса // *Инновационные технологии в современном образовании. Сборник трудов по материалам III Международной научно-практической Интернет-конференции.* М.: Изд-во «Научный консультант», 2016. С. 279-284.
10. Кислова О.Н. «Дополненная реальность» сквозь призму интернет-практик современного студенчества // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірник наукових праць.* Харків: видавничий центр Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, 2014. С. 351-356.
11. Краснова Т.И. Культура академической учебы студентов: дефициты и запросы // *Диалог.* 2013. №5. С. 14-17.
12. Мандель Б.Р. Приглашение к дискуссии о причинах прогулов и пропусков занятий // *Образовательные технологии.* 2014. №1. С. 102-117. URL: <http://www.iedtech.ru/files/journal/2014/1/mandel-truancy.pdf> (дата обращения: 03.11.2016).

13. Ромакин В.В. Мотивації, переконання та поведінка українських і американських студентів бакалаврату щодо норм академічної культури // *Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили комплексу «Києво-Могилянська академія»]*. 2010. Т. 136. Вип. 123. С. 34-41. URL: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/naukprac/pedagogika/2010/136-123-6.pdf> (дата обращения: 09.11.2016).

14. Foasberg N.M. Student Reading Practices in Print and Electronic Media. *College & Research Libraries*, 2014. № 75 (5). Pp. 705-723. URL: https://www.researchgate.net/publication/279238114_Student_Reading_Practices_in_Print_and_Electronic_Media (дата обращения: 01.11.2016).

15. Hargittai E. Digital natives? Variation in internet skills and uses among members of the «net generation». *Sociological Inquiry*, 2010. № 80 (1). Pp. 92-113.

16. Jones C., Shao B. The Net Generation and Digital Natives: implications for higher education. *Higher Education Academy*, 2011. URL: <https://www.heacademy.ac.uk/system/files/next-generation-and-digital-natives.pdf> (дата обращения: 01.11.2016).

17. Lindh M., Nolin J., Hedvall K. N. Pupils in the clouds: Implementation of Google Apps for Education. *First Monday*, 2016. № 21 (4). URL: <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v21i4.6185> (дата обращения: 07.11.2016).

18. Mizrach D. Undergraduates' Academic Reading Format Preferences and Behaviors. *The Journal of Academic Librarianship*, 2015. № 41 (3). Pp. 301-311. URL: https://www.researchgate.net/publication/274320688_Undergraduates'_Academic_Reading_Format_Preferences_and_Behaviors (дата обращения: 01.11.2016).

19. Mueller P., Oppenheimer D. The pen is mightier than the keyboard: Advantages of longhand over laptop note taking. *Psychological Science*, 2014. № 25 (6). Pp. 1159-1168.

20. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*, 2001. № 9 (5). Pp. 1-6. URL: <http://www.nnstoy.org/download/technology/Digital+Natives+-+Digital+Immigrants.pdf> (дата обращения: 01.11.2016).

21. Spitzer M. Information technology in education: Risks and side effects. *Trends in Neuroscience and Education*, 2014. № 3 (3). Pp. 481-485.

22. The Fundamental Values of Academic Integrity: Honesty, Trust, Respect, Fairness, Responsibility. *Center for Academic Integrity*, 1999. 12 p. URL: <http://www.academicintegrity.org/icai/assets/FVProject.pdf> (дата обращения: 03.11.2016).

23. The Second Edition of the The Fundamental Values of Academic Integrity. *International Center for Academic Integrity*. URL: http://www.academicintegrity.org/icai/assets/Revised_FV_2014.pdf (дата обращения: 03.11.2016).

24. Shen X. Academic Culture and Campus Culture of Universities. *Canadian Center of Science and*

Education, 2012. № 2 (2). Pp. 61-65. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1081480.pdf> (дата обращения: 03.11.2016).

25. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips. *Science*, 2011. Vol. 333, Pp. 776-778. URL: <http://www.uvm.edu/~cmplxsys/legacy/newsevents/pdfs/2011/google-effects-on-memory.pdf> (дата обращения: 03.11.2016).

References

1. The Ukrainian students' academic culture: main factors of formation and development. *Materials to review the project results № 49169*. URL: <http://iro.org.ua/ua/main/research/22> (date of access: November 8, 2016).

2. Academic integrity as the basis of sustainable development of the university. *International charitable foundation «International Foundation of Educational Policy»*. Kiev, 2016. 234 p.

3. Altba F.G. Academic freedom: a realistic assessment. *International Higher Education*. URL: <http://ihe.nkaoko.kz/archive/14/292/> (date of access: November 1, 2016).

4. Artishevskaya T.M. Methodological features of the American style in teaching journalism. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 2004. №1(11). Pp. 22-25. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/11/2004_01/003.pdf (date of access: November 8, 2016).

5. Astakhova V.I. Academic culture as the foundation for the formation of the modern specialist. *Memoirs of the Kharkiv Humanities University «People's Ukrainian Academy»*. Kharkov, 2013. Volume 19. Pp. 21-39.

6. Bakirov V.S. The Ukrainian students' academic culture: main factors of formation and development. *Results of the all-Ukrainian social research*. URL: <http://www.univer.kharkov.ua/images/redactor/news/2015-07-17/2015.pdf> (date of access: November 3, 2016).

7. Vengerska V. Reform of higher education: the state, society and universities in front of the new challenges of time. *The Institute for Education Development*, 2015. URL: <http://iro.org.ua/ua/main/research/5> (date of access: November 9, 2016).

8. Goptareva I.B. Academic freedom and the modern university. *University complex as a regional center of education, science and culture: Materials of All-Russian Scientific Conference (with an international participation)*. Orenburg, 2015. Pp. 1666-1672. URL: <http://elib.osu.ru/bitstream/123456789/986/1/1666-1672.pdf> (date of access: 01.11.2016).

9. Kislova O.N. Experience of teaching using the features of the Google Classroom. *Innovative technologies in modern education. Proceedings on the materials of the III International scientific and practical Internet-conference*. Moscow: «Nauchnyy consultant», 2016. Pp. 279-284.

10. Kislova O.N. «Augmented reality» through the prism of the Internet practices of modern students. *Methodology, theory and practice of sociological analysis of modern society*. Kharkov: Publishing center of V.N. Karazin Kharkiv National University, 2014. Pp. 351-356.
11. Krasnova T.I. The culture of students' academic studies: deficits and demands. *Dialog*, 2013. №5. Pp. 14-17.
12. Mandel B.R. Invitation to debate about the causes of truancy and non-attendance of classes. *Educational technologies*, 2014. №1. Pp. 102-117. URL: <http://www.iedtech.ru/files/journal/2014/1/mandel-truancy.pdf> (date of access: November 3, 2016).
13. Romakin V.V. Motivation, beliefs and behavior of Ukrainian and American bachelor students concerning academic culture norms. *Collection of Scientific Papers*, 2010. T. 136. Iss. 123. Pp. 34-41. URL: <http://lib.chdu.edu.ua/pdf/naukpraci/pedagogika/2010/136-123-6.pdf> (date of access: November 9, 2016).
14. Foasberg N.M. Student Reading Practices in Print and Electronic Media. *College & Research Libraries*, 2014. № 75 (5). Pp. 705-723. URL: https://www.researchgate.net/publication/279238114_Student_Reading_Practices_in_Print_and_Electronic_Media (date of access: 01.11.2016).
15. Hargittai E. Digital natives? Variation in internet skills and uses among members of the «net generation». *Sociological Inquiry*, 2010. № 80 (1). Pp. 92-113.
16. Jones C., Shao B. The Net Generation and Digital Natives: implications for higher education. *Higher Education Academy*, 2011. URL: <https://www.heacademy.ac.uk/system/files/next-generation-and-digital-natives.pdf> (date of access: 01.11.2016).
17. Lindh M., Nolin J., Hedvall K. N. Pupils in the clouds: Implementation of Google Apps for Education. *First Monday*, 2016. № 21 (4). URL: <http://dx.doi.org/10.5210/fm.v21i4.6185> (date of access: 07.11.2016).
18. Mizrach D. Undergraduates' Academic Reading Format Preferences and Behaviors. *The Journal of Academic Librarianship*, 2015. № 41 (3). Pp. 301-311. URL: https://www.researchgate.net/publication/274320688_Undergraduates'_Academic_Reading_Format_Preferences_and_Behaviors (date of access: 01.11.2016).
19. Mueller P., Oppenheimer D. The pen is mightier than the keyboard: Advantages of longhand over laptop note taking. *Psychological Science*, 2014. № 25 (6). Pp. 1159-1168.
20. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*, 2001. № 9 (5). Pp. 1-6. URL: <http://www.nnstoy.org/download/technology/Digital+Natives+-+Digital+Immigrants.pdf> (date of access: 01.11.2016).
21. Spitzer M. Information technology in education: Risks and side effects. *Trends in Neuroscience and Education*, 2014. № 3 (3). Pp. 481-485.
22. The Fundamental Values of Academic Integrity: Honesty, Trust, Respect, Fairness, Responsibility. *Center for Academic Integrity*, 1999. 12 p. URL: <http://www.academicintegrity.org/icai/assets/FVProject.pdf> (date of access: 03.11.2016).
23. The Second Edition of the The Fundamental Values of Academic Integrity. *International Center for Academic Integrity*. URL: http://www.academicintegrity.org/icai/assets/Revised_FV_2014.pdf (date of access: 03.11.2016).
24. Shen X. Academic Culture and Campus Culture of Universities. *Canadian Center of Science and Education*, 2012. № 2 (2). Pp. 61-65. URL: <http://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1081480.pdf> (date of access: 03.11.2016).
25. Sparrow B., Liu J., Wegner D.M. Google Effects on Memory: Cognitive Consequences of Having Information at Our Fingertips. *Science*, 2011. Vol. 333, Pp. 776-778. <http://www.uvm.edu/~cmplxsys/legacy/newsevents/pdfs/2011/google-effects-on-memory.pdf> (date of access: 03.11.2016).

Кислова Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры методов социологических исследований Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

Кузина Ирина Ивановна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры методов социологических исследований Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина.

Olga N. Kislova, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Methods of Sociological Research, V.N. Karazin Kharkiv National University

Iryna Iv. Kuzina, PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Methods of Sociological Research, V.N. Karazin Kharkiv National University

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-4-21-34

Маркина И.В.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ
В РАМКАХ РЕЛЯЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ П. ДОНАТИ***

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
ул. Новокузнецкая, д. 23, стр. 5а, г. Москва, 115184, Россия
ivkozmina@ya.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор исследовательской работы, проведенной итальянскими учеными в рамках реляционной теории общества. Эта теория была выдвинута в конце прошлого века итальянским философом и социологом Пьерпаоло Донати (род. 1946) и с начала 1980-х по настоящее время активно развивается в трудах как самого Донати, автора более чем 600 публикаций, так и других крупных ученых. Особое внимание в их работах уделяется проблемам семьи и семейных отношений. Семейные отношения рассматриваются как уникальный и незаменимый источник социального капитала, основа всех прочих социальных отношений. В настоящем обзоре приводится информация о крупнейших научных центрах, связанных с именем Донати, ряде ученых, разрабатывающих его теорию в сфере изучения семейных отношений, и приоритетных направлениях их деятельности, а также подробно рассматривается масштабное исследование различных аспектов жизни итальянской семьи, проведенное в 2011-2012 гг. в пяти макрорегионах Италии.

Ключевые слова: семья; реляционная социология.

Irina V. Markina

**SOCIOLOGICAL STUDY OF THE FAMILY WITHIN P. DONATI'S
RELATIONAL PARADIGM**

St. Tikhon's Orthodox University, 23-5A Novokuznetskaya St.,
Moscow, 115184, Russia
ivkozmina@ya.ru

Abstract. The article provides an overview of the research conducted by Italian scientists in the framework of the society relational theory. This theory was put forward at the end of the last century by an Italian philosopher and sociologist Pierpaolo Donati (b. 1946), and since the early 1980s up to the present time, it has been actively developed in the writings of both Donati, who is the author of over 600 publications, and other prominent scientists. Particular attention in their work is paid to family issues and family relationships. Family relations are looked upon as a unique and irreplaceable source of social capital, the basis of all other social relations. This review provides information on the major research centers, associated with the name of Donati, as well as provides some information about a number of scientists who developed his theory in the sphere of family relations studies and in the priority directions of their activity. It also deals with a detailed large-scale study of various aspects of the Italian family life, conducted in five macro regions of Italy in 2011-2012.

Keywords: family; relational sociology.

* При реализации проекта используются средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Реляционная теория общества, созданная в начале 1980-х гг. итальянским социологом и философом Пьерпаоло Донати, за минувшие десятилетия активно использовалась не только ее автором, но и рядом других крупных итальянских ученых. Особое внимание уделялось ими проблеме семьи, так как семейные отношения в рамках реляционной социологии рассматриваются как источник всех остальных социальных отношений.

В настоящем обзоре мы кратко охарактеризуем работу, проделанную учеными, работающими в рамках данной парадигмы, в сфере исследования семейных отношений. В частности, мы укажем на центры научной деятельности, связанные с именем Пьерпаоло Донати и его теорией, затем приведем основные темы исследований ряда ведущих социологов и психологов, использующих реляционную парадигму и далее в качестве конкретного примера рассмотрим масштабное исследование итальянской семьи, проведенное в 2011-2012 гг.

Одним из крупных центров, где проводятся обширные социологические исследования, посвященные различным аспектам жизни семьи, основанные на реляционной парадигме, является **Университетский центр изучения и исследования семьи¹ при Католическом университете Святого Сердца** в Милане. Научная деятельность центра подразумевает изучение проблем семьи, «в частности, в психологической, социологической, юридической, экономической, философской и педагогической сферах» [16]. Исследования проводятся в пяти крупных областях:

1. «Цикл семейной жизни: подростки и молодежь». Объектом исследования в рамках этой области являются отношения между поколениями, а также социальные отношения, сопровождающие переход ко взрослой жизни. Направления работы:

- Изучение процесса перехода во взрослое состояние с учетом изменений в реляционной сфере, вызванных влиянием новых технологий;
- Влияние отношений между поколениями на работу и отношения в обществе;
- Процесс трансмиссии [3];

2. «Общество, семейные ассоциации и социальная политика». Данная область включает следующие темы:

- Здравоохранение и социальные услуги для семьи;

- Семейные ассоциации;
- Активные пожилые люди и просоциальность;
- Соотношение семьи и работы;
- Посредничество общества в семейных отношениях [4];

3. «Семья и культурное разнообразие». В этой сфере развиваются следующие направления:

- Семьи мигрантов и их взаимодействие с культурой принимающей страны;
- Семья в разных культурных контекстах;
- Поддержка семей мигрантов социальными и медицинскими службами [6];

4. «Формы родительства». В этой области изучаются различные формы воспитания (в семьях разных типов) и различные способы помощи семьям для улучшения и развития этого процесса [8];

5. «Отношения пары». Целью является изучение отношений пары на основе реляционно-символического подхода и определение новых направлений исследований на клиническом либо психосоциальном уровне. Темы исследований:

- Социокогнитивные характеристики супружеского союза;
- Критические события и переходы в жизни пары;
- Оценка эффективности клинических и социальных вмешательств;
- Методы и инструменты исследования и вмешательства [11].

С 1983 года центром издается серия «Междисциплинарные исследования по проблемам семьи». За это время было опубликовано 26 томов, включающих преимущественно материалы по социологии и психологии, а также демографии, теологии, экономике, праву и т. д., в основном под редакцией П. Донати, Дж. Росси и Е. Скабини. Кроме того, с 1984 года выходят «Журналы Центра изучения и исследования семьи» (28 томов), где публикуются библиографические, методические и др. материалы.

Кроме того, по инициативе П. Донати было создано два центра, занимающихся проблемами семьи: Национальный исследовательский центр по делам семьи² и Международный исследовательский центр по делам семьи³. Президентом **Национального исследовательского центра по делам семьи** является министр, ответственный за семейную политику. Центр

¹ Centro di Ateneo Studi e Ricerche sulla Famiglia.

² Osservatorio nazionale sulla famiglia.

³ Centro Internazionale Studi Famiglia.

включает Научно-технический комитет, возглавляемый П. Донати, и Ассамблею, утверждающую общий план деятельности комитета.

Национальный исследовательский центр, как было заявлено, «имеет целью обеспечение научно-технической поддержки разработки национальной политики в сфере семьи» [10], а также обеспечивает поддержку Департамента по семейной политике в подготовке Национального плана в сфере семьи. В частности, центр развивает инструменты «анализа и изучения состояния и проблематики семьи» [10]: раз в два года публикуются отчеты; проводятся семинары и конференции для более широкого распространения полученных результатов и обмена приобретенным опытом. Национальный исследовательский центр по делам семьи сотрудничает с Национальным исследовательским центром по делам детей и подростков, а также предусматривает взаимодействие с различными государственными организациями. В настоящее время эта организация не функционирует.

Последний двухгодичный отчет центра был опубликован в двух томах под общим заголовком «Социальные проблемы и инновации в сфере услуг». Во введении П. Донати пишет о самых общих задачах публикации в связи с необходимостью переосмысления социальной ценности семьи государством и обществом: «Настоящий двухгодичный отчет предоставляет необходимую информацию для облегчения этого сдвига (то есть признания социальной роли семьи – И.М.) в социальной политике, публичной и приватной. Речь идет о переосмыслении социальной роли семьи уже не посредством мер благотворительного типа или только пассивной помощи, но в условиях полной оценки социальной субъективности семьи, ее *sarabilities* как первого источника устойчивого развития <...> Есть надежда, что этот Отчет будет способствовать углублению понимания проблематики и стимулировать принятие системных мер семейной политики, которые необходимы для того, чтобы дать стране будущее справедливое и устойчивое развитие» [5; p. 2].

В первом томе публикации рассматривались такие вопросы как семейная политика в современной Италии, семейное право, демографическая ситуация, проблемы эмигрантских семей, тема бедности. Второй том посвящен исследованию социальных служб, ориентированных на поддержку семьи. В нем

были затронуты проблемы, связанные с различными сторонами жизни семьи, требующими поддержки социальных структур, в частности, поиск баланса между заботой о семье и профессиональной деятельностью, ситуации слабости семьи (в трех случаях: семьи с несовершеннолетними, находящимися под опекой, или с риском изъятия детей, семьи, в которых родители разведены или живут отдельно, и семьи мигрантов), а также проблемы семей, в которых есть не способные самостоятельно заботиться о себе пожилые люди.

Целью **Международного исследовательского центра по делам семьи** является «поддержка культуры семьи в свете переданных ценностей и вместе с тем в перспективе измененных сценариев современного общества» [2]. Для достижения этой цели центром используются такие средства, как сбор документации по вопросам семьи, публикация отчетов раз в два года, поддержка проведения научных исследований в рамках различных дисциплин, «ориентированных на проблемы семьи в отношении к социокультурной реальности» [2] и так или иначе касающихся семьи, публикация исследований, проведение семинаров и конференций, сотрудничество с журналом «Famiglia Oggi». Директором центра является Франческо Беллетти.

Крупнейшими представителями реляционной социологии, помимо самого П. Донати, являются такие ученые, как Евгения Скабини, Джованна Росси, Витторио Чиголи, Рафаэлла Яфрате, Рикардо Прандини, Франческо Беллетти, Луиджи Тронка и т.д. Ниже мы укажем на основные темы научной работы некоторых из них.

Евгения Скабини является президентом научного комитета Университетского центра изучения и исследования семьи при Католическом университете Святого Сердца и профессором психологии семейных связей на факультете психологии этого университета. В своих публикациях она уделяет внимание следующим вопросам:

- Психология семейных отношений;
- Реляционно-символическая парадигма семейных отношений;
- Отношения между поколениями в семье;
- Проблемы подросткового возраста;
- Переходные этапы в жизненном цикле семьи;
- Семьи мигрантов.

Джиованна Росси – директор Университетского центра изучения и исследования семьи при Католическом университете Святого Сердца, член Национального исследовательского центра по делам семьи, профессор социологии и социальных служб Католического университета в Милане. Работы Дж. Росси посвящены следующей проблематике:

- Соотношение семьи и работы;
- Проблемы семей с пожилыми людьми;
- Семья и социальный капитал;
- Проблемы родительства;
- Отношения супружеской пары.

Витторио Чиголи является профессором клинической психологии семейных отношений. В интересующей нас области его публикации касаются следующих тем:

- Реляционно-символическая парадигма семейных отношений;
- Проблема развода родителей в семье;

Рикардо Прандини – профессор кафедры социологии и хозяйственного права Болонского университета. В своих работах затрагивает следующие вопросы:

- Семья и социальный капитал;
- Семья и работа;
- Семья и современные формы совместной жизни;
- Социальные службы для семьи;
- Семейная политика.

Рафаэлла Яфрате – профессор социальной психологии Католического университета в Милане. Вот основные темы ее публикаций:

- Психология семейных отношений;
- Воспитание детей в семье;
- Прекращение сожителства и развод;
- Отношения между партнерами/супругами;
- Родительство;
- Семьи с одним родителем.

Сара Мацукелли является научным сотрудником факультета психологии Католического университета в Милане. Основная тема ее публикаций – **соотношение семьи и работы**.

Характерный пример проектов, осуществленных на основе реляционного подхода, представляет собой масштабное исследование итальянской семьи в 2011-2012 гг., проведенное группой социологов, в которую входили Пьерпаоло Донати, Евгения Скабини, Сара Мацукелли, Луиджи Тронка, Джованна

Росси, Рикардо Прандини и др. Результаты работы были опубликованы в 2012 г. [7].

Участники исследования стремились ответить на основной, по мнению П. Донати, вопрос, возникающий в дискуссиях о семье: «семья – понимаемая как стабильный союз мужчины, женщины и их детей – до сих пор является ресурсом для человека и для общества, или, напротив, является только пережитком прошлого, который *препятствует* эмансипации индивида и наступлению более свободного, справедливого и счастливого общества?» [7, р. 11]. Другой аспект этого же вопроса – необходима ли обществу «нормально организованная семья» [7, р. 11], подразумевающая гетеросексуальную супружескую пару с детьми, или же семьей могут называться любые формы объединения людей, претендующие на это имя, такие как так называемый «гражданский брак» (*famiglia di fatto*), гомосексуальная пара, полигамная семья и т.д. Основная гипотеза исследования состояла в том, что именно «нормально организованная семья», при всех наблюдаемых сегодня проблемах и патологиях, была и остается важнейшим источником жизни общества благодаря своей способности производить реляционное благо и тем самым быть местом формирования как личных, так и социальных добродетелей (под которыми, напомним, подразумевается «привычные способы жизни в соответствии с нравственным благом, которые проявляются в отношениях с другими») [7, р. 16] как причина мира, единства, справедливости и т.д.

Будучи местом первоначальной социализации человека, а также местом, где личность проявляется во всей своей полноте [9, р. 47], семейные отношения, с точки зрения авторов, являются незаменимыми и уникальными, первичными по отношению к любым другим социальным отношениям, в силу чего именно существование таких отношений, способных производить реляционное благо, остается залогом жизнеспособности общества в целом: «семья все более, а не все менее, становится решающим фактором материального и духовного благополучия личности» [7, р. 20].

В первой главе публикуемой работы П. Донати приводит список аргументов [7, р. 34], выдвигаемых в защиту позиции, согласно которой «нормально организованная семья» не может рассматриваться как необходимая для человека и общества форма социальных отношений. Это ряд тезисов, которые, как

утверждает П. Донати, могут верно описывать отдельные социальные факты, но в качестве основы для практических выводов нуждаются в проверке. Проведенное авторами исследование было призвано в том числе опровергнуть или подтвердить эти тезисы:

- Меняются ожидания человека по отношению к семье (человек больше не стремится в определенном возрасте создать семью, родить детей и т.д.);

- Любовь деинституционализируется;

- Женщина стремится играть более активную роль, отказываясь от подчиненного положения в семье;

- Отношения между партнерами становятся все более «деловыми» и все менее «романтическими»;

- Происходит «дефлаграция структур семьи» [7, р. 34]: «нормально организованная семья» теряет центральное положение, уступая место другим формам совместной жизни.

Логика исследования была представлена **Франческо Беллетти** следующим образом:

а) Выявление социальных и семейных условий респондента, а также объективных показателей того, в какой степени его семья может считаться социальным ресурсом:

- отношения взаимности в семье («чувство взаимного долга как показатель солидарности»);

- способность семьи помогать обществу в решении определенных задач;

- забота о детях и способность передавать им те или иные ценности;

- помощь людям, не являющимся членами семьи, и просоциальная активность.

б) Выявление представлений респондента об изменениях, произошедших в сфере семьи со сменой поколений, о том, какие условия могут помочь созданию настоящей семьи, о предпочтениях и ожиданиях респондента. Вопросы этой части анкеты касались пяти областей: отношений пары, детско-родительских отношений, соотношения семьи и работы, внутреннего и внешнего социального капитала семьи [7, р. 154-155]¹.

На основе полученных данных о социальных и семейных условиях, а также представлений и оценок респондента, связанных с его настоящей и ожидаемой семейной жизнью, а также о семье

вообще, был сделан ряд выводов о том, каким образом семья может быть социальным ресурсом.

Методологически исследование представляло собой опрос 3527 респондентов в возрасте от 30 до 55 лет, проживающих в 21 муниципалитете в пяти макрорегионах Италии: на северо-западе, на северо-востоке, в центре, на юге и на островах. Выбор возрастной группы связан с тем, что, по мнению авторов исследования, именно эти поколения в наибольшей степени отвечают за реализацию семейных проектов (при учете того, что в выборку попали только те представители этой группы, которые состоят в отношениях), что связано с периодом биологической фертильности, а также непосредственной ответственностью за воспитание детей. «Фактически это также наиболее обязательные и самоотверженные поколения в трудовой активности по сравнению с более молодыми и более пожилыми» [7, р. 150], считают исследователи.

Выборка была произведена с учетом процентного соотношения мужчин и женщин, а также представителей разных возрастных групп в каждом макрорегионе. Внутри каждого макрорегиона количество респондентов было равномерно распределено между различными городами.

Респонденты отбирались случайно при помощи телефонных книг, для выбора одного респондента из домохозяйства использовался метод Last-birthday² при соблюдении двух обязательных условий: респондент должен был входить в соответствующую возрастную группу, а также состоять в отношениях с партнером, вне зависимости от совместного или раздельного проживания.

Сбор данных проходил в марте-апреле 2011 г. на дому у респондентов при помощи метода CAPI. Для получения 89 переменных респондентам предлагалось ответить на 40 вопросов. К полученным данным применялись различные виды анализа, в том числе анализ линейных распределений, анализ таблиц сопряженности и многомерные методы анализа, в том числе методы кластерного анализа (TwoStep Cluster) и многомерного шкалирования.

В ходе обработки данных были построены три сложных переменных: средний возраст детей (интервалы от 0 до 5 лет, от 5 до 11, от 11 до 15, старше 15), социоэкономический статус

¹ О понимании авторами социального капитала см. ниже.

² Метод отбора респондентов при телефонном опросе, основанный на дате последнего перед проведением опроса дня рождения.

(отражающий уровень образования, характер занятости и профессии; в интервале от 0 до 10: 0-2 – «низкий», 2-5 – «средне-низкий», 5-7 – средне-высокий, 7-10 – «высокий»); индекс религиозности. Последний был выведен на основе двух показателей: уровня религиозного чувства и характера участия в религиозных обрядах. В первом случае респондентам предлагался вопрос: «Существуют люди более или менее религиозные. Вы считаете себя...» со следующими вариантами ответа: «очень религиозным человеком», «довольно религиозным человеком», «не очень религиозным человеком», «не религиозным человеком». Тем, кто выбирал первый, второй или третий варианты, задавался второй вопрос: «Как часто Вы обычно участвуете в обрядах, предписанных Вашей религией (messe или подобных еженедельных обрядах)?» с вариантами «никогда», «только в особых случаях (свадьба, похороны)», «только на праздники», «несколько раз в год», «один или два раза в месяц», «раз в неделю», «несколько раз в неделю» [7, p. 332-334].

Ф. Беллетти привел ряд **социодемографических характеристик** выборки, основные из которых следующие. Значительную часть выборки (63.8%) составляют респонденты, состоящие в супружеских парах, в том числе 11.8% – бездетных. Вообще имеют детей более 60% респондентов. Помимо «традиционных семей» в выборке представлены другие структуры, такие как сожительство без регистрации брака и т.д. В целом 80% респондентов живут вместе со своим партнером.

Большинство респондентов имеют средне-низкий или средне-высокий социоэкономический статус, более 20% – высокий, 10.2% – низкий.

85.5% выборки согласились ответить на вопрос о политических убеждениях. 44.9% из них заявили себя левыми, 21.5% – центристами, 33.6% – правыми, причем лишь небольшое и примерно равное число респондентов выбрали крайне левые (2.6%) или крайне правые (2.9%) позиции.

Что касается индекса религиозности, то большинство респондентов были отнесены к низкому (35.8%) и среднему (32.7%) уровню. Меньшую часть выборки характеризует нулевая (17.2%) и высокая (14.3%) религиозность. Этот показатель довольно сильно различается в гендерных группах. Так, нулевую религиозность демонстрируют 22.1% мужчин и 12.4% женщин, высокую – 9.7% мужчин и 18.7% женщин.

Паоло Теренци проанализировал данные, свидетельствующие о **значении брака**. По мнению авторов исследования, семейные отношения в представлении современной социологии и культуры [1] сводятся к союзу индивидов, цель которого – удовлетворение личных потребностей, эмоциональных, сексуальных и т.д.: «...брак, супружеская верность, наличие детей, жизнь под одной крышей, ответственность в отношении детей и общества не кажутся больше значимыми как решающие элементы вышеуказанных отношений» [7, p. 163-164]. Задачей исследования было в данном случае проверить, в какой мере подобный подход может быть обоснован эмпирическими данными. Для этого был использован ряд переменных, а именно: «важность, придаваемая различным целям (то есть целям отношений – И.М.); ценностные изменения этих целей по сравнению с предыдущими поколениями; важность институционального аспекта брака; уровень удовлетворенности отношениями в паре» [7, p. 165]. Респондентам предлагалось ответить, как они оценивают возможные цели отношений, а именно личное удовлетворение, рождение и воспитание детей, поддержание стабильности связи; насколько, по их мнению, изменились эти оценки по сравнению с поколением их родителей; какова для них важность официальной регистрации отношений; какова степень удовлетворенности этими отношениями. Все оценки давались по десятибалльной шкале.

«Лейтмотивом» [7, p. 165] полученных результатов авторы называют тот факт, то для большинства респондентов наиболее важной задачей оказалось поддержание стабильности отношений. Вместе с тем высокая оценка, придаваемая этой цели, оказывается коррелирующей с личным удовлетворением партнеров. «Если эти две цели выступают как очень важные цели отношений и, более того, связанные между собой (то есть те, кто придает важность одной, склонен придавать важность другой), это значит, что определенные стереотипы о характере так называемого упраздненного и нарциссического общества, в котором мы живем, должны быть, по меньшей мере, отчасти проблематизированы» [7, p. 184].

Кроме того, было выявлено, что все три цели более высоко ценятся жителями городов с численностью населения от 30 000 до 100 000; они же высоко оценивают степень удовлетворенности отношениями. То же самое, а

также представление о важности брака, относится к респондентам, которые могут рассчитывать на поддержку собственных родителей. Высокая степень удовлетворенности отношениями, придание большого значения браку и рождению и воспитанию детей как цели отношений характерно для супругов, состоящих в первом браке. Наконец, высокая оценка важности брака, удовлетворенность отношениями и выделение таких целей как воспитание детей и поддержание прочности отношений отличает респондентов с высоким индексом религиозности.

На основе этих данных П. Теренци делает общий вывод о том, что основная часть респондентов высоко оценивает три цели отношений, «которые, взятые вместе, составляют <...> характеристики, в которых реактуализируется так называемая традиционная семья» [7, р. 185].

Данные об **отношениях родителей с детьми**, полученные в результате исследования, рассмотрела **Евгения Скабини**. В этой области были использованы следующие переменные:

1. Стиль воспитания. Респондентам предлагалось оценить по десятибалльной шкале ряд аспектов, которые могут быть значимыми в воспитании ребенка:

- *позволить детям свободно самовыражаться во всем;*
- *дать понять детям, что нужно и чего не нужно делать;*
- *удовлетворять детей во всем, чего они попросят;*
- *передать детям, словами и примером, что действительно важно в жизни.*

2. Уровень стресса, связанного с родительской ролью. Респондентам был предложен вопрос: «*Насколько правильным вы считаете следующее утверждение: «Воспитание моего ребенка намного тяжелее, чем я ожидал/а?»*»

3. Степень родительской самоэффективности – показатель того, насколько компетентными чувствуют себя респонденты в роли родителя. Вопрос анкеты звучал следующим образом: «*Насколько вы считаете себе способным помочь вашему ребенку/детям в преодолении маленьких и больших трудностей, которые он/они встретит/встретят?»*»

4. Участие семьи во вторичной социализации ребенка. Значение семьи, по мнению авторов, не ограничивается созданием условий для первичной социализации; «забота о собственных

детях фактически выходит за рамки семьи и проявляется также как забота о контексте» [7, р. 201], в котором дети растут. Выявление возможность семей респондентов оказывать подобную поддержку ребенку производилось при помощи следующего вопроса: «*Насколько вы участвуете как родитель в жизни школы и любой другой деятельности вашего ребенка (например: участие в соревнованиях, знакомство со спортивными тренерами или педагогами, знакомство с другими родителями группы, в которой часто бывает ваш ребенок и т.д.)*»

5. Разделение родительской ответственности – показатель, рассматривающий степень согласия между родителями в вопросах, связанных с воспитанием: «*Какова степень вашего общего согласия с партнером в решении различных воспитательных, образовательных и других проблем, связанных с вашими детьми?»*»

При этом основной задачей, которую поставили перед собой авторы, было выявить, насколько различается характер детско-родительских отношений в семьях с различной структурой. Для этого респонденты, имеющие детей, были разделены на три группы в зависимости от семейного положения и состава семьи. Тип А объединил респондентов, живущих с партнером и общими детьми (одним или более); тип В – семьи, состоящие из людей, ранее состоявших в браке, разведенных и вступивших в новый брак, с детьми (одним или более); тип С – семьи из одного родителя с детьми (одним или более). С помощью кластерного анализа были выявлены характеристики этих типов с точки зрения детско-родительских отношений. В результате были сделаны следующие выводы.

В целом респонденты показывают довольно высокие способности к выполнению родительских функций. Риски связаны в большей степени с отцами, которые менее уверенно чувствуют себя в этой роли и менее активно участвуют в жизни ребенка в социуме. Матери, занимающие центральную позицию в семье, вследствие этого нередко оказываются перегруженными, что является фактором стресса и может привести к выгоранию.

На формировании отношений в семье явно сказывается число детей: «...родители, у которых два или более ребенка, придают большую важность этико-нормативным задачам, обращают больше внимания на уникальность собственных детей и менее склонны поощрять вседозволенность по сравнению с теми, у кого единственный ребенок» [7, р. 208]. Кроме того,

они легче находят компромисс с партнером по вопросам воспитания и в большей степени открыты социуму.

Анализ семей, различных по структуре, показал, что смешанные семьи (то есть пары с детьми от предыдущих браков) испытывают большие трудности в воспитании, партнеры не так легко приходят к согласию и демонстрируют большую закрытость по отношению к окружающему миру. К этому типу близки семьи с одним родителем (обычно это мать). Одиноким родителем чувствует себя неуверенно, испытывает серьезные трудности в сотрудничестве со вторым родителем ребенка; склонен к изоляции от социума, тогда как именно открытость и доверие общественной жизни, по мнению авторов, чрезвычайно важны.

Большое значение для семьи такого аспекта, как **поиск баланса между семейной и профессиональной сферами** аргументировала **Джиованна Росси**: «...в процессе структуризации личной идентичности действительно видно, что совмещение требований семьи и работы содержит, прежде всего, выражение суждения в отношении себя, собственной жизни, настоящей и будущей» [7, р. 213]. Выбор совершается человеком, прежде всего, на базе собственных представлений об идеале, однако реализуется с учетом реальных условий, так что идеальное и ожидаемое могут не совпадать. В этой связи авторы попытались определить, какое взаимоотношение между семьей и работой может быть положительным для семьи. Для этого были построены переменные, позволяющие определить, что респонденты склонны предпочесть в случае конфликта «семья-работа», а также помогающие понять природу этого выбора (идеальное представление о сочетании семьи и работы и ожидание от собственной семьи в этой сфере). Ещё одна переменная должна была отразить характер распределения обязанностей в семье, имеющий немаловажное значение для того или иного выбора. Последняя переменная связана с целью, ради которой достигается баланс между семьей и работой. Варианты ответа: «*чтобы иметь возможность реализовать свои стремления*», «*чтобы иметь возможность лучше воспитывать своих детей*», «*чтобы вкладывать время в отношения (с партнером/родителями партнера/своими родителями/другими членами семьи/ассоциациями)*». Как отмечает Дж. Росси, отношение к указанным целям позволяет построить «типологию домохозяйств в

соответствии с тем, насколько они являются ресурсом для общества (минимально при индивидуалистическом совмещении (семьи и работы – И.М.) и максимально при просоциальном совмещении)» [7, р. 215].

Анализ данных привел к следующим результатам. Ответы респондентов подтвердили стереотип, что женщины отдают приоритет семье, а мужчины работе. Однако ситуация меняется, если респонденты-мужчины обладают высоким индексом религиозности: в этом случае они в большей степени склонны предпочитать семью.

Большинство респондентов указали, что в их семьях обязанности распределены довольно четко; однако это характеризует группы с различными ценностями. С одной стороны, это респонденты с ценностями традиционными («религиозные ценности, ценность брака» [7, р. 239]), которые стремятся к балансу между работой и семьей; с другой – в основном женщины, отдающие предпочтение семье; наконец, те, кто не очень удовлетворен семейной жизнью и отдает предпочтение работе. Авторы отмечают, что «тенденционно эгалитарное распределение домашних обязанностей не может быть оценено позитивно в упрощенческой манере, но <...> должно быть подчинено эффективному выбору для семьи, реализуемому на практике» [7, р. 239].

Что касается целей поиска баланса между семьей и работой, то большинство респондентов остановились на «семейном» варианте (забота о детях), за исключением разведенных или прекративших сожительство с супругом. К просоциальному выбору оказались, кроме того, склонны некоторые мужчины, а также женщины, разделяющие традиционные ценности (семья, религия). Индивидуалистские мотивации продемонстрировали молодые люди, которые живут одни; мужчины, предпочитающие семье работу.

Последняя часть анкеты была посвящена теме **семьи и социального капитала**. Понятие социального капитала «было операционализировано через совокупность вопросов, направленных на выявление сложной, но внутренне взаимообусловленной, природы различных его измерений» [7, р. 243], – пишет **Рикардо Прандини**. В этой сфере авторы выделили два аспекта: способность семьи быть источником социального капитала для ее членов и для общества в целом.

Первый включает такие переменные, как уровень межличностного доверия в семье,

способность к безусловной взаимопомощи, значения семьи для внесемейной социальной жизни человека, способность семьи быть социальным «трамплином» [7, р. 250], то есть помогать человеку устанавливать новые социальные связи, оказывающие серьезное влияние на его жизнь. Рассматривая влияние семьи на внешние социальные связи личности, авторы предложили три варианта влияния: семья помогает устанавливать новые контакты с различными людьми («семья-мост»), семья помогает собрать единомышленников («семья-клей»), семья замыкается в себе и негативно влияет на внешние контакты («семья-тормоз»).

Второй аспект – семья как источник социального капитала для общества – состоит из таких переменных, как способность семьи быть проводником важных для общественной жизни социальных качеств (честность, доверие другим людям, жертвенность), доверие социальным институтам (вопрос здесь заключался в том, могут ли перечисленные социальные институты, то есть Церковь/Церкви, школа и университет, политическая система, предприятия, банки, семья, магистраты, полиция, масс-медиа, правительство, по мнению респондентов, внести значимый вклад в развитие страны), способность членов семьи оказывать помощь людям за ее пределами (а именно помогать в решении личных проблем, проблем, связанных с отношениями в паре, ухаживать за детьми и пожилыми людьми).

Итоги были подведены при помощи кластерного анализа. В кластер были включены структурные переменные и переменные, рассматриваемые в этом разделе. В результате были выявлены следующие группы.

Первая включает 47,5% респондентов, в основном это женщины и представители двух старших возрастных групп (46-55 лет), состоящие в первом или втором браке, имеющие детей. Индекс религиозности в группе преимущественно средне-высокий, социоэкономический статус низкий. Родители респондентов из этой группы в основном также состояли в браке.

Семьи респондентов данной группы отличаются высоким (выше среднего) уровнем взаимного доверия; от собственных родителей респонденты переняли чувство уважения к закону, доверия к другим и жертвенности, которые, по их мнению, способна прививать и современная семья. Они также отличаются высоким доверием к различным социальным институтам и готовы помогать тем, кто в этом нуждается, за пределами семьи.

Вторую группу составили 28,7% выборки, преимущественно мужчины от 41 до 45 лет, вдовцы или состоящие в разводе, имеющие детей. Индекс религиозности нулевой или низкий, социоэкономический статус средне-низкий или средне-высокий. Большинство респондентов этой группы были воспитаны одним родителем. Характеристики этой группы относительно исследуемых переменных оказываются почти диаметрально противоположны: низкий уровень взаимного доверия и взаимопомощи, передача детям таких ценностей, как жертвенность, доверие другим людям и честность, оказывается затруднена. Респондентов отличает низкое доверие социальным институтам и низкая склонность оказывать помощь нуждающимся вне семьи. Авторы характеризуют вошедших в эту группу людей как находящихся в кризисе [7, р. 263].

Третья группа включает 23,8% респондентов, в основном мужчин и женщин более молодого возраста, которые не вступали в брак или разведены (либо живут отдельно от супруга/супруги). Варианты семейной структуры – сожительство без детей или одинокий родитель с ребенком. Эту группу отличает большее, чем в среднем, доверие к членам семьи (авторы объясняют это тем, что в этом случае респонденты могут ориентироваться ещё на собственных родителей, от которых получают поддержку), довольно высокий уровень взаимопомощи. «Трансмиссия ценностей довольно высокая, но не как в первом кластере» [7, р. 264-265], высока и степень доверия социальным институтам. «Можно сказать, что в этой группе – поколения молодежи-взрослых, еще защищенные родительской семьей – мы находим очень молодых людей, с небольшой семейной ответственностью, которые ещё живут с семьей или вместе с партнером, с небольшим опытом разрушения семейных связей. <...> они кажутся довольно устойчивыми, но, если взглянуть на поле в целом, довольно заметно, что увеличение возраста увеличивает также недоверие и понимание того, что общество становится все более опасным, и что, поэтому, следует искать убежища от него, замкнувшись в частной сфере, с близкими людьми и в маленьком мире» [7, р. 264].

Это привело авторов к следующему выводу: «нормально организованная» итальянская семья, то есть включающая супружескую пару с собственными детьми, остается местом доверия, взаимопомощи и инструментом передачи

социально значимых ценностей, но вряд ли способна реализовывать и развивать эти возможности без поддержки со стороны общества и государства (в группе риска оказываются молодые семьи), однако этой поддержки не получает.

Общие итоги проведенного исследования подвёл П. Донати в заключительной главе публикации. «Первичный вопрос, на который мы должны ответить – *есть ли разница, строить семью одним способом или другим?* <...> Методологическое правило, которым мы руководствуемся, звучит так: семья познается по плодам» [7, р. 267]. Иными словами, перед авторами стояла задача проверить гипотезу, что между семейными условиями и качеством жизни человека существует определенная взаимосвязь, а именно «нормально организованная» семья в большей степени может быть источником личного и общественного блага. По мнению П. Донати, сделать это удалось.

С помощью кластерного анализа структурных переменных были выявлены четыре типа семьи:

Тип 1; 18,8% выборки. Взрослые, живущие отдельно (с детьми или без). В основном это респонденты 30-35 лет, не вступавшие в брак, разведенные или вдовы; большинство бездетны, но присутствуют и одинокие родители (лишенные при этом помощи собственных родителей); с высоким уровнем образования; средне-высоким социоэкономическим статусом; крайне левые или крайне правые; с низким или нулевым индексом религиозности; дети не состоявших в браке родителей;

Тип 2; 21,9%. Пары без детей (состоящие или не состоящие в браке). П. Донати подчеркивает, что объединение в одном кластере бездетных пар независимо от регистрации брака подчеркивает важность рождения детей для формирования семейных отношений различного качества. Эта группа преимущественно включает респондентов 30-35 лет, в том числе разведенных; жителей центральной Италии; живущих с новым партнером; с высоким уровнем образования и социоэкономическим статусом; крайне левых; с низким или нулевым индексом религиозности; детей не состоявших в браке родителей;

Тип 3; 28,4%. Супружеские пары с одним ребенком, с небольшим процентом сожительствующих вне брака. В основном это люди 41-45 лет; живущие на севере Италии; часто женатые во второй или более раз; со средним уровнем образования и средним

социоэкономическим статусом; довольно религиозные; с право-центристскими политическими взглядами; выросшие с одним родителем и до сих пор рассчитывающие на его поддержку;

Тип 4; 30,9%. Супружеские пары с двумя или более детьми. По большей части это респонденты 51-55 лет, жители юга Италии или островов; женатые в первый раз; с низким уровнем образования и низким социоэкономическим статусом; с лево-центристскими политическими взглядами; очень религиозные; дети состоявших в браке родителей.

Рассмотрев особенности внутрисемейного климата в каждом из представленных типов и взаимоотношения с внешним миром, П. Донати утверждает, что «семья, более счастливая и представляющая собой большой источник доверия и солидарности в обществе – та, которую составляют женатые родители с двумя и более детьми» [7, р. 274]. В такой семье больше взаимного доверия и оптимизма, ее члены более открыты для других, более склонны оказывать помощь и т.д. Это семья, основанная на этике *дара*. Соответствующие характеристики распределяются по типам следующим образом:

- Респонденты из семей 1 типа находятся «в маргинальных и депрессивных условиях» [7, р. 276] с реляционной точки зрения (несмотря на хорошее материальное положение);

- 2 тип отличает концентрация индивидов на себе, отсутствие обмена между поколениями;

- К 3 типу относятся семьи более благополучные с точки зрения отношений, но из-за ограниченности рождения такие семьи не справляются с просоциальными задачами (речь идет, разумеется, не о решении демографических проблем, а о способности семьи быть источником реляционного блага);

- Семьи 4 типа показывают наибольшую способность быть источником блага как для личности, так и для общества; их отличает позитивный внутренний климат и открытость обществу.

На основе этого П. Донати резюмирует, что тип семьи, в наибольшей степени способный быть ресурсом для общества, оказывается в худших материальных условиях, чем другие типы, с его точки зрения, «это подтверждает факт, что в Италии *семья жестоко ущемляется*» [7, р. 276].

Значительной оказалась связь между браком и индексом религиозности и их влияние на другие

переменные: «у людей, состоящих в браке и верующих, более высокий уровень счастья и удовлетворения жизнью по сравнению с другими» [7, р. 284].

Кроме того, методом многомерного шкалирования была получена диаграмма, на которой были выделены латентные переменные, распределенные по 4 полюсам. Эти полюса Донати соотнес с парсонсовской схемой AGIL:

(G) Горизонтальная ось справа: переменные, которые выражают «так сказать, объективный (конкретный, физический вес семьи – И.К.), который прочно ассоциируется с религиозным чувством и чувством общественной ценности семьи» [7, р. 265].

(L) Горизонтальная ось слева: этос жизненного мира семьи, этические ценности, культивируемые в семье. Комментируя расположение этих двух латентных переменных, Донати отмечает, что «иметь большую семью, много детей и быть очень религиозным не обязательно соответствует этическому смыслу семьи. Конечно, два измерения могут также сочетаться между собой (и это случается в определенном числе случаев), но принципиально это характеристики полностью различной природы» [7, р. 265].

(A) Вертикальная ось сверху: открытость семьи социуму (сюда вошли такие переменные, как помощь пожилым людям и детям вне семьи, участие в социальной активности и др.).

(I) Вертикальная ось снизу: восприятие социальных институтов, в первую очередь брака.

П. Донати заключает, что различные аспекты жизни семьи оказываются слабо связаны между собой в сознании респондентов. «В терминах социологии это означает, что итальянцы имеют низкую степень внутренней рефлексии и социальной и культурной рефлексии относительно семейной жизни» [7, р. 287]. Как показали результаты исследования в целом, нормально организованная семья по-прежнему имеет больше всего ресурсов для производства реляционного блага, но в ней «существуют серьезные трудности в том, чтобы связать воедино внутреннюю солидарность и активное участие в общественной жизни» [7, р. 268]. Приобрести необходимую рефлексии, позволяющую интегрировать выявленные латентные переменные – важнейшая, с точки зрения П. Донати, задача, которая стоит перед обществом. Большое значение в ее решении может иметь религиозность, которая «помогает способности проживать внутренние связи

трансцендентным способом, то есть понимая социальную ценность, которую имеет внутренняя солидарность для «Других», для внешнего общества» [7, р. 268].

Наконец, автор соотносит итоги исследования с «постмодернистскими тезисами» [7, р. 289], вынесенными в начало публикации:

- *Меняются ожидания человека по отношению к семье (человек больше не стремится в определенном возрасте создать семью, родить детей и т.д.)* – не подтвердилось для большей части респондентов;

- *Любовь деинституционализируется* – не подтвердилось; гетеросексуальная пара остается основной моделью;

- *Женщина стремится играть более активную роль, отказываясь от подчиненного положения в семье* – по большей части это происходит в том случае, если семья находится в тяжелых условиях (распад семьи и т.д.), причем для женщины это оказывается не преимуществом, а напротив, более тяжелым грузом;

- *Отношения между партнерами становятся все более «деловыми» и все менее «романтическими»* – напротив, семейные отношения воспринимаются в первую очередь как сфера личных эмоций;

- *Происходит «дефлаграция структур семьи»* [7, р. 34]: «нормально организованная семья теряет центральное положение, уступая другим формам совместной жизни – «нормально организованная» семья все еще занимает центральное положение, однако ситуация действительно быстро меняется.

В связи с обозначенными выше тенденциями П. Донати утверждает, что обществу и государству необходимо занять по отношению к плюрализации форм семьи более четкую и определенную позицию, опирающуюся на различную социальную ценность различных форм. Решающее значение имеют, по мнению авторов, два фактора:

- *Число детей в семье.* Он него во много зависит внутрисемейный климат, прочность отношений, в конечном счете – способность семьи быть источником социального капитала. «Настоящее исследование показывает, что богатство содержится в отношениях, которые порождают дети. Фактически отношения – это намного больше, чем простые когнитивные навыки, поскольку означают способность дарить и принимать доверие, умение сотрудничать с другими, изучать и применять на практике

правила дара и взаимности, которые являются социальными добродетелями, на которых держится гражданское общество» [7, р. 293];

Заключение брака. Как правило, брак сопутствует желанию иметь детей, желанию вступить в отношения определенного характера. В этом случае авторы называют пару «генеративной» [7, р. 26], то есть, в узком, но не единственном смысле, готовой к деторождению, а в широком – способной производить реляционное благо, «очеловечивать» [9, р. 48] человека и быть источником жизни общества.

Таким образом, исследования, проводимые на основе реляционной теории общества, затрагивают разнообразие аспекты жизни семьи (отдельные виды отношений внутри семьи и их качество, различные типы конфликтов и рисков, характер взаимодействия семьи с обществом и т. д.), обосновывая способность последней быть источником социального капитала и в то же время указывая на объективные препятствия для этого, существующие в современном итальянском обществе. В свою очередь, значительное количество публикаций, посвященных вопросам семейной и социальной политики в Италии и всей Европе, преследуют цель, с одной стороны, оценить то, насколько благоприятными являются условия, в которые ставит семью государство, для выполнения онтологически присущей ей задачи, и в то же время указать средства, способные облегчить и улучшить эти условия. Опыт исследований, накопленный итальянскими учеными за три десятилетия, представляется заслуживающим пристального внимания со стороны социологов как дающий возможность по-новому взглянуть на изучаемые явления.

Список литературы

1. Bettetini G. e Fumagalli A. *Quel che resta dei media. Idee per un'etica della comunicazione*. Milano, FrancoAngeli, 1998.
2. Chi siamo [*Centro Internazionale Studi Famiglia*] URL: <http://cisf.famigliacristiana.it/canale/cisf/chi-siamo.aspx> (date of access: 16.10.2016).
3. Ciclo di vita familiare: adolescenti e giovani adulti [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-ciclo-di-vita-familiare-adolescenti-e-giovani-adulti> (date of access: 16.10.2016).
4. Comunità, associazioni familiari e politiche sociali [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-comunita-associazioni-familiari-e-politiche-sociali> (date of access: 16.10.2016).

5. Donati P. (a cura di), *La famiglia in Italia. Sfide sociali e innovazioni nei servizi*. Vol. I. *Aspetti demografici, sociali e legislative*. Roma, 2012.

6. *Famiglia e diversità culturale* [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-famiglia-e-diversita-culturale> (date of access: 16.10.2016).

7. *Famiglia risorsa della società*. Donati P. (a cura di). Bologn, 2012.

8. *Forme della genitorialità* [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-forme-della-genitorialita> (date of access: 16.10.2016).

9. Iafrate R. Scabini E. *Identità e cambiamento familiare: il paradigma relazionale-simbolico*. *Psicologia dei legami familiari*. Bologna, 2003.

10. Osservatorio Nazionale sulla Famiglia [*Governo Italiano*]: URL: <http://www.politichefamiglia.it/osservatorio-nazionale-sulla-famiglia/> (дата обращения: 16.10.2016).

11. *Relazioni di coppia* [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-relazioni-di-coppia> (date of access: 16.10.2016).

12. *Statuto del Centro di Ateneo Studi e Ricerche sulla Famiglia* [*Centro di Ateneo Studi e Ricerche sulla Famiglia*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-il-centro-statuto-del-centro-di-ateneo-studi-e-ricerche-sulla-famiglia> (date of access: 16.10.2016).

References

1. Bettetini G. e Fumagalli A. *Quel che resta dei media. Idee per un'etica della comunicazione*. Milano, FrancoAngeli, 1998.
2. Chi siamo [*Centro Internazionale Studi Famiglia*] URL: <http://cisf.famigliacristiana.it/canale/cisf/chi-siamo.aspx> (date of access: 16.10.2016).
3. Ciclo di vita familiare: adolescenti e giovani adulti [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-ciclo-di-vita-familiare-adolescenti-e-giovani-adulti> (date of access: 16.10.2016).
4. Comunità, associazioni familiari e politiche sociali [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-comunita-associazioni-familiari-e-politiche-sociali> (date of access: 16.10.2016).
5. Donati P. (a cura di), *La famiglia in Italia. Sfide sociali e innovazioni nei servizi*. Vol. I. *Aspetti demografici, sociali e legislative*. Roma, 2012.
6. *Famiglia e diversità culturale* [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-famiglia-e-diversita-culturale> (date of access: 16.10.2016).
7. *Famiglia risorsa della società*. Donati P. (a cura di). Bologn, 2012.
8. *Forme della genitorialità* [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL:

<http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-forme-della-genitorialita> (date of access: 16.10.2016).

9. Iafrate R. Scabini E. Identità e cambiamento familiare: il paradigma relazionale-simbolico. *Psicologia dei legami familiari*. Bologna, 2003.

10. Osservatorio Nazionale sulla Famiglia [*Governo Italiano*]: URL:

<http://www.politichefamiglia.it/osservatorio-nazionale-sulla-famiglia/> (date of access: 16.10.2016).

11. Relazioni di coppia [*Università Cattolica del Sacro Cuore*]: URL:

<http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-aree-di-ricerca-relazioni-di-coppia> (date of access: 16.10.2016).

12. Statuto del Centro di Ateneo Studi e Ricerche sulla Famiglia [*Centro di Ateneo Studi e Ricerche sulla Famiglia*]: URL: <http://centridiateneo.unicatt.it/famiglia-il-centro-statuto-del-centro-di-ateneo-studi-e-ricerche-sulla-famiglia> (date of access: 16.10.2016).

Маркина Ирина Васильевна, научный сотрудник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Irina V. Markina, Research Fellow, St. Tikhon's Orthodox University.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-4-34-40

Vesna S. Trifunovic

**MIGRATION PROCESSES AND DEMOGRAPHIC STRUCTURE
IN THE EASTERN BORDERLANDS OF THE REPUBLIC OF SERBIA***

University of Kragujevac, Faculty of Pedagogical Sciences, Jagodina, Department of Humanities, 14,
M. Mijalković, Jagodina, 35 000, Republic of Serbia
dimitrije95@ptt.rs

Abstract. Throughout the 20th century until today, Serbian society has been faced with the consequences of the lack of the development policy that would create a context of equal conditions for stronger economic, social and cultural development of different regions of the Republic of Serbia. Some of the effects of such a development policy at the beginning of the 21st century are strong migration processes that «drain» the young working population, particularly from the eastern borderlands, from the country. Migrations «associated» with decades of low birth rates trend lead to the quiet disappearance of the population in border municipalities such as Kladovo and the culture they are holding.

The paper highlights the importance of creating a development policy that would rehabilitate the consequences of decades of regional disparities in the development of Serbia. The creators of the so-called contemporary Serbian society, if they intend to offer sustainable strategies, in addition to economic, social, cultural, ecological and other discourse, must include the demographic one. Each of these discourses has its important role in the overall development of the society. However, the unfavorable demographic structure can stop it.

The paper used the analytical-descriptive method.

Key words: population; migrations; demographic changes; east borderlands; the Republic of Serbia.

Трифуневич В.С.

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
ВОСТОЧНОГО ПРИГРАНИЧЬЯ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИИ**

Университет г. Крагуевац, Факультет педагогических наук г. Ягодина, М. Мијалковича 14,
Ягодина, 35 000, Република Србија
dimitrije95@ptt.rs)

Аннотация. На протяжении всего XX века и до сегодняшнего дня, сербское общество сталкивается с последствиями отсутствия политики в области развития, которая бы создала контекст равных условий для более сильного экономического, социального и культурного развития различных регионов Республики Сербии. Некоторыми эффектами последствий такой политики в области развития начала XXI века являются сильные миграционные процессы, которые «отводят» молодое работающее население из страны, особенно из районов восточного приграничья. Миграционные тенденции, в сочетании с десятилетиями низкой стопы рождаемости, приводят к тихому исчезновению не только населения в приграничных муниципалитетах, таких как Кладово, но и культуры, чьими носителями эти жители являются.

В работе подчеркивается важность создания политики развития, которая бы реабилитировала последствия десятилетий региональных различий в развитии Сербии. Если разработчики так называемого развития современного сербского общества намерены предложить устойчивую стратегию, то они должны, наряду с экономическим, социальным, культурным, экологическим и другими дискурсами, включить и

*Prepared as a part of the project *Sustainability of the Identity of Serbs and National Minorities in the Border Municipalities of Eastern and Southeastern Serbia* (179013), conducted at the University of Niš – Faculty of Mechanical Engineering, and supported by the Ministry of Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

демографический дискурс. Каждый из этих дискурсов имеет свою важную роль в общем развитии общества, однако, неблагоприятная демографическая структура может это развитие приостановить.

В работе используется аналитическо-описательный метод.

Ключевые слова: население; миграционные процессы; демографические изменения; восточное приграничье; Республика Сербия.

Introduction

The movement and the development of a population are influenced by the following factors: (a) natural movement and population renewal i.e. natural growth, and (b) migrations (immigrations and emigrations). Term *migration* means the spatial mobility of the population. Migration (lat. migratio) relates to movement, trek. Traditionally, the term referred to the emigration, and today to long-term work and stay in the countries more developed than the country of origin of migrants. United Nations consider migrations as the forms of spatial mobility between two geographical locations, as a permanent change of residence, while in the local professional and scientific literature, migration indicates any change of residence, regardless of the duration and distance. It is believed that every act of free migration is the result of individual decisions that form two large groups of factors: (1) pull factors which include better employment opportunities, the possibility of gaining higher wages, benefits provided by the environment and living conditions, the lure of new or different activities etc. (2) push factors which include declining of natural resources or their prices, job loss, repressive discriminatory treatment, alienation from the community, etc. [1].

Migration movements occur due to the geographical imbalances in the distribution of natural resources, physical and human capital, institutions, traditions and cultural conditions which cause an uneven pace of economic development; the movement of people is also encouraged by the movement of capital and services, or their concentration in a certain area [2]. Migrations may vary based on different criteria: according to *the criterion of state borders* we differ external and internal migration; according to *the criterion of time* we differ final and temporary migration; according to *the cause* we differ economic and non-economic migrations; according to *the willingness* we differ voluntary and involuntary migration, etc.

About external migration we can speak from different perspectives; however, here we will mention two with positive connotations: (a) the perspective of migrants themselves who benefit in social and economic terms - earn more, their quality of life has improved; (b) the perspective of the country of origin

of migrants - migrants bring foreign currency remittances and reduce unemployment, and to make these effects long-term, government activity in pre-migration, migration and post-migration phase is essential [3].

Migration has a huge impact on the demographic, social and economic structure of the country of origin of migrants: migrants are leaving their jobs, property, state (are in need of permanent abandonment of the country of origin), and consciously develop a life strategy with a better perspective by investing their own resources, and using the provided business opportunities they enhance their material position. The realization of a personal dream of migrants, from the standpoint of the country of origin of migrants, signifies a loss of human resources, the creative potential of newly created values, taxes ... Countries of origin of migrants, such as Serbia, which, in large waves in recent history since the seventies of the last century, has been abandoned by large groups of young, fertile, economically active population, go through different stages of demographic transition. Its outcomes are depopulation, lower birth rates, aging of the population. These negative demographic processes cause a series of negative economic effects and reduce the capacity of the total society to «conquer» the civilizationally reached quality of life.

Decades-long uneven economic development as a result of asymmetric development policy of the Serbian society that provided Belgrade and municipalities in the north of the country with a stronger economic growth has led to the overall social and economic backwardness of border municipalities in the southeast and east. Borderland eastern and southeastern Serbia municipalities are not recognized as potentials in post-development strategies: existing development resources are destroyed (agricultural, industrial, tourist) and, at the same time, there has been no new investment – Borderlands have become synonymous with the periphery. Periphery that is becoming poorer, and with the outflow of the population. Economically stronger centers attract the active working population from the eastern border municipalities such as Kladovo (so called Ključ region). Despite the policy of European and other developed countries towards

migrants, and especially asylum seekers, which is oriented towards programs for readmission due to the attitude of the local population, the rise in xenophobia, changes in the labor market – the population that migrates from Ključ region has developed a special «immigration policy». With the first wave of migrants, after the initial phase of their integration into the labor market, the dependent mobility of their relatives and partners has led to the expansion of migrant families i.e. to the reunification of families. The second and third generation of migrants, born and brought up in the new socio-cultural environment, often does not feel the connection with the homeland of their parents and ancestors. It builds its identity on the acceptance of values and belonging to socio-cultural milieus of the «new» homeland, thus making the return to the country of origin almost impossible.

Migration processes, associated with a variety of other demographic processes, lead to the disappearance of Kladovo population: the names of settlements in which lonely houses await their owners foreign workers stretch along the Danube coast. The houses are large and made of expensive material, luxurious, however without people.

Method

The subject of this paper is to study migration and demographic structure of the population in the eastern municipality border of the Republic of Serbia, Kladovo.

The aim of the research is to determine (a) whether there are migratory movements of Kladovo population, (b) the basic characteristics of the demographic structure of the population in the eastern border municipality of Kladovo.

The tasks of the research are: (1) To determine the presence and the main characteristics of migration processes in the municipality of Kladovo, (2) to provide an insight into the statistics that follows the changes in the number of the total population, their distribution by settlements and numerical relationship among different age groups of the population.

Main hypothesis: A large percentage of the population in the municipality of Kladovo participates in the so-called external migration flows, crosses the border in search of «a better life».

Specific hypothesis: In the municipality of Kladovo, the total population is dominated by aging population.

The paper used the analysis of secondary structure (data obtained by regular censuses, reference literature dealing with migrations and demographic structure), as well as a descriptive method.

Migration processes in the municipality of Kladovo

The municipality of Kladovo is the «last point» in the east towards Romania. This border area or «peripheral system laid to the border» [4] is a separate physical-geographical and functional territorial integrity, which has a specific economic, cultural but also strategic importance. The border region of the municipality of Kladovo is located in Bor District, consisting of 23 settlements and 6 villages, of which 18 settlements are located along the coast of the Danube. These are the following settlements: Brza Palanka, Vajuga, Velesnica, Velika Vrbica, Velika Kamenica, Grabovica, Davidovac, Kladovo, Kladušnica, Korbovo, Kastel, Kupusište, Ljubičevac, Mala Vrbica, Manastirica, Milutinovac, Novi Sip, Petrovo Selo, Podvrška, Reka, Rečica, Rtkovo, Tekija. Kladovo is a town, Brza Palanka and Tekija have some characteristics of a small town, and other cities have the characteristics of rural settlements.

From Serbia to the world, one could also go from Kladovo pier, and Kladovo can be reached from other parts of Serbia by different paths. There are three main routes that connect Kladovo with Serbia hinterland: (a) from Belgrade (260 km) through Požarevac and Donji Milanovac, down the Danube by Đerdap highway; (b) from Paraćin (200 km), the connection with highway Belgrade-Niš, over the mountain saddle of Čestobrodica, Zaječar and Negotin; (c) from Niš (about 200 km), over the mountain saddle of Tresibaba, Knjaževac, Zaječar and Negotin [5].

Although the border one, this area is characterized by a high degree of ethnic homogeneity: in the total population there are over 89,9% (17 673), of Serbs, but there are also features of multi-ethnicity primarily due to the presence of Vlachs (788) in the total population and in a much lower percentage the presence of other ethnicities – Romanians (156), Roma (36) and others. Ordinary people living in Kladovo region live in the same way, regardless of ethnicity: a lifestyle that is imposed by an economically deprived area and an area struggling with disastrous consequences of aging and depopulation [6].

In the municipality of Kladovo there is the small town (urban settlement) of Kladovo, which is one of the older cities in the Danube region. According to historical sources, the emergence of the village is connected to the civil war camp built by the Romans on the Danube border, called *Zanes*. Later, at its foundation, the Slavs built a settlement Novi Grad, only to have its Slovenian population suppressed by

the construction of Turkish fortress Fetislam. Kladovo name is mentioned for the first time in an Austrian military document from 1596, and the oldest written information about Kladovo includes a description of the town that is recorded in his travelogue by Turkish geographer and travel writer E. Çelebi [5].

Kladovo is a small town on the bank of the Danube, which does not offer its residents great opportunities; visitors from other areas are a sporadic occurrence and but for the various national teams (volleyball, athletes) that perform part of the sports preparations here – it would be a forgotten border town. Formerly, in the time of Yugoslavia, there was a large shipyard, which has since the introduction of sanctions by the United Nations at the beginning of the nineties stagnated bringing to a halt of the economic and social development throughout Kladovo border area (today this industrial complex is foreign-owned, Romanian, and is a part of the continent Rhein Donau Yard). In the Kingdom of Yugoslavia, to the construction of hydropower plant «Đerdap» in the socialist period of development,

Kladovo was also known for world famous Kladovo caviar, which was prepared according to the old «recipe» that was brought to this area by a Russian family fled after the October Revolution. Sturgeons no longer spawn in coast of Kladovo, Kladovo caviar has no longer been served in European restaurants, hydropower plants sank old habits and customs, and economic trends in the Serbian society in recent decades have spilled over young economically active population outside the borders of the municipality of Kladovo abroad – to developed Western European societies.

According to the census of population, households and dwellings in the Republic of Serbia in 2011 and preliminary first results, in the Bor District, where Kladovo municipality is located, a constantly present downward trend in the total population is noticeable. In the period between the two censuses (2002-2011) in the Bor District, there was an absolute decline in the number of inhabitants by 22 703 inhabitants. Kladovo municipality has also recorded a decline in the population by 2 978 inhabitants (see Table 1).

The total population according to the census of 2011 and 2002

Table 1

Общая численность населения по данным переписи 2011 и 2002 года

Таблица 1

1. Укупно пописана лица, укупан број становника према Пописима 2011. и 2002. и укупан број домаћинства и станова (наставка)

Total enumerated persons, total number of population according to the Censuses 2011 and 2002 and total number of households and dwellings (continued)

	Укупно пописана лица <i>Total enumerated persons</i>	Укупан број становника <i>Total number of population</i>		Апсолутни пораст-пад 2011-2002 <i>Absolute increase-decrease 2011-2002</i>	Индекс 2002 = 100 <i>Index 2002=100</i>	Укупан број домаћинства <i>Total number of households</i>	Укупан број станова <i>Total number of dwellings</i>	
		2011	2002					
Борска област	146 813	123 848	146 551	-22 703	84,5	47 635	68 796	Area of Bor
Бор	50 159	48 155	55 817	-7 662	86,3	16 764	22 439	Bor
Кладово	27 227	20 635	23 613	-2 978	87,4	8 427	12 946	Kladovo
Мајданпек	19 748	18 179	23 703	-5 524	76,7	7 357	10 207	Majdanpek
Неготин	49 679	36 879	43 418	-6 539	84,9	15 087	23 204	Negotin

Source: Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia – first results, Belgrade: Republic Institute for Statistics, 2011.

Data obtained from the 2011 Census show that the total number of listed persons within the territory of the border region of Kladovo is 27 227, and the total population is 20 635 inhabitants – 6534 people migrated to change their place of permanent

residence (the vast majority is living and working abroad).

A comparative population overview from 1948 to 2002 [7] shows that the number of people, taking into account differences in methodologies of previous censuses and the 2002 census, in the municipality of Kladovo increased in the period after the Second World War to the beginning of the nineties (Table 2).

Table 2

Comparative population overview in the municipality of Kladovo

Таблица 2

Сравнительный обзор численности населения в муниципалитете Кладово

УПОРЕДНИ ПРЕГЛЕД БРОЈА СТАНОВНИКА 1948, 1953, 1961, 1971, 1981, 1991. И 2002. ГОДИНЕ										
Део 1										
Назив и тип насеља	Број становника									
	по методологији ранијих пописа							по методологији пописа 2002.		
	1948	1953	1961	1971	1981	1991	2002	1991	2002	
Кладово	26161	27792	28217	33173	33376	31881	31233	26714	23613	
Брза Паланка г	1739	1683	1801	1668	1699	1557	1820	1183	1076	
Вајуга	870	929	931	1002	952	843	796	715	563	
Велесница	677	723	751	747	795	668	555	409	265	
Велика Врбица	1518	1622	1576	1660	1651	1540	1502	1272	996	
Велика Каменица	1549	1800	1764	1730	1689	1393	1515	900	757	
Грабовица	1916	2058	2083	2155	2242	2051	1979	1189	880	
Давидовац	627	714	646	710	683	626	628	621	610	
Кладово г	2128	2336	2683	6957	8325	9626	9708	9330	9142	
Кладушница	825	933	896	1017	985	904	813	861	727	
Корбово	1892	2076	2055	1930	1755	1481	1325	1318	1067	
Костол	834	859	891	1138	1218	1177	1167	1098	1053	
Купузиште	783	768	819	782	797	657	642	445	317	
Љубичевац	1403	1398	1394	1440	1562	1366	1330	543	458	
Мала Врбица	970	1123	1058	1226	1233	1155	1087	976	783	
Манастирица	449	479	486	529	438	356	305	313	250	
Милутиновац	253	299	304	307	302	275	291	218	186	
Нови Сип	682	746	625	1646	956	812	930	806	909	
Петрово Село	1222	1209	1144	589	376	224	132	220	129	
Под вршка	1910	1943	2056	2170	2111	1944	1754	1503	1143	
Река	609	643	694	603	529	438	412	339	278	
Речица	149	153	161	154	129	106	75	60	45	
Ртково	1771	1821	1764	1671	1718	1553	1470	1279	1012	
Текија	1385	1477	1635	1342	1231	1129	997	1116	967	

Source: Comparative population overview in 1948, 1953, 1961, 1971, 1981, 1991 and 2002. Data by settlements. Belgrade: Republic Institute for Statistics, 2004.

According to the data in Table 2, the population was the highest in the period between 1961 and 1981, i.e. during the period when hydroelectric power plant «Djerdap» was being built and when the shipyard was at full capacity. In the period between 1991 and 2011 there was a significant decrease in the percentage of the total population in the municipality of Kladovo from 26,714 people who lived in Kladovo in 1991, over 23,613 people who lived in this area in 2002, we came to a figure of 20 635 inhabitants [8] living in the municipality of Kladovo today.

Data from the 2011 Census show, both for the town of Kladovo and villages in the municipality of Kladovo, that a large number of residents is affected by external migratory movements: there is a big difference between the total number of listed people and the total population in these areas.

The population of 23 Kladovo settlement is distributed as follows: (1) in the main town of Kladovo there is a total of 9423 listed people, the total population is 8913, with 486 people abroad; (2) in the settlement of Brza palanka, a total number of listed people is 1613, in this town there are 855 inhabitants with 746 people abroad; (3) in the village of Vajuga, the total number of listed people was 639, the total population is 422, with 214 people abroad; (4) in the village of Velesnica, the total number of listed people was 450, the total population is 215, with 235 people abroad; (5) in the village of Velika Vrbica a total number of listed people is 1248, the total population is 836, with 412 people abroad; (6) in the village of Velika Kamenica a total number of listed people is 1211, the total population is 552, with 658 people abroad; (7) in the village of Grabovica, the total number of listed people is 1460, the total population is 709 inhabitants with 748 people abroad; (8) in the rural village of Davidovac, the total number of listed people is 552, the total population is 525, while there are 26 people living abroad; (9) in the

village of Kladušnica, the total number of listed people is 720, the total population is 631, with 89 people abroad; (10) in the village of Korbovo, the total number of listed people is 1065, the total population is 735, with 330 people living abroad; (11) in the village of Kostol, the total number of listed people is 1101, the total population is 957, with 144 people abroad; (12) in the village of Kupuzište, the total number of listed people is 548, in the village there are 239 inhabitants and 309 people is living abroad; (13) in the village of Ljubičevac, the total number of listed people is 1006, the village has 367 inhabitants, with 639 people abroad; (14) in the village of Mala Vrbica, the total number of listed people is 969, the total population is 670, and 299 is living abroad; (15) in the village of Manastirica, the total number of listed people is 213, the total population is 174, while 39 people is living abroad; (16) in the village of Milutinovac, the total population listed is 209, in the village there are 142 inhabitants, with 66 people abroad; (17) in the village of Novi Sip, the total number of listed people is 783, in the village there are 766 inhabitants and 17 people is living abroad; (18) in Petrovo Selo, the total number of listed people is 84, 80 inhabitants live in the village, and there are no people abroad; (19) in the village of Podvrška, the total number of listed people is 1519, the village has 1003 inhabitants and 516 people are living abroad; (20) in the rural village of Reka, the total number of listed people is 311, in the village there are 189 inhabitants, with 116 people abroad; (21) in the village of Rečica, the total number of listed people is 29, 23 inhabitants live in the village, and 6 people live abroad; (22) in the village of Rtkovo the total number of listed people is 1267, in the village there are 828 inhabitants and 436 people live abroad; (23) in the settlement of Tekija, the total number of listed people is 807, 804 inhabitants live in the village and 3 people live abroad [9].

Villages with the greatest number of total population (permanent residents who live in the village) in the municipality of Kladovo are Podvrška (1003 inhabitants) and Kostol (957 inhabitants); villages with the lowest total number of inhabitants in this area are Petrovo Selo (80) and Rečica (23 people).

In Kladovo municipality, according to census data (2011), there are villages that have a lower number of the total population than the people living abroad. These are villages: (a) Velika Kamenica – 5 = 52 inhabitants in the village, 658 people abroad; (b) Velesnica – 215 inhabitants in the village, 235 persons abroad; (c) Grabovica – 709 inhabitants in

the village, 748 people abroad; (d) Kupuzište – 239 inhabitants in the village, 309 people abroad; (D) Ljubičevac – 367 inhabitants in the village, 639 people abroad.

Demographic processes in the municipality of Kladovo

Data on the population by gender and age in the Municipality of Kladovo according to the Census (2011) show that the total population (20 635) has a greater number of women, 10 567, whereas there are 10 068 of men. If we compare the contingent of the population of up to 15 years of age with the contingent of the population of over 65 years of age in this border area, we come to the conclusion that older people are more numerous: 5032 inhabitants are 65 years old and over; 2358 inhabitants are children under 14 years of age. The average age in this border area is 46,8 years: the average age of men is 45,0 years, and the average age of women is 48,5 years [10].

Population in Kladovo region, according to the average age, shows demographic characteristics similar to other parts of Serbia: it entered the stage of *old demographic age* (average age 40 - 43 years), although it can be talked about the transition to the oldest stage of demographic age (average age 43 +). Further process of population aging, characteristic of most developed European and world western regions, characteristic for the second half of the 20th and beginning of the 21st century, characterizes the east borderlands of Serbia. Decline in the proportion of young and increase in the proportion of old population influences the growth of aging index.

Aging is in the entire territory of the Republic conditioned by the tendency of secondary birthrate declining, provided that the differences in the performance of the process at its narrower territorial units are owed to the differential fertility and mortality in specific groups [11], and in the territory of the eastern borderlands also to the strong impact of the so-called external migrations.

The negative consequences of the so-called new demographic mode (negative natural growth, decades-long low fertility, population aging) have long been present in Ključ region and more driven by long-present migration waves. The problem of the population drain of this area, however, has not alerted the local community and the whole society to a kind of «emergency». This problem is not spoken of, and the ways to overcome it are not being searched for. If it has the intent to act systematically on the change of the current demographic situation, the state should determine incentives, population policies in many areas relevant to the reproduction of the population.

Namely: measures in the system of social care of children, measures for reconciling work and parenting, measures to protect and employ unemployed people, measures of health care for the mother and child, measures in the field of social protection, pension and disability insurance and tax policies, measures in the field of family planning. It seems that it is necessary to apply a differentiated approach in details of the realization of the population policy with regard to the diversity of the demographic situation in the region, such as necessary social support and constant development of the population [12].

Conclusion

The nature of demographic processes in Serbia leads to the conclusion that the problems of demographic development are complex and dramatic, and their other characteristic is that they are long lasting. The existing model of reproduction and migratory movements of the population is affected by a variety of causes that come from the social, economic and cultural context and requires serious action by government and local government regarding the adoption and implementation of measures of the overall development policy. However, in an effort to meet the preconditions for the realization of the neoliberal projection of socio-economic development of the Republic in which profit is above all and above everyone – the problem of demographic development is completely marginalized. New political elites, just like those in the near and distant past, do not create a development policy that is appropriate to the seriousness of the demographic problem: strategic objectives in addressing the issue of population (demographic processes and migration) have not been set, thus the solutions, actions and measures for their realization are absent.

References

1. Bobić M. Demography and Sociology – connection or synthesis. Belgrade: Official Gazette, 2007. 254 p.
2. Đurđev B. Basic Techniques in Demographics. Novi Sad: Zmaj and the Association of Demographers of Yugoslavia, 2001. 205 p.
3. Aritonović I. Serbian Women in Kosovo and Metohija in a War Environment. Priština; Leposavić: Institute of Serbian Culture, 2009. 227 p.
4. Radovanović S., Gigović Lj. Demographic Processes in the Border Region of Serbia towards Bulgaria. *Demography*, 2010. Vol. VII. Pp. 105-128.
5. Кладово. URL: [http:// www.tookladovo.rs](http://www.tookladovo.rs) (date of access: 11.11.2016).
6. Ethnicity by settlement. Belgrade: National Bureau of Statistics, 2011. 122 p.
7. Population, Comparative Population Statistics 1948, 1953, 1961, 1971, 1981, 1991, 2002. Data by settlements, Vol. 9. Belgrade: National Bureau of Statistics, 2004. 219 p.
8. Nikitović V.(ed.). The population of Serbia at the beginning of the 21st century. Belgrade, 2014. 295 c. URL:http://webrzs.stat.gov.rs/WebSite/repository/documents/00/01/86/05/POPULACIJA_SRBIIJE_POCKETKOM_21_VEKA.pdf (date of access: 11.11.2016).
9. Census of Population, Households and Dwellings in the Republic of Serbia, first results. Belgrade: Republic Institute for Statistics, 2011. 610 p.
10. Population, Gender and Age, Data on Settlements, Vol. 2. Belgrade: *Republic Institute for Statistics*, 2012. 610 p.
11. Vojković G., Devedžić M., Penev G. Serbia among Demographically Oldest Countries. *Our Themes*, 2006. № 1. Pp. 40-51.
12. Gavrilović A., Rašević M. Restoration of the Serbian Population and Population Policy of the State and Local Governments. Belgrade: Official Gazette, 1999. 149 p.

Vesna S. Trifunovic, Doctor of sociological sciences, associate professor, University of Kragujevac.

Трифуневич Весна Светислава, доктор социологических наук доцент факультета педагогических наук Университета г. Крагуевац.

**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ
TRANSDISCIPLINARY RESEARCHES IN THE SPHERE OF SOCIAL-SCIENCE THEORIES**

УДК 316.37: 316.342.6

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-4-41-

Yevgeniya V. Zhelnina

RUSSIA-2050: RESULTS OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH

Togliatti State University,
14 Belorusskaya St., Togliatti, 445667, Russia
ezhelnina@yandex.ru

Abstract. The results of the complex sociological research of representations and expectations of citizens of Russia for 2050 are covered in the article. In April, 2015, under the leadership of Zhelnina E. V., an associate professor of the Department of Sociology of Tolyatti State University, the sociological research «Russia-2050» was conducted. The sociological tools allowing to investigate the declared perspective were developed. 783 respondents took part in questioning. The received image can be the basis for formation of a long-term strategy of public administration. The relevance of the subject is determined by a contradiction of external and internal factors of innovative development. Today, the accurate, concrete image of Russia, even in the near-term outlook, doesn't exist. For 2050, the respondents named economy (18 %) and family (17 %) among the most important spheres of activity of the Russian society. More than a half of respondents specified that population of the Russian Federation in 2050 will grow (due to the increase of birth rate and strengthening of migration). As a result of the analysis of opinions of the respondents of relativity of the importance of a social group for the individual, we revealed a rather obvious tendency to individualization. An overwhelming number of respondents noted enduring importance of the institute of family in 2050 (95,81 %). In 2050, the union of the man and woman with two children will be considered as a usual family; the family lives separately from relatives with sufficient material welfare; in a family, a traditional division of roles is accepted: the breadwinner and the defender is the husband, the woman is the keeper of home; but in a family both spouses work. The results of the research and the recommendations can be used both at the level of the state, and at the level of municipal administration as a basis for formation of a long-term strategy of the subsequent development, for development of specific programs and actions of innovative development. Besides, the data obtained during implementation of the project can be used for extension of the theory of the sociological analysis of a problem of strategic public and municipal administration, and also as the statistical material significantly enriching the theory of the public and municipal administration, sociology of management; for improvement of educational programs in the field of sociology of innovatics, economic sociology, the theory of social processes, sociology of the city and city development, sociology of management.

Keywords: social portrait; social image; social forecast; Russia-2050/

Желнина Е.В.

**РОССИЯ-2050: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Тольяттинский государственный университет,
ул. Белорусская, 14, г. Тольятти, 14445020, Россия
ezhelnina@yandex.ru

Аннотация. В статье описаны результаты комплексного социологического исследования представлений и ожиданий граждан о России 2050 г. В апреле 2015 года под руководством Е.В. Желниной, доцента кафедры «Социология» Тольяттинского государственного

университета было проведено социологическое исследование «Россия-2050». Был разработан социологический инструментарий, позволяющий исследовать заявленную проблематику. В опросе приняли участие 783 респондента. Полученные данные могут стать основой для формирования долгосрочной стратегии государственного управления. Актуальность темы определяется противоречием внешних и внутренних факторов инновационного развития. Сегодня точного, конкретного образа России, даже на ближайшую перспективу, не существует. В 2050 респонденты отличают экономику (18%) и семью (17%) от наиболее важных сфер жизнедеятельности российского общества. Более половины респондентов указали, что численность населения РФ в 2050 году будет расти (за счет увеличения рождаемости и усиления миграции). В результате анализа мнений респондентов относительно значимости социальной группы для индивида, мы выявили довольно очевидную тенденцию к индивидуализации. Подавляющее число респондентов отметили непреходящую важность института семьи и в 2050 году (95,81%). В 2050 году союз мужчины и женщины, в котором родилось двое детей будет рассматриваться как обычная семья; семья живет отдельно от родственников в достаточном материальном благосостоянии; признается традиционное разделение семейных ролей: мужчина – добытчик и защитник, женщина – хранительница домашнего очага; но в семье оба супруга работают. Результаты исследования и рекомендации могут быть использованы как на уровне государства, и на уровне муниципального управления в качестве основы для формирования долгосрочной стратегии развития, для разработки конкретных программ и мероприятий инновационного развития. Кроме того, данные, полученные в ходе реализации проекта могут использоваться для расширения теории социологического анализа проблемы стратегического государственного и муниципального управления, а также в качестве статистического материала, существенно обогащая теорию государственного и муниципального управления, социологии управления; для совершенствования образовательных программ в области социологии инноватики, экономической социологии, теории социальных процессов, социологии города и городского развития, социологии управления.

Ключевые слова: социальный портрет; социальный имидж; социальный прогноз; Россия-2050.

INTRODUCTION. Today, the interest in a perspective of formation of strategic development of Russia is very high. Rapid development of researches in this direction leads to a belief that the dispersed separate economic, political, social, financial examples of creation of the strategy of development don't give a complete and objective picture. There is a set of methodological approaches and methodical developments. Each of them is intended for definite scientific purposes, for example, for comparison of strategy of development of various countries. However the key element of any strategy is an image of future condition of the state which would form the application basis in practice of formation of the innovative strategy of management in Russia, that isn't rather developed today. Thus, in modern practice of the public strategic administration there is a need for carrying out a complex sociological research for formation of an image of Russia-2050 as the fundamentals of the state innovative policy has ripened.

In the theory and practice of strategic management it is claimed that the development of

strategy of the state has to begin with a definition of the mission and vision of what it aspires to. The Russian Federation is a large country with the population of 146 270 033 people, including 89 territorial subjects of the Federation, 7 Federal districts, a set of big and small settlements. Practically each of this number of the elements included in the structure of the state represents its own picture of the future of Russia. Unfortunately, today the accurate, concrete image of Russia, even in the near-term outlook, doesn't exist. Investigating experience of other states, we can see that Kazakhstan has already created its own strategy. This strategy is based on the vision of future socio-economic indexes [3]. On the basis of this strategy and in strict accordance with it, the medium-term and short-term plans for achievement of the planned results are developed. Besides, today, Russia adjusts with various states (China, Brazaliya, Venezuela) long-term partnership. It is important to construct it on the strong base which has to be a cornerstone strategy of a stable, sustainable development of the partner states. "China-Russia 2050" can serve as an

example: “The Strategy of co-development”. There is a realistic plan of cooperation of two large states till 2050, but there is no vision of the condition of the Russian state in this prospect.

The subject of formation of a social image is rather widespread perspective of applied sociological researches today. It is important to notice that the concepts «sociological portrait» and «social portrait» has been actively used in domestic sociology from the second half of the 20th century. The development of sociological portraits of representatives of various social communities and groups was considered popular and perspective. It is possible to give «a social portrait of the Soviet worker» as an example. Today, researchers quite often are engaged in drawing up sociological portraits. In modern scientific publications, it is possible to find and analyze them rather easily:

- a «sociological portrait of the average American» (F. Golov, L. Gudkov, B. Dubin);
- a «sociological portrait of students» (T. Suyarkov);
- a «sociological portrait of the youth of Russia» (M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi);
- a «social and economic portrait of the Republic of Khakassia» (L.I. Serbay).

All similar portraits represent some sociological description. This data is obtained in the course of various sociological researches. They exclude creation of detection of any regularities. The category «sociological portrait» is widely used in the sociological discourse. However it is quite indistinct, differently defined within each separate research. Therefore, first of all, it is necessary to give an accurate definition of the concept «sociological portrait» and to develop a methodology of drawing up sociological portraits of various social objects in general and regions in particular. A great job over this problem was done by the staff of the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences within the «Sociocultural Evolution of Russia and its Regions» Program. This collective has developed the most complete definition and interpretation of the concept «sociological portrait». So, the sociological portrait is «the complete description of social essence of an object (social group, a community, the organization and so forth) including the system characteristic of all components making it, and also social processes and the relations, with it connected» [2].

The process of creation of a sociological portrait of any social object (whether it be a certain social group, the territory, the city, the region or the state)

needs to be accompanied with observance of several basic principles. It is necessary to include preservation of balance between integrity of the created portrait, its uniqueness and the requirement of its universality which is dictated by its practical importance for the public.

One should note that today the researches devoted to a problem of formation of a social portrait are carried out mainly in economic and demographic aspects. The emphasis is placed on demographic and statistical data, financial performance, the increase of the level of competitiveness. There is a lack of the sociological analysis of this problem from a position of complex research. A similar research would allow to unite economic, political, social, demographic, cultural and spiritual aspects. The state is not only a political institute, but also, as A.A. Meshkov fairly notes, «a complex sociocultural process and a social and psychological phenomenon».

MAIN PART. Having analyzed the works in the studied area, once again we will emphasize the lack of sociological researches of a problem of strategy-making in the Russian state from a position of vision of prospects by its citizens. The complex sociological analysis of an image of Russia-2050 will allow to reveal the expectations, fears, confidence and intention of citizens concerning distant prospect of development of Russia.

The main objective of the article is formation of the present-day image of Russia-2050 on the basis of the data of a complex sociological research. The measurement of the factors connected with the assessment of social and economic conditions for formation of priorities of future development and effective achievement of goals is of great importance for innovative strategic management. A huge number of various factors, their identification, the objective and reliable assessment, in our opinion, is necessary to exert an impact on the state.

The relevance of the problem consists in the need of the development of the sphere of the applied sociological knowledge intended for improvement of the practice of social innovative public administration on the basis of a complex study of social reality.

Materials and methods. In April, 2015, under the leadership of E.V. Zhelnina, an associate professor of the Department of Sociology of Tolyatti State University the sociological research «Russia-2050» was conducted. 783 respondents have taken part in the questioning. The calculated reliability indicators (99%) and selection errors ($\pm 5\%$) allow to consider the selection representative, and the received results valid. The research was carried out according to the following methodological principles:

1) the system principle; it has allowed to consider the object of research as a complete object having the internal and external relations, components;

2) the principle of objectivity; it assumes the support of the facts and consideration of the social phenomenon which is interesting for us from a position of objective regularities;

3) the principle of determinism; it is realized in studying the declared problem taking into account its causal conditionality by the previous social processes proceeding in the country; among them it is possible to note the Soviet heritage (both its positive side, and negative aspects), the crisis of economy at the end of the 20th century, the economic recessions of the 2000s, etc.;

4) the principle of development; it has allowed to consider a problem in the course of its change, the emergence and permission of internal contradictions;

5) the principle of objectivity; it is based on studying exclusively social facts (but not their interpretations by other scientists and researchers) and the accounting of all sets of facts defining the studied perspective;

6) the principle of information security of the research; the scientific work relies on a reliable statistical base (Federal State Statistics Service, Samarastat), for synthesis of the obtained primary sociological information the professional program of statistical information processing SPSS-2.0 was used;

Results and Discussions. So, before representation of results, it is necessary to determine the structure of respondents. The ratio of men and women: 46% and 54%. It corresponds to the statistical data on Tolyatti. As for the financial position, I will pay attention to a great volume of a middle-class (about 84%). It is a buffer between rich and poor representatives of the Russian community. For 2050, from the most important spheres of activity of the Russian society, the respondents have distinguished the following:

1. Economics (18%).
2. Family (17%).
3. Human and citizen right (12%).
4. Education (12%).
5. Foreign policy (11%).
6. Domestic policy (10%).
7. Ecology (9%).
8. Social values (9%).
9. Religion (8%).

Naturally, it is impossible to allocate any sphere categorically. In this case, we will gain defective development, it is essential warped. All spheres are

important for the state. Here the rating of their importance is shown.

The question of the future population of Russia in 2050 has been asked one of the first. More than a half of respondents have specified that it would grow (with various share of intensity) – (raise) 47% and 13% (grow considerably). The respondents have selected the reasons which will promote the growth of population of the country in 2050: equally the increase of birth rate and strengthening of migration (36% and 38% respectively). But, running a little forward, I will tell that the answers of the respondents to the subsequent questions don't allow to count on the birth rate increase fully. Therefore, proceeding from the cumulative result, it is possible to count only on migration in case the state doesn't concentrate the efforts on population policy.

From the analysis of the respondents' answers to the question «What Place for the Russian in 2050 will be taken by group or collective?» we have revealed a rather obvious tendency to individualization.

It is important to tell that the overwhelming number of respondents have noted the importance of the institute of family for 2050 (95,81%). An exclusive importance of the family is shown in spite of the fact that the tendency to individualization, separation of the individual from collective was shown. A bigger number of respondents (88%) have supported full families – a father, a mother, 1-2 children. Both childless couples and families with one parent were mentioned as incomplete families. Besides, there the answers in which it was said about what is considered to be a real family now and in 2050. So, summing up the result, one may say, that in 2050, the union of the man and woman with two children will be considered as a usual family. The family will live separately from relatives in sufficient material welfare. In a family, a traditional division of roles is accepted: the bread-winner and the defender is the husband, the woman is the keeper of home. But in the family both spouses work.

To the question about the number of children in the family we have received the following results. The arithmetic average makes 2,08. For improvement of demographic indicators, it is necessary to realize these coefficient in 2,19. In other words, it is 3 children per family. The average value was 2 children. Thus, it is possible, at least, in case of stability of population of Russia in 2050.

It was interesting to learn what the situation with higher education in Russia in 2050 will be. The average indicator of representation of workers with higher education will make 58%. This is slightly more than a half of workers. In principle, it is quite a

good indicator. There is no tendency to latent need of obtaining a diploma for getting work.

The respondents called more than 100 professions which, in their opinion, will be prestigious in 2050. We have united them in groups (depending on extent of the decrease of popularity): 1. Engineer. 2. Doctor. 3. Programmer. 4. Teacher. 5. Lawyer. 6. Economist. 7. Manager. 8. Ecologist. 9. Scientist. 10. Builder.

The following will be important for the Russian in 2050 (depending on extent of the decrease of popularity): 1. Family. 2. Prosperity. 3. Work. 4. Personal growth. 5. Money. 6. Health. 7. Education. 8. World peace. 9. Stability. 10. Rights and freedoms of the citizen.

Among fears which will disturb the citizens of Russia in 2050, according to the obtained data, I would name the following (depending on extent of the decrease of popularity): 1. Ecology. 2. Income. 3. Unemployment. 4. Foreign policy. 5. Health. 6. Economy. 7. External aggression. 8. Domestic policy. 9. Inflation. 10. Housing economy.

Among the spheres which will make the Russians happy in 2050 are the following (depending on extent of the decrease of popularity): 1. Good income. 2. Progress. 3. Family. 4. Children. 5. Social policy. 6. Industry of leisure. 7. Patriotism. 8. Personal success. 9. Internal political stability.

The scientific importance of the project consists in the development of an interdisciplinary approach to such spheres of sociological knowledge as the sociology of management, sociology of public sector and the theory of the public and municipal administration. The research expands the prospect of studying the process of the state strategy from a position of phenomenological and behaviour approaches. The research deepens the study of the process of elaboration of a long-term strategy of public administration. The results give an idea of the opinion of citizens of the state of the future of their country (a distant prospect – 2050), will allow to correct the federal, regional and municipal policy for the purpose of optimization of programs of development of innovative processes in society and the state.

CONCLUSIONS. The received results of research can be used:

1) at the level of the state, municipal and regional authority when developing federal, regional and city programs of strategic development;

2) for expansion of the prospect of the sociological analysis of the problem of a strategy in the region and the modern Russian society in general;

3) as the statistical material significantly enriching the sociology of innovation and the theory and practice of the public and municipal administration;

4) for improvement of educational programs, training courses and methodical grants in the field of the theory and practice of the public and municipal administration, sociology of innovation, economic sociology, the theory of social processes, sociology of the city and city development, sociology of management;

5) the materials of researches can find application in the cultural and educational work with the youth; in preparation of student's scientific works.

The term *innovation*, firmly ensconced in the academic community, is often viewed from the perspective of economic, technological or managerial approaches. So, it is treated as something new, designed to increase the profitability of the enterprise, to reduce the cost or improve the manufacturing process, to ensure competent management of innovation. However, in our opinion, they are excluded from the analysis of a very important aspect in the studying, implementation, management and evaluation of innovation, namely, man as a consumer and user of innovation.

It is good that today there are works that address the problem of man in the context of innovation: the attitude to innovation, evaluation of innovations, innovative human capital, commitment to innovation [2; 4; 5; 8; 9]. However, it should be noted that not enough attention is paid to the phenomenon of habitulization of innovation (HI). The relevance of the work is explained by following. First, the success of innovation both in manufacturing and in the whole society will be real not only due to the reasonableness, timeliness innovation itself, but also to the willingness and openness of the employee, or the general population. In the event of unavailability or unwillingness of subjects' innovation, it can be taken by root with a great difficulty or be boycotted. Secondly, the lack of theoretical and methodological framework, a clear conceptual apparatus complicates a deep and comprehensive analysis of the problem. It does not provide a correct prediction and formulation of recommendations to create an environment for innovation. These factors dictate the need for conceptualizing the concept of HI.

ACKNOWLEDGEMENTS. The study was performed within the scientific work on the thematic plan of the Project No. 383: «The workers of the industrial and scientific and technical sphere in the

conditions of the monotown (on the example of the sociological analysis of Togliatti)».

References

1. Belyaeva L.A. et al. A socio-cultural portrait of the region: typical program and methods. *Socio-cultural portrait of the region: typical program and methodic, methodical problems*. Moscow, IF RAN, 2006.

2. Bunkovskiy D.V. Innovations in payroll management of a company (as exemplified by an enterprise of pipeline transport). *Voprosy upravleniya*, 2015. №3(15). Pp. 149-157.

3. Denisov G.A., Kamenetskiy M.I., Ostapenko V.V. Innovation: domestic and foreign experience (analysis, financing, stimulation). Moscow: MAKS Press, 2001.

4. Ilyinykh S.A., Mikhailova E.V. Innovative susceptibility and resistance to innovations: a sociological view. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015. №4. Pp. 12-14.

5. Karpova Ju. A. Introduction to sociology of innovation: a study guide. St. Petersburg: Piter, 2004. 192 p.

6. Kazakhstan-2050. Our strength. URL: <http://strategy2050.kz/ru> (date of access: February 20, 2016).

7. Konovalova N.I. Innovative forms of providing social services to the population: *Diss. kandidata jekonomicheskikh nauk*. Moscow, 2009.

8. Lapin N.I. People in innovation. *Teoriya i praktika innovatiki: a study guide*. Moscow: Universitetskaja kniga, Logos, 2008.

9. Nasibullin R.T. There are not only emotions about innovations. *Sociologicheskie issledovanija*, 2014. №9. Pp. 58-63.

10. Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju. Explanatory dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions. *Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova*. Moscow: OOO «INFOTEH», 2010.

11. Shumpeter I.A. The theory of economic development. Moscow: Jeksmo, 2007.

Eugene V. Zhelnina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Sociology, Togliatti State University.

Желнина Евгения Валерьевна, доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Тальяттинского государственного университета.

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ
SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.752

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-4-47-51

Гришаева Е.И.

РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИК В ФОРМИРОВАНИИ
ИДЕНТИЧНОСТИ ПРАВОСЛАВНЫХ ВЕРУЮЩИХ*

Уральский Федеральный университет,
пр. Ленина, 51, г. Екатеринбург, 620001, Россия
Ekaterina.grishaeva@urfu.ru

Аннотация. В данной статье описывается, каким образом различные коммуникативные практики влияют на формирование религиозной идентичности в церковном дискурсе. Под церковным дискурсом мы понимаем дискурс, который воссоздается и функционирует под контролем Русской Православной Церкви как религиозного института. Результаты работы основаны на серии интервью, проведенных со священнослужителями в Тамбовской и Свердловской областях. Методологической основой исследования стал дискурс анализ в версии М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муфф. Через коммуникацию формируется и выражается представление человека о самом себе, которое появляется в результате занятия субъектной позиции в дискурсе. Коммуникативные практики в церковном дискурсе можно разделить на вертикальные и горизонтальные. Вертикальные коммуникации структурированы асимметрией ролей, между священством и прихожанами. Система горизонтальных коммуникаций складывается в приходе. И вертикальные, и горизонтальные коммуникативные практики значимы для интерпретации религиозных значений, изменения дискурсивных норм и правил.

Ключевые слова: дискурс-анализ; религиозная идентичность; православие; коммуникативные практики.

Ekaterina Iv. Grishaeva

ROLE OF COMMUNICATION PRACTICES IN THE FORMATION
OF IDENTITY OF ORTHODOX BELIEVERS

Ural Federal University,
51 Lenin Ave., Yekaterinburg, 620001, Russia
Ekaterina.grishaeva@urfu.ru

Abstract. The paper describes how various communication practices affect the identity building process in the church discourse. We understand the church discourse as a discourse which the Russian Orthodox Church as a religious institution recreates and controls. The results are based on a series of interviews with priests, conducted in Tambov and Sverdlovsk regions. The discourse analysis (M. Foucault, E. Laclau and Ch. Mouffe) is the main methodological framework of the research. The discourse subject is formed through communication practices and at the same time expresses identity through them. As the results proved, communication practices in the church discourse can be vertical and horizontal. Vertical communication is constituted through the asymmetry of roles between the priesthood and the congregation. Horizontal communication practices is a series of interactions of parish members. Vertical and horizontal communication practices are important for the interpretation of religious values, introducing changes in performing discursive roles and following regulations.

Key words: discourse analysis; religious identity; Orthodoxy; communication practices.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта 16-03-00387 «Традиционные религии и религиозная идентичность в постсекулярном обществе: на основе исследования православных приходов».

Введение

В данном исследовании мы исходили из понимания религиозной идентичности как дискурсивной. Религиозная идентичность артикулируется внутри церковного дискурса на основе содержания религиозной доктрины и при помощи системы дискурсивных взаимодействий. Под церковным дискурсом мы понимаем дискурс, который воссоздается и функционирует под контролем Русской Православной Церкви как религиозного института. В данной статье мы анализируем, каким образом система коммуникативных практик церковного дискурса формирует идентичность православных верующих. Для этого, во-первых, будут рассмотрены теоретические основания формирования идентичности в дискурсе; во-вторых, проанализировано, какое значение отдельные коммуникативные практик церковного дискурса имеют для формирования идентичности верующих. Результаты работы основаны на серии интервью, проведенных со священнослужителями в Тамбовской и Свердловской областях. Методологической основой исследования стал дискурс анализ в версии М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муфф.

Методология исследования

Религиозная идентичность как дискурсивный феномен

С точки зрения дискурсивных подходов, индивид, становясь субъектом дискурса, принимает заданную дискурсом систему ценностей и поведенческих моделей, которые изменяют его субъективность. Этот процесс обозначается как занятие субъектной позиции (subject position) в дискурсе [5]. Другими словами, идентичность представляет собой социальную роль, которую индивид выполняет, становясь участником дискурсивных взаимодействий. Субъект принимает и выполняет ее как нечто естественное, обязательно, не замечая ее дискурсивной природы.

Понимание механизмов формирования идентичности в дискурсе связано с тем, как определяется дискурс. Большое значение имеет решение вопроса о существовании додискурсивных структур и практик, и о значении материального компонента в дискурсе. Мы руководствуемся пониманием дискурса, разработанного в работах М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муфф. В отличие от других подходов [4], они не ограничивают дискурс только лингвистическим аспектом, но включают в область дискурсивного материальные аспекты

коммуникаций. Например, это физическая работа по строительству моста, в ходе которой происходит коммуникация между строителями при помощи материальных объектов.

М. Фуко понимает дискурс как социальную практику, которая упорядочивает и регулирует социальные взаимодействия «через отношения власти, коммуникации и посредством объективных условий» [5, с. 793]. Дискурс представляет собой совокупность знаков и актов формулировки предложений. Выработанные в дискурсе значения лежат в основе социальных практик, определяющих наше поведение; таким образом, «все практики имеют дискурсивный аспект» [6, с. 17].

Развивая идеи Ж. Деррида и М. Фуко, Э. Лакло и Ш. Муфф не предполагают существование материальных объектов и практик вне дискурса; дискурс формирует социальную реальность, физические объекты приобретают значение посредством дискурса. Например, землетрясение может бы по-разному проинтерпретировано в естественно-научном или общественном дискурсах. Они утверждают материальный характер дискурсивных структур; в дискурсе объединены лингвистические и нелингвистические элементы [7, с. 110]. Это понимание дискурсивного восходит так же к концепции языковых игр Л. Витгенштейна, где описывается перформативный характер речевых актов. Мы исходим из понимания церковного дискурса как совокупности идей, образов и практик, которые обосновывают содержание и формы практик.

Формирование идентичности в дискурсе связано с (1) с цепочками значений; (2) формами дискурсивного принуждения, представляющие собой проявления власти; (3) системой коммуникативных практик, осуществляющих трансляцию значений и дискурсивного доминирования.

Фуко понимает дискурсы как систему производства знаний, которые выражены в совокупности предложений. С точки зрения Э. Лакло и Ш. Муфф, значения дискурса сгруппированы в цепочки значений, а узловые точки (nodal points) частично фиксируют значения. Идентичность образуется при помощи цепочек значений, которые определяют, чем субъект является, чем не является [7, с. 113]. В церковном дискурсе значения связаны с «первичными текстами» религиозной доктрины. Прежде всего, важны те элементы доктрины, которые позволяют определить специфику

религиозного сообщества: доктрина об избранности; истории, описывающие возникновение религиозной общины, различные указания на превосходство ценностей, связанных с данной традицией, над другими [7, с. 560]. Важную роль в процессе идентификации играют группы значений, которые подчеркивают неизменность религиозной традиции, позволяют найти решение житейских вопросов [3].

М. Фуко выделяет три типа власти, присутствующие внутри дискурса: контроль производства дискурса, внутренние принципы классификации и упорядочивания, ограничение полномочий и избирательность в отношении субъектов дискурса [5, с. 793]. В концепции Э. Лакло и Ш. Муфф, власть проявляется в установлении гегемонии. Различные группы внутри дискурса и отдельные дискурсы соперничают за возможность определять значения в дискурсе и языке. Гегемония означает фиксацию значений в конкурирующих дискурсах; она удаляет альтернативное значение из дискурсивного поля, фиксирует свои цепочки значений. Таким образом, власть в дискурсе связана с контролем системы производства значений, который проявляется в установлении гегемонии. При этом, власть не всегда связана с подавлением, но имеет важную функцию формирования и поддержания социального порядка.

В церковном дискурсе власть проявляется в гегемонии значений религиозной доктрины, установленной системе речевых ритуалов, а также в процедурах отбора участников дискурсивных взаимодействий. Большое значение имеет асимметрия ролей, характерная для институциональных дискурсов. Она выражается в делении на эксперта, обладающего инсайдерским знанием о том, как функционирует институт, и клиента, который обладает меньшим знанием. Асимметрия ролей задает структуру коммуникации: например, структура вопрос-ответ-оценка характерна для школьного дискурса, а структура вопрос-ответ для интервью [2].

Идентичности выражается в грамматике языка. Идентичности формируются и эксплицируются через коммуникативные практики. Э. Лакло и Ш. Муфф подчеркивают, что артикуляция осуществляется через язык, но включает в себя материальные компоненты, связанные с деятельностью институтов, ритуалов и практик [7]. М. Фуко подчеркивает, что речевые ритуалы «фиксируют предполагаемую или вменяемую действенность слов» [1, 71].

Коммуникативные акты, помимо лингвистического аспекта, содержат в себе невербальные элементы коммуникации: жесты, взаимодействия с вещами, которые усиливают значение лингвистического содержания. Далее мы рассмотрим следующие коммуникативные практики церковного дискурса: исповедь, проповедь, формы взаимодействия священника и прихожан.

Формы коммуникации между священством и прихожанами

Исповедь и проповедь как коммуникативные практики направлены на трансляцию значений, которые конституируют православное сообщество, отличает его других типов сообществ. Эти значения могут быть двух типов: (1) вневременными, связанные с ядром религиозной доктрины и обеспечивающие преемственность религиозной традиции; (2) отвечающие за адаптацию православного сообщества к реальности внешнего мира. В качестве примеров, относящихся ко второй группе, священники называют следующие ценности: высокий уровень культуры, созидательное, творческое отношение к жизни, следование заповедям, оптимизм, работа над собой, жизнь по совести, патриотизм.

Проповедь произносится в конце праздничных и воскресных богослужений. Как коммуникативная практика чаще всего она следует определенной структуре: евангельский сюжет, толкование, духовно-нравственное значение сюжета. Проповедь не предполагает диалога; участие прихожан как субъектов коммуникации пассивно, но предполагает интерпретацию содержания. Эффект воздействия проповеди усиливается участием в богослужении. По сути, проповедь предлагает «образцы для поведения» (интервью со священником, г. Екатеринбург, 29.10.2016), модели адаптации христианского идеала к реалиям современной жизни. Священники выделяют следующие темы, затрагиваемые в проповедях: богословские, церковные, психологические, празднично-финансовые (интервью со священником, г. Екатеринбург, 22.10.2016).

Исповедь представляет собой форму дискурсивного контроля. В терминологии М. Фуко, исповедь это одна из технологий себя, которая формирует представление субъекта. Исповедь связана с интернализацией ценностей и норм церковного дискурса (содержание религиозной доктрины и воплощение ее в жизнь); она формирует представление субъекта о самом

себе через рефлекссию. Коммуникативная структура исповеди может быть различной: от простого перечисления прегрешений по списку до личной беседы со священником. В первом случае исповедь рассматривается как акт покаяния, к которому необходимо готовиться заранее («покаянный труд человек совершает дома», интервью со священником, г. Екатеринбург, 22.10.2016), а священник как посредник между человеком и Богом. Исповедь описывается, прежде всего, как Таинство; она основана на покаянии перед Богом, а не на беседе со священником. Важно то, что в этом случае исповедь отделяется от психологического субстрата: идеальная исповедь не эмоциональна.

Противоположный подход к исповеди – понимание исповеди как «похожей на личную беседу» (интервью со священником, г. Тамбов, 29.07.2016). Представление об исповеди как «великой тайне», где «однозначно есть элемент мистического» (интервью со священником, г. Екатеринбург, 29.10.2016) дополняется «советами, духовным руководством». Личность священника имеет большое значение, советы духовника могут походить на советы психолога (интервью со священником, г. Екатеринбург, 29.10.2016). В ходе интервью священник привел примеры, как на исповедь приходили мусульмане только для того, чтобы получить совет (интервью со священником, г. Екатеринбург, 29.10.2016). В первом и втором случае наиболее значимым моментом исповеди является перемена в человеке (экзистенциальная перемена), которая достигается различными способами. С точки зрения дискурсивного подхода, изменение в человеке связано с интернализацией дискурса; формирование у субъекта дискурса концепции себя, формирующейся под влиянием дискурсивных значений и правил взаимодействия.

Асимметрия дискурсивных ролей, отражающаяся в структуре коммуникации проповеди и исповеди, формирует границу между священником и прихожанами. Вместе с тем, она делает данные коммуникативные практики более эффективными для дискурсивного контроля. Граница конструируется разными способами: особые формы служения, специальная одежда, обращение к священнику на «вы», плохое знание священником жизни вне церкви, др. Священники могут подчёркивать эту границу, или, наоборот, стремиться к ее преодолению. В этом случае священник считает себя членом приходской общины, по сути, не отличающимся от других

прихожан. Граница подчеркивает авторитет священника, его особое значение для жизни прихода; способствует выстраиванию горизонтальных коммуникативных практик между священником и прихожанами.

Взаимодействие священника с прихожанами не ограничивается лингвистическим аспектом коммуникации. Они соучаствуют в уборке храма и прихрамовой территории, оказывают материальную помощь нуждающимся (прихожане, и те, кто обратился в храм за помощью). Материальная помощь не рассматривается как практика, направленная на формирование религиозной идентичности. Как правило, она носит безвозмездный характер; неприхожанин, получивший помощь от храма, в очень редких случаях интегрируется в приход.

Для формирования религиозной идентичности большое значение имеет система горизонтальных коммуникаций, существующих внутри прихода. Для процесса воцерковления важна передача опыта от человека к человеку; в роли «опытного христианина» может выступать как священник, так и обладающий авторитетом прихожанин. Преимущество последнего в том, что коммуникация с ним не структурирована границей, имеет более свободный, доверительный характер.

Заключение

С точки зрения дискурсивных подходов, идентичность формируется через принятие субъектной позиции в дискурсе. При помощи различных форм установления контроля дискурс формирует ценности и взаимодействия субъектов. Идентичность представляет собой роль, которую индивид выполняет, становясь участником дискурсивных взаимодействий; субъект принимает и выполняет ее как нечто естественное, обязательно, не замечая ее дискурсивной природы. Для формирования идентичности в церковном дискурсе наиболее важны содержание доктрины и участие в ритуалах. Через обращение к устойчивой системе значений доктрина формирует представление религиозного сообщества о самом себе, его границы, отличие от других «внешних» сообществ. Ритуалы способствуют закреплению и актуализации значений религиозной доктрины в повседневной жизни верующих.

Коммуникативные практики значимы для формирования религиозной идентичности в церковном дискурсе. Через коммуникацию формируется и выражается представление человека о самом себе, которое появляется в

результате занятия субъектной позиции в дискурсе. Коммуникативные практики в церковном дискурсе можно условно разделить на вертикальные и горизонтальные. Вертикальные коммуникации структурированы границей, или асимметрией ролей, между священством и прихожанами. Прежде всего, они выступают как способы дискурсивного контроля. Система горизонтальных коммуникаций складывается в приходе, она предполагает большую свободу в исполнении дискурсивных ролей. И вертикальные, и горизонтальные коммуникативные практики значимы для интерпретации религиозных значений, изменения дискурсивных норм и правил.

Продолжение следует

Список литературы

1. Фуко М. Порядок дискурса // *Воля к Истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М.: Касталь, 1996. С. 49-94.
2. Benwell B., Stokoe E. *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 314 p.
3. Breakwell G. *Coping with Threatened Identities*. London: Methuen, 1986.
4. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. London: Longman, 1995. 235 p.
5. Foucault M. The Subject and Power // *Critical Inquiry*. 1982. Vol. 8. №4. P. 777-795.
6. Hall S. Who needs «identity»? // *Identity: A Reader*. London: Sage, 2000. Pp. 15-30.

7. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 2001. 240 p.

8. Seul J.R. «Ours is the Way of God»: Religion, Identity, And Intergroup Conflict // *Journal of Peace Research*. 1999. Vol. 36. №5. Pp. 553-569.

References

1. Foucault M. The order of discourse: the Will to Truth: beyond knowledge, power and sexuality. *Works of different years*. Moscow: Castal, 1996. Pp. 49-94.
2. Benwell B., Stokoe E. *Discourse and identity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 314 p.
3. Breakwell, G. *Coping with Threatened Identities*. London: Methuen, 1986.
4. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. London: Longman, 1995. 235 p.
5. Foucault M. The Subject and Power. *Critical Inquiry*, 1982. Vol. 8. № 4. Pp. 777-795.
6. Hall S. Who needs «identity»? *Identity: A Reader*. London: Sage, 2000. Pp. 15-30.
7. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy*. London: Verso, 2001. 240 p.
8. Seul J.R. «Ours is the Way of God»: Religion, Identity, And Intergroup Conflict. *Journal of Peace Research*, 1999. Vol. 36. №5. Pp. 553-569.

Гришаева Екатерина Ивановна, кандидат философских наук, Уральский Федеральный университет.

Ekaterina Iv. Grishaeva, PhD in Philosophy, Ural Federal University.

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-4-52-61

Мартинovich В.А.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ИДЕНТИФИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Минская духовная академия,
ул. Зыбицкого, 27, Минск, 220050, Беларусь
nrmsect@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу основных методологических проблем, возникающих в процессе идентификации письменных первоисточников новых религиозных движений. Показано место и роль процедуры идентификации документов в общем комплексе их научного анализа. Выявлен существующий в современной академической науке акцент на изучении одних типов документов в ущерб другим. Проанализированы последствия сложившегося перекоса в работе с первоисточниками. На конкретных примерах показана специфика новых религиозных движений, затрудняющая выделение с целью идентификации документа каких-то доступных для объективной и независимой проверки и перепроверки единиц анализа, кодов, маркеров или переменных, опираясь на которые любой исследователь мог бы проверить корректность проведенной операции. Представлен оригинальный авторский метод идентификации документов новых религиозных движений, позволяющий преодолеть возникающие в ходе данного процесса проблемы. Приведены разные варианты разрешения сложностей, возникающих в процессе идентификации документов.

Ключевые слова: новые религиозные движения; секты; культы; методология изучения новых религиозных движений; реестр новых религиозных движений; идентификация документов.

Vladimir A.I. Martinovich

METHODOLOGICAL PROBLEMS IN IDENTIFYING THE DOCUMENTS OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS

Minsk Spiritual Academy,
27 Zybitysky St., Minsk, 220050, Belarus
nrmsect@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the main methodological problems encountered by scientists in the process of identification of the documents of new religious movements. It shows the unique place and role of documents identification in the whole range of the procedures of their scientific analysis. The main shifts of the modern academic studies of new religious movements in focus on certain types of documents are identified. Different effects of the existing imbalance in the work with primary sources are described. The focal point of the article is the presentation and description of the original author's method of identification of the documents of new religious movements, which allows to overcome the arising methodological problems.

Keywords: sects; cults; methodological issues in the study of new religious movements; catalogue of new religious movements.

Настоящая статья посвящена анализу методологических проблем идентификации документов новых религиозных движений (далее – НРД). Несмотря на существование большого количества исследований как по методам анализа документов [1; 2; 3; 7; 8; 9; и др.], так и по методологии изучения НРД [5; 6; 10; и др.], автору не известно ни одной работы

отечественных и западных ученых, посвященной данному вопросу. В связи с этим все основные наблюдения и выводы по теме будут делаться на основании ретроспективного анализа автором собственного опыта идентификации и систематизации порядка 300.000 документов по нетрадиционной религиозности вообще и НРД в частности. Этот массив документов составляет

основу собранного автором архива, хронологические рамки которого охватывают период с середины XIX до XXI века включительно. Языковая палитра материалов распределяется следующим образом: 35% – русский язык; 30% – английский; 30% – немецкий; 5% – иные языки (французский, польский, греческий, датский, японский, корейский, белорусский, украинский и др.). Работа по созданию архива ведется с апреля 1997 года.

К документам здесь и далее будет относиться вся совокупность материальных объектов, содержащих информацию в зафиксированном виде. В силу ограничений по объему в статье будут разбираться только письменные источники. Вещественные, изобразительные, фонические и др., несмотря на всю их значимость для анализа НРД, рассматриваться не будут. При этом нужно понимать некоторую ограниченность данного подхода, так как по некоторым НРД основной массив документов представлен не письменными, а, например, фонетическими (Народный Храм), либо вещественными и изобразительными (Даманхур) источниками. Вне всякого сомнения, данная статья не может претендовать на полноту охвата темы, но лишь на общее введение в нее.

Иерархии письменных источников по нетрадиционной религиозности

В современной науке существует некоторый перекосяк в анализе письменных источников, относящихся ко всем формам нетрадиционной религиозности. В исследованиях ученых доминируют ссылки на литературу и периодические издания самих НРД. При этом их вниманием обделены все остальные разновидности документов: протоколы заседаний, уставы, сертификаты и свидетельства, циркулярные и инструктивные письма, официальная и неофициальная переписка, воспоминания, дневники и конспекты, рекламные объявления, плакаты, листовки, буклеты, материалы судебных процессов, внутренние анкеты, формы учета и отчетности, чинопоследования ритуалов, послания, а также многие иные материалы. Такое осторожное отношение к работе с этого рода документами имеет объективные основания:

Во-первых, их достаточно сложно найти. Они редко попадают в государственные архивы, бережно охраняются от взоров ученых одними НРД, периодически уничтожаются другими. В результате даже самые крупные архивы

документов НРД страдают серьезными пробелами в сфере собственной комплектации.

Во-вторых, получение доступа даже к достаточно большому количеству документов, еще не означает, что они будут репрезентативны для изучаемой темы. Кроме того, часто исследователи имеют в наличии только те документы, которые целенаправленно раскрывает сама группа для улучшения своего имиджа. В ряде НРД сформированы даже презентационные наборы документов, представляющие организацию в самом лучшем свете, но оставляющие много вопросов в плане своей репрезентативности. С другой стороны, документы, раскрываемые бывшими членами НРД, также могут не в полном объеме отражать события и факты жизни внутри группы.

В-третьих, работа с документами требует серьезных затрат времени и сил исследователя. Анкетирование, включенное наблюдение и многие иные методы гораздо проще и быстрее дают какие-то результаты. Недостаток времени приводит многих исследователей также к выбору изначально простых тем, связанных с обработкой книг и СМИ НРД.

В-четвертых, языковой барьер осложняет ознакомление с документами иностранных НРД, особенно в тех случаях, когда их основной язык не имеет широкого распространения в мире или просто неизвестен ученому.

Все эти факторы объясняют сложившийся перекосяк в работе с письменными источниками по НРД, но не упраздняют важность обращения к ним. Эта ситуация привела многих исследователей к непониманию специфики иерархий значимости письменных источников структурированных и неструктурированных форм нетрадиционной религиозности в целом.

В структурированных формах сектантства, представленных главным образом НРД [4, с. 85-141], первое по значимости место занимают собственно документы, затем идут периодические издания НРД и лишь затем их литература. Основная масса НРД просто не развивается до уровня написания и издания книг. Чуть большему количеству удается наладить выпуск собственных СМИ. При этом большинство НРД, все же издающих какую-то литературу, сохраняет критическую массу принципиально важных материалов на уровне иных документов.

В неструктурированных формах нетрадиционной религиозности, представленных главным образом культовой средой общества [4, с. 85-141], первое по значимости место

занимают книги, затем идут СМИ и лишь в самом конце, с очень большим отставанием, прочие документы. НРД сложнее издавать книги, так как они должны быть во всем выверены со специфическим вероучением организации. Издание литературы и СМИ в рамках культовой среды общества протекает быстрее и проще. Во-первых, у авторов здесь нет никаких ограничений и обязательств по содержанию; во-вторых, взаимный плагиат является нормой; в-третьих, издаваемые материалы исполняют помимо всего прочего развлекательную функцию и также не налагают никаких особых обязательств на их авторов, издателей и читателей. Все означенные выше факторы ведут к тому, что:

- современные ученые очень часто делают акцент на анализе второстепенных по значимости для понимания описываемых ими НРД источников;

- мелким и средним НРД, а также слабоструктурированным, неструктурированным и пограничным формам нетрадиционной религиозности посвящено меньше работ, чем высокоорганизованным и крупным НРД;

- в работах многих исследователей теряется так называемая «поправка на целостность» нетрадиционной религиозности, понимание гармоничной включенности любого объекта исследования из этой области в общий контекст сектанства в целом. Эта поправка может выработаться в результате теоретического анализа темы, но ее фундаментальное основание становится очевидно и осязаемо в первую очередь при постоянной работе с большими объемами самых разных документов.

Таким образом, слабое обращение к документам и первоисточникам является одним из факторов, тормозящих развитие научного анализа феномена нетрадиционной религиозности.

Следует также отметить, что в каждом НРД существует своя иерархия значимости письменных источников. В ней акценты могут расставляться несколько иначе, чем для нетрадиционной религиозности в целом. В каких-то НРД документы вполне могут уступать место тем же книгам или СМИ. Однако на уровне идентификации документов вопрос иерархии не ставится в принципе. Ведь перед тем, как указать место документа в жизни НРД, нужно узнать, к какой конкретно группе он относится. Таким образом, на этом этапе обработки первоисточника оказываются второстепенными два ключевых

вопроса источниковедческого анализа документов: в чем конкретно состоят «информационные возможности источника для получения фактических сведений», а также в чем конкретно состоит значение источника с точки зрения его информационных возможностей [3, с. 122]. Ответ на эти и иные вопросы по содержанию и значению анализируемых документов должен даваться уже после благополучно проведенного процесса их идентификации.

Вопрос первоисточников и подлинности документов

При исследовании документов в области нетрадиционной религиозности следует учитывать некоторое размывание границ между первоисточниками и вторичной литературой. Любые работы по нетрадиционной религиозности, вне зависимости от желаний и устремлений их авторов, достаточно часто вовлекаются в общую динамику ее развития. Они прочитываются НРД и получают соответствующую оценку с их стороны. Они же изучаются людьми, влияющими на НРД на бытовом, общественном и политическом уровнях. В этом смысле вся вторичная литература по сектам может быть отнесена к числу первоисточников. Столь высокая степень влияния вторичной литературы практически не характерна для традиционных религий мира. Таким образом, понимание феномена нетрадиционной религиозности во всей его полноте невозможно без изучения работ людей, его изучающих. Примечательно, что вопрос идентификации документов и вторичной литературы также весьма актуален, так как далеко не всегда очевидно авторство появляющихся в этой среде текстов и документов. Однако подробный разбор этой темы выходит за рамки темы данной статьи.

Вопрос установления подлинности документов НРД XIX-XXI столетий также не актуален. Сама специфика темы такова, что пока еще никому не пришла идея подделывать документы сект. Какие-либо финансовые или прочие бонусы в результате этого получить практически невозможно. Документы НРД в подавляющем большинстве случаев имеют только научную ценность. Другое дело, что сами НРД могут «подделывать» собственные документы. Но в этом случае, как подлинник, так и сама «подделка» являются первоисточниками, отражающими изменения представлений группы о самой себе и своем прошлом, настоящем и будущем.

Проблемы в идентификации документов НРД

Выбор методологии анализа документов неразрывно связан со спецификой объекта, предмета, целей и задач конкретного исследования. Однако какие бы цели и задачи ни ставил перед собой ученый, документ должен вначале пройти процедуру идентификации. Под идентификацией документов здесь и далее будет пониматься процесс установления принадлежности ранее не известного документа к тому или иному НРД. Идентификация документов является первым этапом их научного анализа. Ей предшествует только техническая процедура, направленная на формирование наиболее благоприятных условий для их сохранения. Таким образом, процесс идентификации может являться частью какого-то большего исследования, а может осуществляться в качестве полностью самостоятельной и независимой от конкретных исследований процедуры.

В подавляющем большинстве социологических и религиоведческих областей исследований процедура идентификации сводится к определению авторства документа, времени и места его появления. Никем и никогда не исследованные и неизвестные документы являются скорее редкостью. Еще большей редкостью являются документы, по которым нельзя сказать, в недрах какой организации или сообщества они появились. В исследованиях нетрадиционной религиозности ситуация выглядит несколько иначе. Вполне обыкновенной является ситуация, когда новые, никогда и никем не изученные документы свидетельствуют также о существовании новых (для науки) групп, о которых никто, никогда, нигде и ничего не писал. В этом контексте вполне закономерно, что проблема идентификации документов тематизируется именно в области исследований нетрадиционной религиозности.

Сложностей в идентификации документов НРД нет у ученых, специализирующихся на изучении какой-то одной или нескольких групп. Они достаточно быстро, без привлечения каких-либо особых методик могут распознать тот или иной документ как принадлежащий или не имеющий никакого отношения к основному объекту их исследования. Проблемы начинаются с того момента, когда исследованию подвергается нетрадиционная религиозность в целом, во всех ее формах и разновидностях, а исследователь собирает всевозможные материалы по ней без их

тематической фильтрации. В такой ситуации в архив чуть ли не ежедневно попадают десятки документов различных НРД, многие из которых никем еще не изучались. О них нельзя навести справки в интернете или почерпнуть дополнительную информацию в справочниках религиозных организаций разных стран мира. Сама процедура идентификации документов неожиданно многократно усложняется и выходит далеко за границы интуитивного узнавания ученым документов хорошо известных ему групп. Выработка определенной методики работы с документами приобретает особое значение. По мере роста объемов поступающей документации проблематика нетрадиционной религиозности начинает охватывать совершенно новые горизонты и вскрывать ранее не очевидные измерения вопроса. На фоне объемов и содержательного наполнения никем и никогда не исследованных документов уже имеющиеся разработки по нетрадиционной религиозности представляются не более чем кратким введением в вопрос. При этом каждый такой документ сам по себе представляет вызов, так как снова и снова дарует ученому захватывающее чувство пребывания на пороге *terra incognita*.

Перечислим основные проблемы, с которыми неизбежно сталкивается исследователь в процессе идентификации документов.

Первая проблема состоит в том, что существующие исследования по методикам анализа документов практически бесполезны в процессе идентификации документов. Многочисленные классификации и типологии документов по элементам их содержания, жанрам, модальностям, характеру их источников, степени персонификации, наборам постоянных элементов их содержания, структуры и оформления, и т.д. и т.п., не играют на этой стадии никакой роли. Все эти разработки, вне всякого сомнения, представляют большую ценность при дальнейшем анализе уже идентифицированных материалов, но не до этого.

Вторая проблема происходит из необходимости выделения для идентификации документа каких-то доступных для объективной и независимой проверки и перепроверки единиц анализа, кодов, маркеров или переменных, опираясь на которые любой иной исследователь мог бы проверить корректность проведенной операции. При этом они должны быть достаточно очевидны, чтобы не вызывать никаких дополнительных вопросов у исследователей, придерживающихся самых разных взглядов на

феномен нетрадиционной религиозности. Суть проблемы состоит в том, что сама специфика нетрадиционной религиозности существенно затрудняет их выделение. До сих пор не были зафиксированы исследователями значения для всех тех переменных, учет которых мог бы быть хоть в какой-то степени важен для идентификации документа. Само количество этих значений чрезвычайно велико и экстенсивно в силу непрерывного появления все новых НРД. Приведем несколько наглядных примеров:

а. Для того чтобы корректно отнести документ к тому или иному НРД, исследователь должен иметь представление о том, какие НРД в принципе существуют. Подлежащий идентификации документ может относиться как к каким-либо уже известным НРД, так и к еще не изученным группам. Проблема в том, что не существует единого научного реестра НРД, с которым ученый мог бы сверить данные документа даже на уровне самоназвания группы. Автору известно несколько десятков посвященных НРД энциклопедий и справочников на самых разных языках мира, но ни в одном из них не дается сколько-нибудь полный реестр всех известных названий НРД. Вопрос осложняется тем, что одна и та же секта или культ могут иметь до нескольких сотен альтернативных наименований. Генеральная совокупность НРД, порождающих сонмы документов, ученым не известна. В итоге, в процессе идентификации документов ученый не может опереться на какой-либо готовый, выверенный и полный список названий НРД. Это означает, что у него есть все шансы не распознать даже документы уже исследованных групп. Последние могут выступать в новом контексте под новым наименованием, не известным ему, и не зафиксированным в существующих справочниках и энциклопедиях. При этом количество потенциально возможных названий НРД не ограничено, так как в мире постоянно появляются новые секты и культы, и их число постоянно растет.

Ситуация осложняется существованием НРД с полностью идентичными наименованиями. Так, под одним названием может действовать от двух до десяти совершенно разных НРД. Как правило, это относительно небольшие группы, не превышающие размером 200 человек. Они не подозревают о существовании друг друга, но, порой, принадлежат к одному типу нетрадиционной религиозности, чем сильно осложняют процесс идентификации их

документов. Наконец, НРД достаточно часто прибегают к различным сокращениям и/или расширениям своих названий. Какой-нибудь Астральный центр «Сфера» может фигурировать как Духовно-астральная академия «Сфера», как Научно-исследовательский центр «Сфера», как Общество «Сфера», либо просто Духовно-астральная академия, или Научно-исследовательский центр. При этом каждая такая свободно используемая вариация наименования для каких-то групп может являться основным и единственным названием. В результате даже полные совпадения в наименованиях еще не могут являться надежным основанием для идентификации документа;

б. Можно было бы предположить, что адрес и телефон организации, указываемые в документе в качестве выходных данных группы, являются надежным идентификационным маркером. Он может быть важен особенно в тех случаях, когда в документе отсутствует ее название. Однако, чтобы опереться на эту переменную ученый должен знать:

а) адреса и телефоны всех НРД (что само по себе невозможно, так как не известны все реально существующие НРД);

б) адреса и телефоны, использующиеся лишь временно для проведения тех или иных мероприятий или акций НРД (то есть, за один год одно НРД в одной стране может поменять до 10 разных адресов);

в) адреса и телефоны, которые используются несколькими разными НРД одновременно (или адреса и телефоны, исполняющие функцию «диспетчеров» для разных групп).

При этом ученый должен учитывать изменения всех адресов и телефонов для группы в диахронической перспективе, ведь попавший к нему документ может быть 10, 20, 40 или даже 100 летней давности. От исследователя потребовались бы серьезные усилия для сбора информации по актуальным адресам, но анализ их изменений в диахронической перспективе, особенно с учетом разных стран мира, делает задачу практически невыполнимой;

в. Такой же не вполне надежной переменной является авторство документа. На первый взгляд может показаться более чем разумным допущение, что, если основатель какого-то НРД является одновременно основным, единственным или даже одним из авторов подлежащего идентификации документа, либо просто в нем активно упоминается, то сам документ относится к созданной им же группе. Например, если речь

идет о Шриле Прабхупаде, то документ относится к Международному Обществу Сознания Кришны, если упоминается Рон Хаббард, то документ непременно принадлежит саентологии и т.д. и т.п. Однако в реальности слова, речи, статьи и разные иные тексты основателей и известных руководителей НРД активно заимствуются другими НРД, особенно от них же отколовшимися. Безусловными лидерами в этом процессе являются многочисленные мелкие группы, которым просто не хватает сил на производство собственных текстов. Активное использование «значимых духовных авторитетов иных религиозных течений» в мире малых НРД является весьма распространенной практикой, а взаимный плагиат небольших текстов – широко распространенной нормой;

г. Символика НРД также не является надежным маркером, так как:

а) далеко не всегда используется в документах;

б) одно НРД может использовать до нескольких сотен самых разных символов. Это может быть обусловлено как изменениями символики в процессе развития организации, так и присвоением филиалам, подразделениям и фронтальным организациям НРД индивидуальных эмблем;

в) в реальности существует множество вариаций одного и того же символа, которые могут быть инициированы как самим НРД, так и другими группами, от него отколовшимися. Некоторые группы совершенно независимо друг от друга приходят к принятию одинаковых по всем своим основным компонентам символов и эмблем.

Иначе говоря, как и в случае с наименованиями НРД, не существует единого реестра символов НРД, их число велико по объему и непрерывно растет.

Дополнительная сложность состоит в том, что внутренние документы НРД создаются в условиях, когда их авторы и получатели знают, к какой группе они принадлежат. Они изначально не нуждаются в дополнительных пометках и указаниях друг для друга столь важной для исследователя информации о привязке документа к конкретной организации. В результате они в силу простой для них очевидности ситуации и контекста опускают все те принципиально важные единицы информации, которые можно было бы зафиксировать в конкретных кодах, маркерах и переменных.

Третья проблема состоит в невозможности выработать единую и надежную систему критериев идентификации группы на основании анализа содержания документа. Как уже нами ранее отмечалось, все многообразие форм нетрадиционной религиозности может быть классифицировано в соответствии со специфическими особенностями содержания вероучения тех или иных ее типов [4, с. 90-131]. Изучение текста документа может помочь однозначно квалифицировать его как относящийся или не относящийся к нетрадиционной религиозности в целом, а также отнести его к конкретному типу НРД. Но сделать выводы относительно его принадлежности к конкретной группе несколько сложнее. Учение и понятийный аппарат разных НРД в рамках одного и того же типа могут быть очень близки друг к другу, а в ряде случаев быть совершенно одинаковыми. Отличия таких групп будет сводиться к разному руководящему и кадровому составу и их структурной независимости друг от друга. В результате, без углубленной специализации на конкретном типе НРД, выявить существенные для идентификации документа различия в его содержании не представляется возможным. Ситуация осложняется тем, что идеи отдельных «больших сект» могут заимствоваться на более чем серьезной и последовательной основе десятками, а порой и сотнями малых сект, от них же отколовшихся или просто им подражающих. Они будут опираться на ту же литературу, издавать очень похожие по содержанию и оформлению массивы документов. При этом, сохраняя структурную независимость, они будут претендовать на абсолютность собственного вероучения.

Однако все это относится к уже известным исследователю группам. Если же ученый никогда ранее с НРД не сталкивался, то есть изначально не знаком со спецификой ее вероучения, а сама группа при этом активно подражает какому-то иному НРД, вероятность быстрой и точной идентификации ее документов стремится к нулю.

Анализ содержания документа осложняет также тот факт, что на протяжении своего существования НРД могут вносить существенные изменения в собственное вероучение. Последние могут быть неизвестны ученым. То есть, документ, относящийся к уже известной группе, по своему содержанию может вступать в противоречие с ее актуальным вероучением, что будет опять же сильно осложнять процесс его идентификации.

Четвертая проблема состоит в том, что выборка документов НРД, поступающих исследователю на обработку и подлежащих идентификации, не должна быть ничем ограничиваема. Дело в том, что значительное количество первоисточников постоянно кем-то уничтожается и/или исчезает естественным образом, многое сохраняется лишь в одном варианте в личных архивах. Академическая наука уже подошла к ситуации, когда по многим известным НРД XX века документов осталось очень мало. Приведем пример. У скольких исследователей во всем мире есть полное собрание «Писем МО» и всех инструктивных писем Дэвида Берга? Никто из ученых, что-то писавших по этой секте, не ссылается на все «Письма МО», не дает их полного научного описания. Многие видели одно или несколько писем. Этот вопрос можно сформулировать еще интереснее: а сохранился ли хотя бы один полный комплект в самой Семье? У автора данной статьи есть собрание из 1316 этих писем в оригинале на английском языке. Это далеко не полное собрание, но даже поверхностного ознакомления с ним достаточно для понимания того, что наука еще не приступила к серьезному анализу этой группы, хотя написано по ней уже достаточно много.

Таким образом, если выбор и ограничение объекта и предмета исследования является не просто разумным, но неперемным условием продуктивной научной работы, то искусственное ограничение объема подлежащих включению в научный оборот документов будет означать не что иное, как уничтожение потенциально ценных для науки материалов. Ученый не может не беспокоиться о том, чтобы сохранить для науки максимально большое их количество. В результате, в процессе изучения НРД он может и должен ограничивать предмет своих исследований, но он не должен ограничивать объемы поступающих к нему документов по НРД и избавляться от тех из них, о которых он не может совершенно ничего сказать, т.к. просто не способен их идентифицировать.

Все означенные проблемы указывают на то, что ученый, берущийся за идентификацию новых документов НРД, должен обладать серьезным опытом работы с документами такого рода. Однако такой опыт можно приобрести только в процессе работы с этими документами. Получается замкнутый круг, который обрекает любого ученого в первые годы его интенсивной работы над идентификацией документов по НРД

на чрезвычайно низкий уровень эффективности и множество ошибок.

Проблемы, возникающие в процессе идентификации новых источников, обладают большой эвристической силой для академического изучения сектанства. Документы, которые на стадии идентификации доставляют самые большие хлопоты ученому, достаточно часто уже самим фактом своего существования олицетворяют какие-то проблемы не только в методологии их анализа, но и в самом понимании феномена нетрадиционной религиозности.

Идентификация документов НРД в Кабинете сектоведения МинДА

С апреля 1997 года автором разрабатывается методика идентификации документов НРД. Созданный к настоящему времени ее вариант не является окончательным, но в своей актуальной версии достаточно эффективен и успешно апробирован на 300.000 документах НРД. В результате для приведенных выше проблем было найдено следующее решение.

Во-первых, сам процесс идентификации документов стал проводиться на постоянной основе без привязки к проводимым исследованиям, и без учета профессиональных интересов и специализации автора в сфере изучения нетрадиционной религиозности. Иначе говоря, документы обрабатываются безотносительно того, понадобятся ли они автору когда-то в научно-исследовательской работе или нет.

Во-вторых, в ситуации отсутствия единого реестра НРД было принято решение его создать. В качестве платформы выбрана реляционная СУБД MS Access. Так как названия НРД не являются величиной постоянной, каждому новому и/или уже известному НРД присваивается уникальный цифровой код, который никакой дополнительной информационной нагрузки на себе не несет. К уникальному коду привязываются все известные наименования НРД, которые берутся как из уже однозначно идентифицированных документов, так и из научно-исследовательской литературы. Во всех случаях указывается источник информации. Помимо названий НРД к коду привязывается несколько десятков иных переменных, характеризующих группу с самых разных сторон. Среди них можно упомянуть страну основания НРД, ФИО основателя, год основания, его тип по структуре и содержанию, официальные выходные данные, наличие или отсутствие группы в

Беларуси, принадлежащие ей СМИ, издававшаяся литература и т.д. и т.п. Само число переменных в СУБД по НРД с годами увеличивается, что позволяет учитывать все новые и новые аспекты информации по НРД, потенциально пригодные к идентификации их документов. Ввиду того, что документы по НРД в Кабинет сектоведения поступают из разных стран мира, в реестре учитываются также английские, немецкие и иные написания значений переменных. Это позволяет проводить идентификацию и иноязычных документов НРД.

Далеко не всегда имеющаяся в реестре информация по каждому НРД охватывает все переменные. Процесс дополнения и корректировки реестра с учетом новой документально подтвержденной информации происходит ежедневно. В результате, к ноябрю 2016 года в реестре собрана информация о 4390 разных НРД из 99 стран мира.

Означенный реестр значительно упрощает процесс идентификации документов уже занесенных в него групп. Он позволяет практически мгновенно проверить все встречающиеся в новом документе переменные на их совпадение с данными из реестра НРД. Соответственно, совпадение максимально большого количества переменных повышает вероятность корректной идентификации документа.

Особое значение для этого процесса имеет так называемый «нулевой цифровой код» реестра. Он представляет собой всего один код в реестре, к которому в стандартном формате «один-ко-многим» прикрепляется тысячи разрозненных единиц информации или значений переменных, взятых из документов, пока еще находящихся в процессе идентификации. Как правило, речь идет об информации из сложно идентифицируемых документов, которой недостаточно для их однозначного распознавания, но она может в будущем как-то способствовать этому процессу. Все эти осколки информации заносятся в реестр на «нулевой цифровой код» с указанием места временного хранения документа. При проведении проверки в реестре всех без исключения новых документов программой в автоматическом режиме просматриваются также данные «нулевого цифрового кода». Это многократно повышает эффективность распознавания документов, так как каждое совпадение с данными этого кода позволяет вернуться к изучению сложного документа, но уже в

контексте новых документов, содержащих дополнительную информацию.

В реестр вносятся также информация о распавшихся НРД разных стран мира. Это позволяет, с одной стороны, идентифицировать документы этих групп, которые все еще периодически поступают в архив. С другой, даже давно исчезнувшие секты и культы представляют серьезный интерес для академической науки.

Однако одного сопоставления с реестром часто недостаточно для идентификации документа, а совпадения некоторых переменных могут также служить выявлению принципиально новых групп, являться средством корректировки имеющихся сведений об НРД, или исполнять иные функции. Приведем несколько характерных примеров работы с реестром и разрешения разных проблем и нестыковок:

Пример 1. В реестре может отсутствовать информация по всем без исключения переменным из документа. Кроме того, справочники и доступные системы информации никакой дополнительной информации не дают. В этом случае проводится глубокий анализ содержания документа (метод зависит от типа документа и особенностей его содержания), который может привести к следующим результатам:

- вариант 1: имеющихся данных в документе просто недостаточно для его идентификации, по крайней мере, на современном уровне развития науки. В этой ситуации в «нулевой цифровой код» реестра вносятся осколки информации из проблемного документа, а повторный его анализ будет произведен через несколько лет. За это время повысится уровень квалификации и опыт работы с документами автора, а также могут появиться новые, более полные по содержанию и структуре документы этого же НРД, которые позволят корректно его идентифицировать. Так, некоторые документы были опознаны автором лишь спустя 10-15 лет после их поступления. Отдельные документы ждут своей идентификации уже более 18 лет;

- вариант 2: документ может содержать достаточное количество информации, для того чтобы его можно было отнести к новому, никем ранее не описанному и не изученному НРД. В этом случае: а) в реестр вносится информация о новом НРД с присвоением ему нового уникального кода и отсылкой на документ; б) сам документ архивируется в соответствии с уникальным цифровым кодом из реестра. Таким образом, процесс идентификации документа получает дополнительное измерение, состоящее в

открытию принципиально новых групп или объектов для научного анализа. Так как документально подтвержденная информация по новым сектам и культам приходит достаточно часто, сам процесс идентификации документов приобретает статус полноценного и самостоятельного исследования, результаты которого могут быть использованы, например, при составлении карты нетрадиционной религиозности той или иной страны мира [4, с. 121-131].

Пример 2. При полном совпадении наименования НРД, типа содержания, типа структуры и даже страны основания группы, проходящий идентификацию документ может быть однозначно хронологически старше, чем зафиксированная в реестре дата основания НРД. Это становится поводом как минимум для двух следующих операций: а) проверки степени надежности данных реестра, указывающих дату основания группы; б) комплексного сравнительного анализа проходящего идентификацию документа со всем массивом имеющихся в наличии документов означенного НРД из реестра. Эта дополнительная проверка может привести к самым разным результатам. Разберем только два из них:

- вариант 1: может оказаться, что распространенная в научной среде и внесенная в реестр информация о дате основания группы не имеет надежных документальных подтверждений. В то же время сравнительный анализ выявит целый ряд не учитываемых в реестре совпадений, позволяющих однозначно констатировать принадлежность нового документа к НРД из реестра, а значит и произвести переоценку даты его основания. В этом случае в реестре корректируется дата основания группы с отсылкой на новый документ;

- вариант 2: может оказаться, что информация о дате основания группы из реестра имеет более чем солидное документальное подтверждение, а сравнительный анализ выявит целый ряд существенных содержательных и структурных расхождений между находящимся на идентификации документом и всем остальным массивом материалов. В этом случае: а) в реестр будет внесено новое НРД со ссылкой на новый документ, который отныне будет идентифицироваться с данной группой; б) в записях обоих НРД в реестре будет поставлена отметка о возможных идейных и иных влияниях

двух означенных групп, что следует проверить в рамках иных исследований.

Пример 3. Информация из документа, находящегося в процессе идентификации, совпадает в реестре одновременно с записями двух разных НРД. В этой ситуации инициируется сравнительный анализ документов обеих групп с новым документом, который может привести как минимум к двум разным результатам:

- вариант 1: два разных НРД из реестра могут оказаться на самом деле одной группой, которая на определенном этапе своего развития претерпела кардинальные трансформации собственного вероучения, структуры, адреса, руководящего состава, методов работы, поменяла собственное наименование и начала вести свою историю «с чистого листа». Идентифицируемый документ в этом случае будет хронологически относиться к той самой стадии трансформации группы, когда она еще не избавилась от всех своих прежних характеристик, но уже начала приобретать новые. Для глубокого сравнительного анализа документов «обеих» групп у ученых ранее просто не было никаких особых оснований, так как по всем первичным признакам речь шла о разных группах. В этом случае: а) два НРД из реестра будут объединены в одно с одним уникальным цифровым кодом; б) их документы в архиве будут соединены вместе в хронологическом порядке; в) в реестре данная группа будет отмечена, как претерпевшая существенную трансформацию. В будущем при сборе критического объема информации и документов это позволит провести отдельное исследование на тему трансформаций НРД;

- вариант 2: совпадение информации объясняется тем, что оба НРД в свое время проводили ряд совместных мероприятий, что и удостоверяется самим документом. В этом случае: а) документ получает двойную идентификацию; б) его оригинал располагается в материалах одного НРД, а его копия в материалах другого; в) в реестре делается пометка о том, что оба НРД проводили в такой-то период совместные мероприятия, что вероятнее всего привело к появлению ряда иных документов с двойной идентификацией.

Уникальность реестра состоит в том, что он никак не завязан на конкретные определения ключевых понятий сектоведения. Иначе говоря, он является удобным инструментом идентификации документов вне зависимости от того, что ученый понимает под сектами и культами, а также пользуется ли он вообще этими

понятиями, либо предпочитает термин «новые религии» или «деструктивные культы». Это весьма показательно в том отношении, что с 1997 года у самого автора значительно менялись представления о наиболее корректном определении основных понятий сектоведения, но эти изменения никак не повлияли и не могли повлиять на сам реестр. Последний фиксирует совершенно нейтральные единицы информации из документов и не содержит никакой оценочной информации по группе.

В ряде случаев идентификация очень сложных документов может происходить и без помощи реестра, лишь с опорой на опыт автора. Так, документ, не имеющий каких-либо опознаваемых переменных, мог быть получен лично автором в конкретной и четко идентифицируемой группе и опознан ее официальными представителями.

Процесс идентификации документа завершается в момент достижения точного и обоснованного заключения о его принадлежности к тому или иному НРД. После этого документ проходит процедуру «первичного качественного анализа». Она включает в себя тематическое кодирование в рамках 2100 тем анализа нетрадиционной религиозности, выделенных автором. В зависимости от особенностей своего содержания один и тот же документ может быть закодирован на одну, несколько и множество тем одновременно. Однако представление этого, второго этапа анализа документов НРД в Кабинете сектоведения выходит за рамки данной статьи.

Автор далек от того, чтобы выступать за самодостаточность анализа документов при проведении исследований в области нетрадиционной религиозности. Можно только отметить некорректность любых суждений о том, что в рамках полевых исследований ученый может собрать больше полезных материалов, чем при анализе документов. Эти методы направлены на изучение разных сторон жизни НРД, и крайне непродуктивно даже пытаться их сравнивать. При серьезном подходе они должны дополнять друг друга.

В данном материале представлен только один из возможных вариантов решения проблемы идентификации документов НРД.

Список литературы

1. Алексеева Е.В., Афанасьева Л.П., Бузова Е.М. Архивоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 272 с.

2. Добренков В.И., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2009. 768 с.

3. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. 702 с.

4. Мартинович В.А. Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция. *Материалы к изучению нетрадиционной религиозности*. Т.1. Минск: Минская духовная академия, 2015. 560 с.

5. Arweck E. *Researching New Religious Movements. Responses and redefinitions*. London: Routledge, 2006. 389 p.

6. Bromley D.G. *Methodological Issues in the Study of New Religious Movements // Teaching New Religious Movements*. Ed. by D.G. Bromley. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 65-89.

7. McCulloch G. *Documentary Research in Education, History and the Social Sciences*. London & New York: Routledge Falmer, 2004. 131 p.

8. Platt J. Evidence and proof in documentary research: 1: some specific problems of documentary research // *The Sociological Review*, 1981. Vol. 29:1. Pp. 31-52.

9. Platt J. Evidence and proof in documentary research: 2: some shared problems of documentary research // *The Sociological Review*, 1981. Vol. 29:1. Pp. 53-66.

10. Richardson J.T., Balch R., Melton J.G. Problems of research and data in the study of new religions // *The Handbook on Cults and Sects in America*. Ed: Bromley D.G., Hadden J.K. Vol. 3. Part. B. Greenwich-London: JAI Press inc., 1993. Pp. 213-229.

References

1. Alekseeva E.V., Afanasieva L.P., Burova E.M. *Archival science*. Moscow: «Academy», 2005. 272 p.

2. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. *Methods of sociological research*. Moscow: INFRA-M, 2009. 768 p.

3. Danilevski I.N., Kabanov V.V., Medushevskaya O.M., Rumyantseva M.F. *Source study: Theory. History. Method. Sources to the Russian history*. Moscow: Russian State Humanitarian University, 1998. 702 p.

4. Martinovich V.A. *Unconventional Religiosity: Emergence and Migration. Materials for the study of unconventional religiosity*. Vol. 1. Minsk: Minsk Spiritual Academy, 2015. 560 p.

5. Arweck E. *Researching New Religious Movements. Responses and redefinitions*. London: Routledge, 2006. 389 p.

6. Bromley D.G. *Methodological Issues in the Study of New Religious Movements. Teaching New Religious Movements*. Ed. by D.G. Bromley. Oxford: Oxford University Press, 2007. Pp. 65-89.

7. McCulloch G. *Documentary Research in Education, History and the Social Sciences*. London & New York: Routledge Falmer, 2004. 131 p.

8. Platt J. Evidence and proof in documentary research: 1: some specific problems of documentary research. *The Sociological Review*. 1981. Vol. 29:1. Pp. 31-52.

9. Platt J. Evidence and proof in documentary research: 2: some shared problems of documentary research. *The Sociological Review*. 1981. Vol. 29:1. Pp. 53-66.

10. Richardson J.T., Balch R., Melton J.G. Problems of research and data in the study of new religions. *The*

Handbook on Cults and Sects in America. Vol.3. Part. B. Greenwich-London: JAI Press inc., 1993. Pp. 213-229.

Мартинович Владимир Александрович, доктор теологии Венского Университета, доцент, зав. каф. апологетики Минской духовной академии.

Vladimir Al. Martinovich, Doctor of Theology at the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department of Apologetics, Minsk Spiritual Academy.

УДК 316.74:2

DOI: 10.18413/2408-9338-2016-2-4-63-73

Уфимцева Е.И.

**ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ
В ПРАВОСЛАВНОЙ ВОСКРЕСНОЙ ШКОЛЕ**

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского,
ул. Астраханская, 83, Саратов, 410012, Россия
ufim75@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу социальных практик современного православного воскресного церковно-приходского образования Русской Православной Церкви (РПЦ). Представлена краткая историография православного церковно-приходского воскресного образования в России. Рассматриваются основные характеристики современного института церковно-приходского воскресного образования РПЦ для детей: цели и задачи образовательной деятельности, виды и типы воскресных школ, уровни обучения. Дается характеристика системы воскресного церковно-приходского образования Покровской и Николаевской епархии Саратовской митрополии: перечисляются направления работы отдела религиозного образования и катехизации, приводятся данные по количеству воскресных школ, учащихся, преподавателей. Рассматриваются основные аспекты функционирования одной из воскресных учебно-воспитательных групп Покровской и Николаевской епархии. Представлены результаты социологического исследования отношения родителей к обучению детей в исследуемой православной воскресной школе Покровской и Николаевской епархии.

Ключевые слова: православная воскресная школа; церковно-приходская школа; система религиозного образования Русской Православной Церкви; Покровская и Николаевская епархия (Саратовская митрополия); отношение родителей к религиозному образованию.

Ekaterina Ig.
Ufimtseva

**THE ATTITUDE OF PARENTS TOWARDS EDUCATION OF CHILDREN
AT THE ORTHODOX SUNDAY SCHOOL**

Saratov State National Research University,
83, Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russia
ufim75@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of social practices of the modern Orthodox Sunday parochial education in the Russian Orthodox Church (ROC). A brief historiography of the Orthodox Sunday parochial education in Russia. The author discusses the basic characteristics of the Parish Sunday ROC education for children: the goals and objectives of the educational activities, types and forms of Sunday schools, levels of education. The characteristic of the system of Sunday parochial education in intercession Pokrovskaya and Nikolaev diocese of Saratov Archdiocese: it lists the areas of work of the Department of Religious Education and Catechesis, it provides some data on the number of Sunday schools, students, and teachers. The article discusses the basic aspects of the functioning of a Sunday school of Pokrovskaya and Nikolaev diocese. The author presents the results of the survey of parents' attitudes towards the education of children at the Sunday school of Pokrovskaya and Nikolaev diocese.

Keywords: Orthodox Sunday school; parochial school; religious education system of the Russian Orthodox Church; Pokrovskaya and Nikolaev Diocese (Saratov Archdiocese); attitude of parents towards religious education.

Изменения отношений церкви и государства,
происходящие в российском обществе последние
десятилетия, проявляются во всех сферах

социальной жизни церкви, в том числе – в сфере
образования. Актуальность и значимость
исследования особенностей современного

института православного воскресного образования Русской Православной Церкви (РПЦ) безусловна. В условиях российского общества, характеризующихся последствиями целенаправленного разрушения в советский период традиционных институтов православной социализации (православной семьи, православного быта, системы православного образования), основная роль в православном воспитании детей, в обучении их основам православного вероучения, в формировании у них навыков церковной жизни принадлежит православной воскресной церковно-приходской школе.

Изучение православной воскресной школы в России имеет свои традиции, прежде всего, в области педагогических исследований. Исследователи отмечают, что понятие «воскресная школа» появляется в педагогической литературе в середине XIX века одновременно с массовым распространением самих воскресных школ [1]. В то время к воскресным школам относили образовательные учреждения двух типов: во-первых, церковные школы, предназначенные для конфессионального воспитания детей и юношей; во-вторых, школы, обеспечивающие доступ к получению грамотности людям, не имеющим возможности учиться в обычных школах – «общеобразовательные» воскресные школы. Общим для этих двух категорий воскресных школ было то, что занятия в них проходили по выходным или праздничным дням. Важность воскресных школ в распространении грамотности и религиозно-нравственном воспитании была отмечена основателями русской педагогики Н.И. Пироговым и К.Д. Ушинским [4]. Об истории создания первых воскресных школ писали дореволюционные исследователи Я.В. Абрамов, Д. Вольфсон, М.Н. Салтыкова, Н.В. Чехов. В советский период опыт воскресных школ рассматривался в работах М.Я. Блинчевской, И.Т. Дронова, П.С. Ткаченко. Современные педагогические исследования воскресной школы посвящены изучению разных аспектов данного феномена: истории становления и развития воскресных школ в России (А.В. Агеева, А.В. Духавнева, Т.В. Лодкина, Л.А. Марченко, Е.А. Никитская); особенностям организации образовательной и воспитательной деятельности воскресных школ (А.В. Агеева, И.В. Архангельская, Г.С. Ващенко, Г.М. Лохонова, А.В. Ляпина); особенностям церковного образования для взрослых (Т.В. Качала, М.В. Попинова);

культурно-художественному потенциалу воскресных школ (Н.В. Константинова, И.В. Парамонов, Л.А. Трубникова) [9]. Несмотря на достаточную разработанность проблемы российского церковно-приходского воскресного образования в педагогическом дискурсе, данная проблема относится к неизученным вопросам в современной отечественной социологии.

Современная российская православная воскресная церковно-приходская школа для детей, согласно Положению о деятельности воскресных школ (для детей) Русской Православной Церкви на территории РФ от 2012 г., определяется как религиозная организация Русской Православной Церкви, осуществляющая функцию по обучению религии, а также формированию умений и навыков, необходимых для православного христианина [7]. Она представляет совершенно новый социальный проект по сравнению со своим историческим прототипом. Подразделяются воскресные школы на три типа [8]: воскресная учебно-воспитательная группа; воскресная школа, не имеющая статуса юридического лица (являющаяся структурным подразделением религиозной организации Русской Православной Церкви); центр духовно-нравственного воспитания, являющийся самостоятельным юридическим лицом. Учебно-воспитательная деятельность, реализуемая в воскресной школе для детей, включает в себя три ступени: дошкольную (набор детей в возрасте 5-6 лет) с ориентировочным сроком обучения (максимально 2 года); начальную (набор детей в возрасте 7-11 лет) с ориентировочным сроком обучения (максимум 4 года); основную (набор детей в возрасте 12-16 лет) с ориентировочным сроком обучения (максимально 4 года).

В качестве основной цели православной воскресной церковно-приходской школы определяется воспитание детей в системе христианских ценностей и норм поведения, обучение их основам православного вероучения, формирование навыков церковной жизни: участие в богослужениях, церковных Таинствах, а также в социальной и благотворительной деятельности прихода. Как отмечает С.Ю. Дивногорцева «несмотря на то, что основная задача православных воскресных школ – это просвещение и научение Закону Божию детей прихожан, в то же время немаловажной их функцией является воспитание благоговения и христианской нравственности, «культивирование» интереса к богословскому просвещению» [3].

Исследование воскресных школ, проведенное А.В. Агеевой, показало, что в зависимости от преобладающего вида деятельности, воскресные школы можно подразделить на: «богословские», «воспитательные», «историко-патриотические», «семейные», «миссионерские», «творческие», «смешанные», «паломнические», «многопрофильные» [2]. Е.А. Никитская, изучая особенности деятельности воскресных школ г. Москвы, выявила, что наиболее типичными для московских школ являются такие направления работы, как: катехизическое (просветительское), социальное служение, культурно-образовательное, военно-спортивное. Исследователь отмечает, что в условиях институционализации российского православного церковно-приходского образования самыми острыми проблемами функционирования воскресных школ являются: организационно-педагогические, кадровые, контингентные и материально-технические проблемы [5, с. 161-193]. Одной из особенностей современной православной воскресной школы является то, что значимым субъектом образовательного пространства являются родители, чьи дети обучаются в воскресной школе, поэтому необходимо исследовать их мнения, отношения и оценки в отношении православного воскресного образования.

В период с января по май 2015 г. по инициативе отдела религиозного образования и катехизации Покровской и Николаевской епархии на базе воскресной учебно-воспитательной группы «Гефсимания» (г. Энгельс) нами было проведено исследование отношения родителей к обучению детей в воскресной школе¹. В качестве цели исследования было определено выявление отношения родителей к обучению детей в воскресной учебно-воспитательной группе «Гефсимания» г. Энгельса Покровской и Николаевской епархии. Метод сбора эмпирической информации – индивидуальное

¹ Пользуясь случаем, хотелось бы сердечно поблагодарить протоиерея Александра Милованова, на момент проведения исследования руководителя отдела религиозного образования и катехизации Покровской и Николаевской епархии и настоятеля Свято-Воскресенского храма г. Энгельса, при котором функционирует воскресная учебно-образовательная группа «Гефсимания», а также педагогический коллектив школы за помощь в проведении социологического исследования, ставшего основой для написания данной научной статьи.

стандартизированное анкетирование. Алгоритм формирования выборочной совокупности. Выборочная совокупность формировалась методом основного массива и составила 45 респондентов (N=45). Методы анализа полученной эмпирической информации: описательный анализ с использованием процентных показателей, простых статистических показателей (моды, медианы, среднего арифметического, стандартного отклонения, стандартизированной ошибки и др.), табличного и графического материала. Представим результаты полученного исследования.

Воскресная учебно-воспитательная группа «Гефсимания» Покровской и Николаевской епархии (г. Энгельс)

Покровская и Николаевская епархия входит в состав Саратовской митрополии. Управление образовательной деятельностью церковных учебных заведений епархии осуществляет отдел религиозного образования и катехизации [6]. Для обеспечения координации деятельности воскресных школ епархии в 2013 году был создан Совет директоров воскресных школ Покровской Епархии, на итоговом заседании которого были озвучены результаты первой аттестации, которую прошли воскресные школы епархии в 2014–2015 учебном году. 32 учебные епархиальные воскресные учебно-воспитательные группы получили сертификаты. Количество обучающихся в них составило 1030 детей и подростков. Преподавательский состав был представлен 131 преподавателем, из которых высшее образование имели – 66%, 21% – прошли обучение по Основам православной культуры, 2% – получили высшее богословское образование.

Одной из первых открывшихся в Покровской и Николаевской епархии воскресных школ была воскресная школа «Гефсимания», которая в соответствии со Стандартом представляет собой воскресную учебно-воспитательную группу. Данная воскресная школа была выбрана нами в качестве объекта социологического исследования, проводившегося в период с января по апрель 2015 г. на тему «Отношение родителей к обучению детей в воскресной православной школе». Исследование проводилось методом анкетирования. Респондентами выступили родители детей, обучающихся в воскресной православной школе «Гефсимания» г. Энгельса (N=45). Выборочная совокупность формировалась методом основного массива.

Воскресная учебно-воспитательная группа «Гефсимания» не имеет статуса юридического

лица и является структурным подразделением православного прихода во имя Воскресения Христова, функционирует при Свято-Воскресенском храме г. Покровска (Энгельса) [10]. Школа была образована в сентябре 2000 г. Структуру управления воскресной учебно-воспитательной группы «Гефсимания» формируют настоятель прихода, совет школы, педагогический совет, родительский комитет и попечительский совет. В 2014-2015 учебном году состав преподавателей включал 10 человек. Общее количество обучающихся на 2014-2015 г. составило 70 человек, из которых 46 мальчиков и 24 девочки. Весь контингент детей распределен по 5 учебным группам: две дошкольного уровня (возраст 5-6 лет) – первого и второго года обучения и три начального уровня (возраст 7-11 лет) – первого, второго и третьего годов обучения.

В соответствии с текстом Концепции развития воскресной учебно-воспитательной группы «Гефсимания» целью деятельности воскресной школы является «приобщение воспитанников к православной вере и духовной жизни в лоне Русской Православной Церкви». Обучение включает основную и дополнительную части. Основную часть, во-первых, формирует комплекс базовых вероучительных дисциплин: «Введение в Закон Божий», «Основы хорового и церковного пения», «Священная библейская история. Ветхий Завет и Новый Завет», «Устройство православного храма и богослужение», «Церковнославянский язык», «Основы христианской нравственности». Во-вторых, основная часть учебно-воспитательной деятельности предусматривает участие детей в литургической жизни церковного прихода. Дополнительную часть учебно-воспитательной деятельности составляют дополнительные занятия по развитию прикладного творчества. Основными направлениями внеклассной деятельности воскресной школы являются: участие в ежегодных мероприятиях воскресных школ Покровской епархии; социальное партнерство; краеведческая деятельность; паломнические поездки. Социальное партнерство предусматривает взаимодействие со светскими образовательными учреждениями.

Социально-демографический профиль родителей детей, обучающихся в воскресной учебно-воспитательной группе «Гефсимания» (г. Энгельс)

Анализ социально-демографических характеристик родителей детей, обучающихся в

воскресной учебно-воспитательной группе «Гефсимания», показал, что среди родителей, принявших участие в исследовании, большая часть – 86,7% – пришлась на женщин. Минимальный возраст опрошенных – 23 года, максимальный – 63 года, средний возраст равен 38 годам. По семейному положению большинство опрошенных состоит в браке – 71,1% (см. табл. 1).

Таблица 1
Распределение опрошенных по семейному положению

Table 1
Distribution of respondents by their marital status

		Семейное положение респондента			
		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Холост/не замужем	4	8,9	8,9	8,9
	Женат/замужем	32	71,1	71,1	80,0
	Разведен/разведена	4	8,9	8,9	88,9
	Вдовец/вдова	2	4,4	4,4	93,3
	Проживает в незарегистрированном гражданском браке	3	6,7	6,7	100,0
	Итого	45	100,0	100,0	

По количеству детей в семье преобладают семьи с двумя детьми – 48,9%, в тоже время почти четверть семей – 22,3% – имеют более двух детей (см. табл. 2).

Таблица 2
Распределение опрошенных по количеству детей в семье

Table 2
Distribution of respondents by the number of children in the family

		Количество детей респондента в браке			
		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	1	13	28,9	28,9	28,9
	2	22	48,9	48,9	77,8
	3	7	15,6	15,6	93,3
	Более 3	3	6,7	6,7	100,0
	Итого	45	100,0	100,0	

По уровню образования среди опрошенных преобладают родители с высшим образованием – 48,9% (см. табл. 3).

Таблица 3
Распределение опрошенных по уровню образования
Table 3

Distribution of respondents by level of education					
Уровень образования респондента					
		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Полное среднее	9	20,0	20,0	20,0
	Среднее профессиональное	12	26,7	26,7	46,7
	Неполное высшее	2	4,4	4,4	51,1
	Высшее	22	48,9	48,9	100,0
	Итого	45	100,0	100,0	

Большинство опрошенных родителей работают – 73,3% (табл. 4).

По уровню среднего дохода на каждого члена семьи треть опрошенных имеют доход не выше 5000 рублей – 37,8%. В целом в более половине семей (64,5%) средний доход на каждого члена семьи составляет до 10000 рублей (табл. 5).

Таблица 4
Распределение опрошенных по роду занятий
Table 4

Distribution of respondents by occupation						
Род занятий респондента						
		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент	
Валидные	Работающий	33	73,3	73,3	73,3	
	Совмещаю работу с учебной	1	2,2	2,2	75,6	
	Работающий пенсионер	2	4,4	4,4	80,0	
	Неработающий пенсионер	1	2,2	2,2	82,2	
	Безработный	5	11,1	11,1	93,3	
	Нахожусь в декретном отпуске	2	4,4	4,4	97,8	
	Домохозяйка	1	2,2	2,2	100,0	
	Итого	45	100,0	100,0		

Таблица 5
Распределение опрошенных по уровню среднего дохода на каждого члена семьи
Table 5

Distribution of respondents by average income per family member					
Уровень среднего дохода на каждого члена семьи респондента					
		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Не выше 5000 рублей	17	37,8	38,6	38,6
	5001-10000 рублей	12	26,7	27,3	65,9
	10001-15000 рублей	4	8,9	9,1	75,0
	15001-20000 рублей	9	20,0	20,5	95,5
	20001-25000 рублей	2	4,4	4,5	100,0
	Итого	44	97,8	100,0	
Пропущенные	Затрудняюсь ответить	1	2,2		
Итого		45	100,0		

Степень воцерковленности родителей

Воцерковленность личности рассматривается нами в аспекте религиозно-конфессиональной социализации, как освоенность личностью и соблюдение ею норм и практик культового (церковного) поведения, характерного для православной религиозной традиции. Степень освоенности личностью норм и практик церковного поведения может быть различной. С нашей точки зрения, она косвенно указывает на

намерение личности руководствоваться в повседневной жизни христианскими (православными) нравственными ценностями, то есть последовательно воспроизводить (сохранять) религиозную православную традицию.

Степень воцерковленности родителей детей, обучающихся в воскресной школе, с нашей точки зрения, является, во-первых, фактором родительской мотивации обучения детей в воскресной школе, во-вторых, одним из основных

факторов воцерковленности детей. Соответственно, выявление степени воцерковленности родителей детей, обучающихся в воскресной школе, является необходимым в рамках исследования современных условий воссоздания православного воскресного церковно-приходского образования в России в целом, и нашего исследования, в частности.

Степень воцерковленности родителей определялась нами по модифицированной методике В.Ф. Чесноковой «Индекс воцерковленности» или «В-индекс». Индекс воцерковленности или В-индекс – суммарный показатель степени (уровня) воцерковленности православных христиан. Индекс воцерковленности образован путем группировки данных по шести показателям воцерковленности: «религиозно-конфессиональная самоидентификация», «частота посещения православного храма», «частота причащения», «регулярность чтения текстов Священного Писания», «форма молитвы», «пост». Показатель «религиозно-конфессиональная самоидентификация» – дополнительный, определяет оценку респондентом собственной религиоз-

ности/конфессиональности. Остальные пять показателей – базовые – измеряются по пятибалльной шкале. Данные по ним позволяют разбить весь контингент опрашиваемых на пять групп по степени воцерковленности: группа О (нулевые) – самая слабая степень воцерковленности; группа С (слабовоцерковленные); группа Н (начинающие); группа П (полувоцерковленные); группа Ц (воцерковленные или церковный народ).

Как показал анализ степени воцерковленности родителей учебно-воспитательной группы «Гефсимания», 97,8% опрошенных верят в Бога и 95,6% признают себя православными. На вопрос «Как часто Вы принимаете участие в церковном богослужении?» треть опрошенных родителей (33,3%) ответили, что несколько раз в месяц, треть (28,9%) – еженедельно, треть (28,9%) – несколько раз в год. Таким образом, по участию в богослужении опрошенные родители представляю собой почти равнообъемные группы: воцерковленных, полувоцерковленных, начинающих воцерковление (табл. 6).

Таблица 6

Распределение опрошенных по частоте участия в церковном богослужении

Table 6

Distribution of respondents by attendance of church services

Частота участия респондента в церковном богослужении					
		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Никогда не участвовал	2	4,4	4,4	4,4
	Реже, чем раз в год	2	4,4	4,4	8,9
	Один раз, несколько раз в год	13	28,9	28,9	37,8
	Несколько раз в месяц	15	33,3	33,3	71,1
	Еженедельно	13	28,9	28,9	100,0
	Итого	45	100,0	100,0	

А вот полученные ответы о регулярности исповеди и причащения позволяют несколько изменить представление об уровне воцерковленности родителей. Только около 14% опрошенных родителей исповедуются и причащаются несколько раз в месяц

(воцерковленные), большинство (53,3%) указали, что принимают участие в этих таинствах один или несколько раз в год (начинающие) (табл. 7 и 8).

Таблица 7

Распределение опрошенных по частоте исповеди

Table 7

Distribution of respondents by frequency of confession

		Частота исповеди респондента			
		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Никогда не участвовал	6	13,3	14,3	14,3
	Реже, чем раз в год	4	8,9	9,5	23,8
	Один раз, несколько раз в год	24	53,3	57,1	81,0
	Несколько раз в месяц	6	13,3	14,3	95,2
	Еженедельно	1	2,2	2,4	97,6
	Каждый пост	1	2,2	2,4	100,0
	Итого	42	93,3	100,0	
Пропущенные	Затрудняюсь ответить	3	6,7		
Итого		45	100,0		

Таблица 8

Распределение опрошенных по частоте причастия

Table 8

Distribution of respondents by frequency of communion

		Частота причастия респондента			
		Частота	Процент	Валидный процент	Кумулятивный процент
Валидные	Никогда не участвовал	5	11,1	11,6	11,6
	Реже, чем раз в год	4	8,9	9,3	20,9
	Один раз, несколько раз в год	24	53,3	55,8	76,7
	Несколько раз в месяц	8	17,8	18,6	95,3
	Еженедельно	1	2,2	2,3	97,7
	Каждый пост	1	2,2	2,3	100,0
	Итого	43	95,6	100,0	
Пропущенные	Затрудняюсь ответить	2	4,4		
Итого		45	100,0		

11% опрошенных родителей ежедневно читают духовно-религиозную литературу (воцерковленные), 33,3% – регулярно (полувоцерковленные), 40% – иногда (начинающие). 13,3% опрошенных родителей читают утренние и вечерние правила, 46,7% – молятся регулярно (полувоцерковленные), 31,1% – иногда (начинающие). Таким образом, наибольшую группу среди родителей составляют полувоцерковленные или воцерковляющиеся – в среднем 41,6%. Вторую по объему составляет группа начинающих воцерковление родителей – в среднем 27,2%. Воцерковленные родители в среднем составляют 16,8%. На основе полученных данных можно сделать вывод, что

основной контингент детей данной воскресной школы составляют дети, чьи родители находятся в процессе воцерковления, как и сами дети. Полученные результаты еще свидетельствуют о том, что в процессе воцерковления основные практики культового поведения осваиваются постепенно, с разной очередностью. Наиболее быстро осваиваемая практика – практика церковного богослужения. Вторая по очередности – практика домашней молитвы. Третья – чтение духовно-религиозной литературы. Наиболее сложными, а потому на более позднем этапе осваиваемые практики – исповедь и причастие.

Отношение родителей к обучению детей в воскресной учебно-воспитательной группе «Гефсимания» (г. Энгельс)

Как показали результаты исследования, среди основных мотивов, которыми руководствовались родители при принятии решения о воскресном церковно-приходском образовании своих детей, преобладают религиозные и нравственные, а именно: дать ребенку правильные жизненные ориентиры (51,1%), познакомить с основами православного вероучения (44,4%), приобщить ребенка к

церковной жизни (33,3%) (рис. 1). Преобладание указанных мотивов свидетельствует о том, что среди опрошенных большую часть составляют родители, желание которых дать своему ребенку церковное образование было не случайным, не спонтанным, а осознанным, целенаправленным и наполненным нравственными и религиозными смыслами. В тоже время, отдельную группу составляют родители, которые привели своих детей в воскресную школу с целью решения их социально-психологических проблем или трудностей (в общей сложности 31,2%).

Рис. 1. Основные мотивы родителей, принявших решение о воскресном церковно-приходском образовании своих детей

Fig. 1. Main motives of parents regarding their children education at the Sunday parochial school

77,8% родителей указали, что их дети посещают воскресную школу каждую неделю. Чаще всего детей водит мать (55,6%) и бабушка (35,6%).

Оценивая различные аспекты деятельности учебно-воспитательной группы «Гефсимания» по пятибалльной шкале, родители отметили абсолютную удовлетворенность, во-первых, организацией внеклассных мероприятий (82,2%), нравственным поведением учителей (82,2%),

уровнем духовности и религиозности атмосферы образовательного учреждения (82,2%); во-вторых, стоимостью обучения (80%), порядком поступления в школу (80%), отношением учителей к детям (80%), режимом работы школы (80%). Родители наименее удовлетворены работой с родителями (62,2%), материально-техническим оснащением школы (55,6%).

Необходимо отметить, что родители сами участвуют в деятельности воскресной школы:

57,8% респондентов участвуют в каждом мероприятии. Всего 8,9% респондентов признались, что никогда не участвовали в школьных мероприятиях. Основные формы родительского участия: в формах посещения

разных мероприятий, организованных школой – 71,1%, помощи ребенку при выполнении домашнего задания – 55,6%, участия в субботниках и благоустройстве территории школы (37,8%) и чаепитие (37,8%) (рисунок 2).

Рис. 2. Формы участия родителей в жизнедеятельности воскресной учебно-воспитательной группы «Гетсимания»
Fig. 2. Forms of participation of parents in the activities of the “Gethsemane” Sunday educational group

Подведем итоги. Рассматривая основные характеристики современных церковно-приходских воскресных школ Русской Православной Церкви для детей, можно констатировать, что в новых условиях взаимодействия государства, церкви и общества в российском обществе создается новый институт православного церковно-приходского образования и катехизации. На современном этапе восстановления традиционных церковных институтов православной социализации, церковно-приходские воскресные школы занимают основное место в системе церковного воспитания и образования для мирян. В общецерковных документах РПЦ церковно-приходская воскресная школа определяется как основная форма православного воспитания детей и подростков на приходе. В качестве основной

функции этого института определяется воцерковление, как религиозная социализация личности в контексте православной традиции с усвоением христианского мировоззрения, ценностей, норм поведения и интеграции в общность православных верующих. В аспекте главной цели современная церковно-приходская воскресная школа сопоставима с первыми, возникавшими в Древней Руси, церковными школами, перед которыми стояла схожая задача наставления в христианской вере переходившего из язычества в христианство древнерусского народа. Схожесть целей древнерусской и современной православной церковной школы, возможно, определяется схожестью нравственно-религиозного состояния древнерусского народа, принявшего Крещение, и большинства современных православных россиян старших

поколений, крещенных, но православно не просвещенных, а потому неспособных дать своим детям православное воспитание в семье. В аспекте степени самостоятельности и автономности выбора образовательной программы современная церковно-приходская православная школа в сравнении с церковно-приходскими школами дореволюционного периода отличается большей свободой и разнообразием в выборе содержания религиозного обучения. Свободная от государственного вмешательства в управленческий и образовательный процесс современная церковно-приходская школа является подконтрольной епархиальному руководству. Непосредственное управление ею осуществляется руководителем церковного прихода, при котором она функционирует. Если руководит школой духовенство, то преподавательский состав современных церковно-приходских школ формируется преимущественно из воцерковленных светских педагогов. Одним из новых субъектов образовательного процесса церковных школ являются родители. Для родителей современная воскресная школа представляет собой востребованный образовательный проект, в рамках которого родители осуществляют сознательный выбор в направлении религиозно-нравственного воспитания ребенка. В качестве привлекательных моментов в деятельности воскресных школ родители отмечают организацию внеклассных мероприятий, способствующих формированию нравственных жизненных ориентиров детей; доброжелательный тон в общении с детьми, а также четкую организацию самого образовательного процесса. Вместе с тем, сточки зрения родителей существуют и определенные недостатки в работе воскресной школы, а именно: недостаточное материально-техническое оснащение образовательного процесса и недостаточную степень вовлеченности родителей в образовательно-воспитательную деятельность школы. Отдельное изучение функциональной значимости как педагогов, так и родителей в рамках формирующегося в российском обществе института церковно-приходского воскресного образования – предмет наших будущих исследований.

Литература

1. Агеева А.В. Церковно-приходские воскресные школы: история возникновения и тенденции развития

// *Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология.* Вып. 3(18). 2010. С. 58-66.

2. Агеева А.В. Церковно-приходские воскресные школы: история возникновения и тенденции развития // *Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология.* Вып. 4 (19). 2010. С. 43-55.

3. Дивногорцева С.Ю. Церковный приход как институт религиозного образования // *Вера и время.* 2011. URL: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=1147> (дата обращения: 12.12.15).

4. Никитская Е.А. Воскресная школа как феномен педагогической действительности. История и современность // *Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология,* 2008. № 2(9). С. 121-132.

5. Никитская Е.А. Православная воскресная школа как воспитательная организация: социально-педагогический потенциал. М.: Логос, 2012. 208 с.

6. Отдел религиозного образования и катехизации // *Официальный сайт Покровской и Николаевской епархии.* URL: <http://pravpokrov.ru/eparchy/departments/religious-education.php> (дата обращения: 21.11.2015).

7. Положение о деятельности воскресных школ (для детей) Русской Православной Церкви на территории РФ от 2012 г. // *Православное образование. Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви.* URL: <https://pravobraz.ru/polozhenie-o-deyatelnosti-voskresnyx-shkol-dlya-detej-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-na-territorii-rossijskoj-federacii/> (дата обращения: 15.11.2015).

8. Стандарт учебно-воспитательной деятельности, реализуемой в воскресных школах (для детей) Русской Православной Церкви // *Православное образование. Синодальный отдел религиозного образования и катехизации Русской Православной Церкви.* URL: <http://pravobraz.ru/standart-uchebno-vospitatelnoj-deyatelnosti-realizuemoj-v-voskresnyx-shkolax-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/> (дата обращения: 15.11.2015).

9. Уфимцева Е.И. Воскресная школа в системе религиозного образования Русской Православной Церкви // *Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология.* Т.15. Вып.2. С. 44-52.

10. Уфимцева Е.И. Социальные практики православного воскресного церковно-приходского образования // *Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология.* 2015. Т.15. Вып.3. С. 37-43.

References

1. Ageeva A. Parochial Sunday schools: the history of the emergence and development trends. *VESTNIK PSTGU. Series 4: Pedagogy. Psychology.* Vol. 3(18). 2010. Pp. 58-66.

2. Ageeva A. Parochial Sunday schools: the history of the emergence and development trends. *VESTNIK PSTGU. Series 4: Pedagogy. Psychology*. Vol. 4(19). 2010. Pp. 43-55.

3. Divnogorceva S.U. Parish Church as an institution of religious education. *Faith and time*, 2011. URL: <http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=1147> (date of access: December 12, 2015).

4. Nikitskaya E.A. Sunday school as a phenomenon of the pedagogical reality. History and the Present. *BULLETIN OF NEKRASOV KOSTROMA STATE UNIVERSITY. Series: Pedagogy. Psychology*. 2008. №2(9). Pp. 121-132.

5. Nikitskaya E.A. Orthodox Sunday school as an educational organization: socio-pedagogical potential. Moscow: Logos, 2012. 208 p.

6. Department of Religious Education and Catechesis. *Official site of the Pokrovskaya and Nikolaev diocese*. URL: <http://pravpokrov.ru/eparchy/departments/religious-education.php> (date of access: November 21, 2015).

7. Regulations on the activities of Sunday schools (for children), the Russian Orthodox Church on the territory of the Russian Federation from 2012. *Orthodox education. Synodal department of religious education and*

catechesis of the Russian Orthodox Church. URL: <https://pravobraz.ru/polozenie-o-deyatelnosti-voskresnyx-shkol-dlya-detej-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi-na-territorii-rossijskoj-federacii/> (date of access: November 15, 2015).

8. Standard of educational activities implemented in Sunday schools (for children), Russian Orthodox Church. *Orthodox education. Synodal department of religious education and catechesis of the Russian Orthodox Church*. URL: <http://pravobraz.ru/standart-uchebno-vospitatelnoj-deyatelnosti-realizuemoj-v-voskresnyx-shkolax-russkoj-pravoslavnoj-cerkvi/> (date of access: November 15, 2015).

9. Ufimtzeva E.I. Sunday school in the religious education system of the Russian Orthodox Church. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Т.15. №2. Pp. 44-52.

10. Ufimtzeva E.I. Social practices of the orthodox Sunday of parochial education. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. Т.15. №3. Pp. 37-43.

Уфимцева Екатерина Игоревна, доцент, кандидат социологических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Ekaterina Ig. Ufimtseva, Associate Professor, PhD in Sociology, Saratov State National Research University